

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

#04 - 2011 / геополитика

Максим Замшев

КАРТ- БЛАНШ

РОМАН

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ПРОЛОГ

— Остается одно неприятное обстоятельство.

— Какое?

— Ваша жена.

— Не слишком-то вы любезны.

— Любезен? Хм. Неожиданный поворот. Никак не предполагал, что мне придется с вами любезничать.

— Не ерничайте. Моя жена не заслуживает и тени намека на что-то. Она почти святая...

— Ну что ж, рядом со святыми всегда падшие ангелы, не так ли?

— Сомнительный богословский пассаж.

— Ну уж богословие точно не про нас. Уймись, вам не к лицу красноречие. Повторяю, что считаю крайне нежелательным то, что она меня видела. Впредь прошу вас обсуждать заранее со мной такие вещи. Я рассчитывал на встречу тет-а-тет. Да и вообще, вся эта легенда о деловом партнере ниже всякой критики. Любопытный начинающий оперативник ее раскусил бы сразу. Неужели нам нельзя было встретиться где-нибудь в тихом месте?

— Не думайте, что представление о конспирации имеете только вы. Я тоже в курсе кое-каких нюансов. Ничто не вызывает больших подозрений, чем встреча, как вы выразились, в тихом месте. Моей жене опасаться бессмысленно. Она не из тех, кто интересуется политикой, особенно сейчас. Ее занимает только салон.

— А телевизор она тоже не смотрит?

— Здесь у нас только две российских программы, и она к ним довольно равнодушна.

— Ладно! Пока убедили. Вернемся к делу. Вы обмолвились о каком-то последнем пожелании. Я вас слушаю.

— К сумме надо прибавить еще пятнадцать процентов...

— Не слишком ли?

— Это мое последнее слово.

Иначе я раскрою ваш визит и ваши предложения.

— Можно узнать, кому вы расскажете?

— Нет.

— Вы тот еще тип. Однако, по рукам. И больше никаких

комментариев. Равно как и угроз. Дело превыше всего.

— Мы же деловые люди.

Двое мужчин возвращались с прогулки вдоль берега беспокойного моря. Сезон еще только начался, и от воды веяло сердитым холодком, волны грозно исходили пеной, заставляя благоговейно перед этой необузданной и вечной природной силой. Воздух легко двигался, при этом заставляя людей зябко ежиться и с волнением поглядывать в сторону горизонта с мыслью: пора бы уже погоде проясниться окончательно. Однако людям невдомек, что неведомое им — для природы яснее ясного.

Женщина расположилась в шезлонге, лицом к морскому горизонту, за спиной ее на первой линии побережья укоренился изящный и красивый дом, без дизайнерских изысков, но выглядящий очень современно. Морской бриз сейчас настырно колебал посадки вокруг него, примериваясь к лепесткам ранних роз, чтобы когда-нибудь улучшить момент и страстно налететь на эту красоту, смять, растоптать ее.

Женщина была красива, той благородной красотой зрелости, что настигает женщин нежданно, когда перипетии и подлинные чувства остались уже позади, но все еще влияют на что-то внутри. Кто-то восхитится этим, кто-то безразлично отвернется, а иные испытают благоговейное уважение. Краем глаза дама следила за приближающимися мужчинами, один из них — ее нынешний муж, а второй — его деловой партнер. Если твой муж бизнесмен, да еще такой деятельный, как Олег Камолов, рано или поздно придется устраивать приемы, любезно щебетать, надевать маску идеальной хозяйки и улыбаться сквозь зубы всем его друзьям, приятелям, знакомым, независимо от того, что чаще всего от них просто-напросто тошнит. Но сегодняшней гость был, скорее, приятен ей. Весьма галантен. На вид несколько домашний, толково говорит, довольно остроумно шутит... Плюс воспитан. Правда, пару раз он как-то уж чересчур пристально и холодно глянул на Олега, впрочем, ей могло и показаться. Они еще довольно далеко, но уже не выглядят как два медленно движущихся продолговатых крошечных

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

силуэта на фоне бескрайнего прибрежного пейзажа. Теперь их можно рассмотреть. Так называемый партнер — коренастый, невысокий, плотный; муж — подтянутый, суховатый, спортивный. Алиса Васильевна прикинула, через сколько времени они дойдут до дома. Пожалуй, минут через пятнадцать. Значит, есть еще время подумать о своем...

Сейчас в жизни главным для нее стали воспоминания. Она лелеяла их, берегла, выстраивала в определенной последовательности, словно главы романа, который никогда не будет написан. Реальная жизнь отползала от нее, как змея с вырванным жалом, и виделась порой намного более далекой и неясной, чем прошлое. Нынешний ее супруг создал ей здесь, на море, некое подобие парника, где она наслаждалась комфортом, знала, что ей обеспечено не только все необходимое, но и все, что она пожелает. И это ее вполне устраивало. Ее почти ничего не отвлекало, и она могла погружаться в медитативную пустоту. Сегодня она снова возвращалась в годы своей первой любви, во времена, когда в ней зарождалась новая жизнь, когда под сердцем начало биться сердце сына и счастье готово было вырваться из каждой поры, крича о себе во все горло. Как все изумительно начиналось и как банально, по-скотски кончилось. Ее от самоубийства тогда спасли молодость и, конечно, появление Бориса, принявшего ее такой, какой она была в своем горе, грехе и отчаянии. Ему она открылась. Не могла врать. Он поверил. Обещал никогда не напоминать. Бережно закутал в свою жизнь. Стал и мужем, и другом, и всем. Когда после тяжелейших и мучительных родов врачи вынесли приговор, что больше рожать нельзя ни при каких обстоятельствах, на Бориса было страшно смотреть. Он так наделся, что у них еще будет общий ребенок! Но стерпел, ни разу за всю их жизнь не упрекнул ее. Имя первенцу, кстати, тоже придумал Борис.

Проход.

Ей бы в голову не пришло так назвать сына. И фамилию ему дал свою. Черепицын. Теперь Борис в лучшем из миров, а у нее — другой муж, Олег Камолов, идеальный

мужчина, по крайней мере для нее. Финальная нота жизни в бравурном мажоре? Может быть. Вероятнее всего, это справедливо. С той ранней поры, с того предательства любимого человека до сих пор, несмотря ни на что, она потеряла веру в справедливость. Долгие годы жизни с Борисом эта потеря не замечалась, разбивалась о его силу и житейскую прочность. Но Бориса больше нет... А мертвые, как известно, живут в нас, в десятках разных мыслей, в многократных личинах хитроумной памяти, и ни чем не могут нам помочь, равно как и мы им.

— Алиса, дорогая, я тебя зову, зову, а ты внимания не обращаешь.

Женщина чуть заметно вздрогнула.

— Прости, Олег, я вздремнула. На воздухе так хорошо. Ну что, аппетит к чаю нагуляли?

— Вы нас так накормили, — гость впервые за все время, что она его наблюдала, улыбнулся, — но от чая у такой потрясенной хозяйки никто не откажется, тем более до самолета у меня еще уйма времени.

— Ну, так пошли к столу. Все готово.

И хоть солнце уже не било в лицо, Алиса Васильевна не снимала темных очков еще какое-то время. Не хотела, чтобы они видели ее глаза. И только в доме она подняла их на волосы. Ей, несмотря на возраст, это очень шло.

Часть первая

Как же достали эти тинейджеры! Голоса, искореженные дешевыми сигаретами и тупым весельем. Слышен то грубый хохот, то очумелые вопли, то обрывки бессмысленных фраз, перемежающиеся вполне осмысленной бранью. А ведь время совсем не раннее, черт возьми! Спать пора...

Вообще-то я человек не раздражительный, и окружающим редко удается вывести меня из себя. Но сейчас мне ничего не оставалось, как подойти к окну и злобно хлопнуть форточкой о раму. Другой бы на моем месте прорычал что-нибудь угрожающее, огласив гулкий двор необходимым в этом случае матом, но

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

я хорошо помнил, как еще не так давно и сам проводил время подобным образом. Из тех лет я вынес одно: людям никогда не понять близких. Они способны только сделать вид. И уважают друг друга лишь те, кому все абсолютно до лампочки. А такие, кто живет взахлеб, у кого с жизнью бурный роман, о других думать просто не в состоянии. Надо пить на улице дешевый портвейн и орать под чужими окнами, вовсе не заботясь, что у остальных могут быть иные проблемы и их понимание прекрасного входит в противоречие с ночными визгами и чьей-то вопиющей самодостаточностью.

Но у всех, как говорится, своя философия... На философию вообще можно свалить многое. «Что-то у тебя вид слишком философский?», или «Что-то меня на философию потянуло...», или «Отнесись к этому философски...» Приходилось вам слышать такие фразы?

И мне.

И что под ними подразумевается?

Да ничего. Философия — это отчаянная попытка ума обхитрить себя. Доказать себе, что ты умнее не только всех, но и самого мироустройства, что ты способен влиять на ход событий, пересматривать саму суть Вселенной. Изысканная, красивая, сатанински логичная попытка. И сколько умов пало в этой борьбе! И как эффектно пало! Увы, невеждам во все времена от этого ни холодно, ни жарко. Они не имеют об этом абсолютно никакого представления и счастливы в своем стерильном невежестве. Иногда, когда есть время поразмышлять о жизни, ужас берет от того, сколько во все времена человечество воспроизводит безумцев.

Так. Меня занесло не в ту степь. Надо возвращаться к себе самому.

Форточку я с ненавистью буквально вбил в раму. И вовсе не тинейджеры тому виной, а то, что дела мои действительно отнюдь не хороши и пришло время пораскинуть мозгами и понять, что происходит в моей жизни и как я угодил туда, куда угодил.

Форточка здесь, спрашивается, при чем?

Да ни при чем.

Надо на ком-то выместить отчаяние и злобу.

Во-первых, сегодня окончательно стало ясно, что Ирка меня бросила. Последняя ее смска... *Последняя ли? Неизвестно.* Тем не менее она весьма конкретна.

«Оставь меня в покое. Я наконец встретила хорошего человека и хочу быть с ним. Не пиши мне и не звони. Все».

Теперь бесполезно ждать ее. Зря я купил шампанское и ее любимый камамбер.

Что есть хорошего и плохого в том, что Ирка меня покинула, сделала ручкой в весьма злобной форме? Хорошее, несомненно, то, что я и сам собирался это сделать, только ленился, малодушничал, не уверен был надо ли, пора ли... Кто скажет мне, что женщину бросить легко, если женщина не хочет, чтоб ее бросили? Человеку гуманитарного склада (к коим я сам, к несчастью, принадлежу) отделаться от назойливой дамы фактически невозможно. Куда деваться от всепроникающей жалости? А от боязни, что и сам потом неожиданно пожалеешь, никого не встретишь, не привяжешься так? Злой рок или замкнутый круг? Хрен редьки не слаще. А им, бабам, жалость вообще незнакома. Вот и Ирка банально променяла на другого.

Впрочем, пора поменять ракурс. Очень полезно для выхода из тупика размышлений. И что я так дергаюсь, раз сам хотел с ней развязаться? Она мне помогла! Bravo! Отличный выстрел — в десятку с первого патрона. Одна досада — «хороший человек». Факт неприятный и даже оскорбительный. Откуда он взялся? Променяла, выходит, меня на другого! И давно ли?.. Лучше б уж я на кого-нибудь ее променял.

Что еще?

Ах, да!

Во-вторых, сегодня же (ну и денек) определилась перспектива продолжения моей работы на канале Т1, где я уже пять лет благополучно вел очень популярное и всеми проклиняемое реалити-шоу «Гном-5».

Кризис добрался и до меня. А ведь не должен был. Однако мало ли кто что кому должен.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Канал перекупили, всех сотрудников шоу разогнали. Сюжет банален до абсурда. Новая телевизионная политика! Продюсер развлекательных программ Григорьев так и заявил, что «Гном-5» не отвечает новой концепции влияния на массового телезрителя и, значит, подлежит немедленному закрытию.

И никакой тебе защиты прав трудящихся!

Социализм давно побежден как неизбежное зло.

Кто-нибудь скажет, поздно, мол, ты, вражина, про социализм вспомнил. Да, поздно.

Ну и что?

Стоит сказать, что с этого идиотского «Гнома-5» я и сам собирался уже год как свалить. Думал так: денег скопил больше, чем достаточно, кое в чем поднаторел, не пропаду. На телевидении свет клином не сошелся. Кругом полно работы. Я же будь здоров какое растение на медиаполе. Живучее. Почти сорняк. Но... вот выгнали они меня крайне невовремя. Хотя вряд ли кого-нибудь могут выгнать с работы вовремя. Это как запой. Стоит какому-нибудь солидному человеку при должности и положении, но с известной русскостью в характере запить, все в один голос ноют: надо же, как невовремя. Но доводилось ли вам слышать хоть раз, чтобы в адрес запойника звучало: «Молоток! Вовремя запил. Прямо как подгадал. Так держать»?

Так что я теперь безработный.

Да еще вдобавок и брошенный любимой женщиной.

Условно любимой.

То есть не женой. Вы когда-нибудь замечали, что, теряя работу или жену, сразу хочешь найти новую и соглашаешься на первое, что попадется? Терпения не хватает. Отсюда ошибки, драмы и даже трагедии. Но я не из таких. Мне не чужд философский подход. Очень даже не чужд. Единственное, чего не люблю, это пускать слюни по поводу окончания нежных отношений. Но именно этого, по закону подлости, чаще всего и хочется.

Но не люблю.

И не буду. Тоже мне повод!

Ладно. В холодильнике шампанское и сыр, а в морозильнике набор каких-то почти неопределяемых

овощей. Если ими в кого-нибудь бросить, можно нанести серьезную травму...

Зачем ты так, любимая?

За окном раздался звук разбитого стекла, и сразу куда-то пропал желтовато-холодный свет фонаря. Наверное, чертовы тинейджеры расколотили.

Рука потянулась к телефону.

Потянулась с подлой мыслью: не одумалась ли Ирка? Но маленький, отвратительно поблескивающий мониторчик не высвечивал новых входящих сообщений. Да и от кого им быть? Она теперь с «хорошим человеком», а более никому в третьем часу ночи я не нужен. Кстати, телефон я почти всегда держу в режиме «без звука». Особенно если я дома. Не люблю неожиданностей, пугаюсь звонков. Однако на телефон время от времени посматриваю. Вдруг что-то важное.

После внезапной гибели фонаря светил только телевизор. Шел какой-то бессмысленный футбол. Кажется, сборная Турции играла со сборной Японии в товарищеском матче. Ничего интересного для русского человека. И зачем по нашим каналам это показывают? Не чемпионат же мира! Наши не играют... Я хоть и работаю, мда... пардон, с сегодняшнего дня надо говорить «работал», на ТВ, но многое понять до сих пор не могу. Вроде везде уже обосновались менеджеры, всякие маркетологи, специалисты по рынку... а смотреть нечего. Или вопят сомнительной ориентации шоумены или шепчут не менее сомнительных убеждений политики. Про кино вообще умолчу. Где вы, золотые времена «Санта-Барбары»?

С телевидения я собирался уходить всерьез. Надоело до смерти. Да и хотелось попробовать чего-то иного. А может, и вовсе начать с чистого листа. Это же так льстит самому себе, что подумываешь начать все заново. Выходит, ты не слабак, ты ни за что не держишься...

Как до дела доходит, так прыти поубавляется.

Вот и лежишь в темноте и пялишься в дебильный ящик. Страдаешь, переживаешь, нервничаешь, изводишь сам себя... Еще пару недель назад ты мнил себя

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

суперменом. И что в итоге? Собирался уйти от надоевшей подруги и с надоевшей работы, грезил о его величестве Поступке, но палец об палец не ударил, чтобы что-то осуществить. Все случилось само собой, без всякой воли и участия.

Надо бы плясать от радости.

Но нет — лежим в тоске.

И сыр не едим, и шампанским его не запиваем. Одно слово, и то заимствованное: и гений, парадоксов друг. Звучит, конечно, утешительно, но я не гений. Я Прохор Черепицын, известный на всю страну бывший ведущий бывшего шоу «Гном-5», тот, кто засоряет мозги молодежи и вызывает негодование у депутатов консервативных фракций.

Да, это именно я.

Слава богу, что шоу закрыли. Я ликую... Сначала «Гном», потом «Гном-1» и далее по нарастающей пятнадцать с половиной лет. Ведущие первых шоу теперь возглавляют целые каналы, а мне не повезло... *Да что это я?! Сам себя жалею, что ли?* Все, что ни делается, — к лучшему. (Ничто так не помогает, когда все плохо, как пословицы и афоризмы...)

Как только начинаю благородно думать, что пришла бессонница и что теперь, потрясенный и смятенный обстоятельствами, буду всю ночь пить кофе и многозначительно смотреть в стену в поисках единственно правильного выхода, почти сразу отключаюсь.

Утро вечера, бесспорно, мудренее, но все равно обидно как-то.

Так и в этот раз. Только я представил себя, задумчивого, красивого, грустного, несколько демонического, отбрасывающего тень в свете телевизионного экрана (*проклятая работа приучила все время представлять, как выглядишь со стороны*), с горестной складкой у рта и горящими от напряжения глазами, как мысли спутались, и я провалился в сонную мякоть, которой, как известно, абсолютно наплевать на то, кто ты есть наяву.

Когда он смотрел на карту России, его охватывал восторг. Невиданная территория! И как она раздувается на Восток, увеличивается, словно запугивает крошечную Японию.

В центре Якутия! Государство в государстве. Морозы и ветер, который дует неровно, зигзагами. На таком ветре ощущаешь, что кто-то хочет содрать с тебя кожу, вывернуть наизнанку твоё лицо, залезть в глазницы, заполнить ноздри, забить вязким воздухом рот.

Он смотрел на краску карты, на аккуратные буквы названий, и перед его глазами, словно увеличенные огромной лупой, проносились леса, дороги, снега. Потом что-то мутилось, почти тошнотворно, он видел маленькие черные точки, которые неодолимо и уродливо вырастали, превращаясь в гигантских лошадей. Лошади — его мучительный и постоянный кошмар. Он ненавидел их так, как ни одно другое живое существо. Черные точки неизменно прижимались друг к другу и превращались в плотную вонючую лепешку навоза, которая напознала и в итоге кидалась на него, пачкая руки, лицо, душила так, что он задыхался и исторгал утробный, безумный крик.

Он разлепил веки, склеенные слезами, сел на кровать. Самая середина ночи! Не утро и не вечер. Бездна, тьма, страх, как и вся его жизнь. Включил ночник. Он одолеет ночь. Одолеет себя и других.

В изголовье кровати он всегда вешал мундир. Его это успокаивало.

Для чего изобретены мобильные телефоны? Мобильные телефоны — это средство борьбы с одиночеством. Ведь, как бы тебе тоскливо ни было, достаточно кому-нибудь позвонить или прислать сообщение, и ты уже в полном порядке. Не верьте тем, кто жалуется, будто им все время звонят и это их ужасно тяготит. Присмотревшись, вы поймете, что они часто достают телефон из кармана с надеждой: а вдруг кто-нибудь проявится?

Я не исключение.

Я боюсь одиночества. Поэтому, открыв глаза и придя в себя после неровного и недолгого сна, я первым делом протянул руку к мобильнику. Это почти привычка, почти вредная. Увы! На этот раз ни Ирка, ни кто-либо другой никакого интереса к моему существованию не проявили.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Ну что ж! Не проявили, так не проявили. Мобильник — на прежнее место. Сам себе даю установку: мне совершенно все равно, будет ли мне кто-то сегодня звонить или писать!

Утром, кстати, люди больше всего внушаемы. Не случайно в утренних телешоу столько астрологических прогнозов, полезных советов, как жить и питаться, и, главное, плохих новостей. Каждое утро из телепрограмм мы узнаем о фактах омерзительного людоедства, как пьяные «мажоры» на иномарке врезались в людей на остановке, как по швам трещит экономиста, как хоронят Майкла Джексона, какие трансферные трудности у «Челси» и так далее.

Я кое-что понимаю в телевидении... Кстати, телек я вчера так и не выключил. И сейчас по нему опять шел тот же самый матч, что и вчера. Не дай бог вчера кто-то так и не уяснил для себя, турки выиграли у японцев или японцы у турок. Без этого мы ничего не поймем про «Челси»!

Как сладко проклиная ТВ, когда уже ничем с ним не связан!

И почему все-таки не пишет Ирка?

Неужели она абсолютно по мне не соскучилась?

Женщины редко скучают по мужчинам, когда они уже решили прервать отношения. Зачем тратить душевные силы на такое непрактичное занятие? Надо объективно смотреть на вещи. Если женщина решила уйти, ее ничем не остановишь. Даже если превратишься на день в Ричарда Гира или Тома Круза.

А любила ли она меня?

Может, мне самому ей позвонить?

Дорога плавно и стремительно отдавалась настойчивым колесам автомобиля. Иномарка шла легко и уверенно, но расслабляться нельзя — в средней полосе России трассы полны опасных поворотов: только все спокойно, а через секунду какой-нибудь лихач вырывается тебе навстречу. Синицын любил водить машину, это придавало ему ни с чем не сравнимое ощущение комфорта и независимости, и даже растущие день от дня пробки не очень смущали его.

Для людей с таким характером машина — второй дом на колесах. Поэтому сегодняшний выбор очевиден. Москва — Тамбов? Никаких поездов. Только за руль...

То, что директор так скоропалительно отправил его на этот дурацкий семинар по усовершенствованию охранных систем, вызывало, конечно, подозрения, но не очень серьезные. Этот тип был не чужд пижонства и желал иметь в своем хозяйстве все самое модное. Да и убирать из города его, начальника охраны, с какими-то специальными целями не имело особого смысла. Люди у Синицына в подчинении верные, всех семерых он отбирал лично. Так что есть он на месте или нет, всерьез ничего не меняет. Однако что-то все же нехорошо скребло внутри. В последнее время поведение директора неуловимо изменилось. Он стал чуть наглее, увереннее, а глаза поблескивали каким-то маниакальным желанием. Однако подозрения вполне могут оказаться беспочвенными. Хотя по поводу таких типов совсем беспочвенных подозрений не бывает, и все же случайное совпадение никогда нельзя исключать.

Вот уже и Тамбов скоро. Как же красиво все-таки! Классическая Россия. Поля, холмы, перелески, мягкое желтое солнце... Так и подмывает выйти из автомобиля, вдохнуть разогретую пыль провинциальной трассы, отойти чуть-чуть в лес, что сразу же брызнет ароматами тысяч трав, укроет древними кронами, поманит грибными тропинками, раскроет твои легкие природе и ее первозданной чистоте.

Бывший майор пожалел, что приехал сюда по делу и вряд ли будет время погулять с толком и полюбоваться окрестностями.

В номере гостиницы с поэтическим названием «Державинская» он сразу же рухнул на большую кровать, которая едва не сломалась под тяжестью его тела. Спина затекла и болела. Сказывались часы за рулем, а может, и годы. Шестой-то десяток уж разменян. Полежав минут десять с закрытыми глазами, разделся, принял душ, растер себя, как полагается, чтобы

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

восстановить кровоток. Дилемма: сразу спать или все же поужинать?

На голодный желудок не особенно поспишь.

Ресторан в «Державинской» — советское помпезное помещение с высоченным потолком и огромными окнами. Внутри же царила типичная провинциальная атмосфера. Музыканты с дежурным задором распевали блатной шансон, а два бугроватых парня пьяно плясали перед сценой, заказывая одну и ту же песню по третьему разу. Песня дурацкая, но вполне подходящая к обстановке — «наколи мне, кольщик, купола». Публика не протестовала: парни, видать, были в авторитете — не с одним наколотым куполом на груди.

— Чего изволите?

— Ужинать.

— Чем ужинать? Водочкой, коньяком?

— Коньяком, пожалуй, только получше. Мясной салат и форель. Желательно побыстрее.

Официант принес бутылку. Синицын налил себе в фужер на два пальца и быстро выпил. Прошло минут пять, выпивка еще даже не улеглась, как все завертелось по сценарию третьего сорта боевика. Сперва бывшего майора неодолимо потянуло в сон, потом кто-то вдруг поднял его за шиворот, и он по доведенной с годами до автоматизма привычке в ответ резко ударил кого-то в печень. Инстинкты еще бороли сон, но силы уходили стремительно. Потом менты куда-то волокли его, не сильно, но умело поколачивая по дороге. Проснется Синицын не скоро.

Снотворное окажется сильнодействующим. В местном отделении милиции дебиловатый сержант начнет унылый допрос. В карманах пиджака все будет цело, исчезнет только мобильный телефон.

Самые худшие подозрения оправдывались.

Завтракать дома я не люблю.

Пока закипит чайник, пока приготовишь себе яичницу, наделаешь бутербродов, достанешь вилки с ложками, весь кайф куда-то пропадает, и во всем обнаруживается нестерпимая пошлость. И кофе кажется невкусным, и бутерброды

падают в живот камнями. Неудачный завтрак как неудачная любовь: если уж что не заладилось, лучше забыть и не жалеть. Другое дело, когда тебе кто-нибудь приготовит, и ты, просыпаясь, уже втягиваешь приятный аромат оладьев, колбаски, кофейных зерен. Но... я живу один, и будет об этом. В ближайшее время это не изменится. Поэтому завтракаю обычно в кофейне около моста. А между прочим, обитаю я в самом центре, на Садовнической улице, в двух шагах от Красной площади, сердца нашей родины. Квартира перепала мне от бабушки, царство ей небесное. Отличная хата для молодого мужика, не обремененного семьей. Когда-то я собирался ее отремонтировать, но потом передумал.хлопот много, а толку мало. Кровать есть, ванная есть, зимой тепло. Что еще надо?

Главное достоинство моей любимой кофейни — что она близко. Да и симпатичные официантки неизменно меня встречают как старого знакомого, что, правда, не делает ни меня, ни их счастливее, но это все же лучше, чем ничего. В мире так много людей, которые с утра до вечера делают вид, что им друг на друга плевать! И хорошо, что попадаются те, кто убеждает себя и остальных в обратном.

Однажды, зайдя туда с Ирккой, я понял, что мои «кофейные покровительницы» не готовы воспринимать меня рядом со спутницей... Женщинам намного труднее примириться с существованием друг друга, нежели мужчинам. Это несмотря на всю кошачью мягкость их повадок и обворожительность улыбок. Трудно понять, откуда в дамах такая уйма мелкой злобы. Не верьте в искреннюю дружбу супружеских пар. У одной женщины всегда есть тайные или явные претензии к другой. И рано или поздно мужья услышат гневное: ну и дряннь нашел себе твой дружок! Интересно, все бордели в поисках обошел? И как бы наивные и прямодушные мужья ни отмахивались от этой чепухи, как бы ни пытались привести весомые резоны, яд уже впущен... Мужчины в неловком положении, женщины ликуют, цель достигнута. А то эти самцы полагали, что все так просто! Дружба, идиллия,

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

семейные визиты вежливости. Нет уж! Получите и распишитесь!

Побрился я с особым тщанием, не торопясь, подолгу оглядывая свою физиономию с разных сторон, растягивая кожу на подбородке и на щеках. Изрядно вылил лосьона, промокнул полотенцем, потом еще повертелся у зеркала. Нигде не работающий и никем не любимый мужчина отправляется завтракать! Великолепная антикризисная картина!

И все-таки, когда я дошел до кофейни, входить в нее расхотелось. Вряд ли я когда-нибудь толком смогу объяснить почему, но массивные, под старину сварганенные двери будто перегородил невидимый и тяжело опустившийся перед моим носом шлагбаум. При мысли о кофе, не в меру разбавленном водой и молоком, стягивало внутренности. От назойливого кондитерского запаха мутило.

Может быть, кто-нибудь написал мне? Или нет? Но, взглянув на экран телефона, я убедился: ни непринятых вызовов, ни новых входящих сообщений. От злости даже переключил режим «без звука», который на моем телефоне установлен почти всегда. Какая разница! Все равно никто не звонит и не пишет. Кому я теперь нужен? Нет, это правда смешно, ставить беззвучный режим тому, кто даром никому не нужен.

Кончилось тем, что я вернулся домой, в свое престижное (по месту расположения) однокомнатное жилье. Приют одинокого молодого мужчины. Не трудно догадаться, что завтрак мой составили шампанское и пресловутый сыр, купленные вчера для ожидаемой трапезы с любимой девушкой.

(Забавно, что когда мы употребляем сочетание «любимая девушка», то подразумеваем «девушка, которая со мной», а вовсе не «девушка, которую люблю»).

Он служил в пожарных войсках всю свою сознательную жизнь, но более странного приказа не получал. Конечно, он все исполнит. Его суть, давняя и растоптанная, как ботинок, в том, чтобы исполнять не раздумывая. Если он хоть раз позволит себе сомнение, его человеческая жизнь кончится, сойдет с рельс и завалится в

темный кювет. Этого он себе не простит. Пожарник, не исполнивший приказ, — убийца. Огонь, добытый людьми с таким трудом, легко превращается из друга во врага, оставляющего после себя выжженные следы своего неистовства. Но сегодняшнее распоряжение никак не связано с огнем. Может, ошибка? Нет! Таких ошибок не бывает, не бывает... Как он объяснит ребятам? Они ж его за глаза называют батей, уважают. А тут такое! Кому понадобилось, чтобы он распределил пожарные машины по разным точкам в одном районе Москвы, причем точкам по незаметным: во дворах, на тихих улочках, в подворотнях. Зачем и кому это нужно? К чему там пожарные машины в таком количестве? Раньше все было ясно: сигнал, пожар, тушение, эвакуация, борьба за жизни. А теперь? Какие-то игры... Пора на пенсию, коли не можешь разобраться в том, что другим очевидно. Но перед пенсией невозможно не выполнить приказ. Даже такой!

А потом гори оно все огнем.

Ирка и правда была единственной из всех моих подруг, кого абсолютно не интересовало мое социальное положение. В наше корыстолюбивое время — факт удивительный. Я ведь не последний человек на этом свете! Меня каждую полночь смотрели миллионы, у меня все в порядке с деньгами и с возможностями. Я никому ничего не обязан доказывать и уж точно никому ничего не должен. Меня, черт возьми, узнают на улицах: вон идет Прохор Черепицын. А для нее всего этого, из чего соткана большая часть меня, как будто не существовало. Я поначалу обижался. Недоумевал даже. А потом смирился. Может быть, она жила на какой-то неведомой мне планете или в иной стране, где большая часть народа не пялится в бессмысленный ящик, из которого вылезают разные удачливые прохвосты вроде меня?

Видите, как я парадоксален. То хвалю себя, то ругаю. Ирка же парадоксальностью не отличалась. Скорее, в ней играло врожденное упрямство, и если уж вела себя как-то, то заставить ее вести себя по-другому никто не мог. Твердый характер? Едва

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ли. Больше похоже на самовнушение. «Буду делать вид, что он никто. Пусть реагирует на это как хочет». Хотя сейчас я не могу быть к ней справедливым, ведь она променяла меня на «хорошего человека». Поэтому не очень-то верьте в то, что я плету вам про Ирку. Вполне вероятно, ее нежелание слушать кого-либо, стремление делать все по-своему, пресловутая самостоятельность во всем и были ее главными добродетелями. А если она искала во мне кого-то другого, не того, кто заученно острит, ослепительно улыбается и красиво ухаживает? Искала, да так и не нашла?

Хватит себя изводить! Уймись, Черепицын! Поздно что-то объяснять и себя оправдывать. Ты уже ничего изменить не в состоянии, и засунь свои распрекрасные размышления куда подальше...

Это я подражаю своему внутреннему голосу. Получается как-то кисло.

Кстати, познакомились мы с Ириной в одном караоке-клубе. Заметьте, с самыми близкими людьми чаще всего знакомишься в самых дурацких местах. Ты пришел случайно, и кто-то еще пришел случайно. И в самом неподходящем месте зарождается начало самой прекрасной истории.

Не люблю я караоке. Судите сами: собираются люди и упорно, не зная устали, воют. Вместо луны — светомузыка. Верещат, почти не говорят друг с другом, отыскивая в себе свое первобытное орущее бессмысленное «я». А в перерывах торопливо пьют и совсем уже спешно закусывают. Будто бояться не успеть допить все до конца, будто кто-то вот-вот придет и выгонит их, не выдержав чудовищных звуков. Стоит все это сомнительное удовольствие, между прочим, немалых денег. Живем в эпоху рынка и свободных ценностей. Каждый может тупить, как хочет. Зарабатывай и трать, трать и зарабатывай. Пока не подохнешь.

Словом, не ходок я в эти караоке...

Но как-то один приятель затащил меня. Не думайте, что меня так легко заманить туда, куда я не хочу идти. Я тоже человек с характером и самостоятельный, но у приятеля

грянул очередной день рождения, а отметить его он вознамерился в караоке-клубе. День рождения — мероприятие серьезное и, согласитесь, самое обидное. Больше всего люди обижаются не на то, что их предали, обманули, ограбили, а на то, что их не поздравили с днем рождения или не пришли на именинную гулянку.

Мой приятель обожал петь. Как и все, кто не умеет этого делать и, более того не имеет для этого не малейших способностей. Отговорить его справлять там день рождения не представлялось возможным. Дабы не обижать товарища, я принял волевое решение: посидеть часок-другой и под шум какой-нибудь слюнопускательной песни тихонько удалиться.

Караоке-клуб располагался в саду Вернисаж, имел претенциозное название «Карт-бланш» и считался чуть ли не элитным. Приятель мой забронировал столик в козырном, по его мнению, месте — возле самых колонок. Это означало, что на непринужденную, ни к чему не обязывающую беседу с кем-нибудь из гостей шансов никаких.

При таком грохоте даже самого себя не услышишь. Голова через полчаса будет звенеть. Лучшего дня рождения не придумаешь: никто никого не слышит, никто ничего не понимает. Все пьют и горланят песни.

Ирка пришла с подружкой.

Девушки любят ходить на коллективные пьянки с подругами. Им почему-то кажется, что это безопаснее. Хотя чего они боятся и от чего уж их в состоянии спасти подруга, они, как правило, не знают. Им этого и не надо знать. Такие уж они у нас, в современном мире. Не тургеневские девушки. Ничего не соображают, но цену себе набивают. Что делать... Рынок проник и в любовь!

Мне сперва приглянулась Иркина подруга. Элеонора (так гордо и вызывающе звалась она) обладала массой качеств и свойств, чтобы обратить на себя внимание такого мужчины, как я, который зашел на часок, мечтая поскорее смыться. Очень яркая брюнетка, лицо, отличающееся манкостью и очевидной привлекательностью, да плюс ко всему, когда она смотрела на мужчин, глаза ее немного щурились, а рот растягивался в такой соблазнительной

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

улыбке, что даже показывавшиеся, чуть неровные зубы не портили общей ослепительной картины. Она сама пригласила меня на танец, сама стала трогать меня за руку, сделала намек на то, что я могу прижаться к ней бедрами. По всем законам жанра, у ситуации был очевидный вариант развития — страстный короткий роман без взаимных обязательств и обременений. Раньше подобное было бы желанным преимуществом для мужчин, сейчас же, в эпоху гендерного слома, многие дамы также считают такой нехитрый сценарий наилучшим. Еще не так давно мужчины искали чувств, женщины — отношений. Теперь все перепуталось. Каждый замыкает мир на себе, и мир скоро этого не выдержит. Цинизм и расчет стали защитой от одиночества, куда все мы себя загнали от страха за будущее. Какие уж тут чувства и отношения! Лишь бы никто не нарушил твоего комфорта, не посягнул на твой страх. На добротную почву лег кризис, не так ли?

Соблазнительница Элеонора недооценила одного обстоятельства, вернее, она не могла его оценить, поскольку не подозревала, что у меня аллергия на все агрессивные парфюмерные запахи. Но таково уж прихотливое свойство моего обоняния. Последствия этой аллергии своеобразны, — медицинская наука о них пока умалчивает. Я не начинаю на глазах у всех задыхаться, кашлять, сморкаться, дрожащей рукой искать в кармане заветные и спасительные пузырьки или таблетки. Моя аллергия незаметна для других, но весьма мучительна для меня. Дело в том, что даже при легком дуновении этих ароматов меня охватывает нестерпимая тоска.

К Ирке я подсел, чтобы спастись от ее благоухающей подруги. Девушка — «ничего особенного», решил я, приглядевшись к ней. Росточка махонького, худенькая, хотя в глазах приятная глубина и в целом личико миленькое. Но не более. И вот как-то так получилось, что очень мило мы стали с ней общаться, потанцевали, обменялись телефонами, потом встретились еще разок, потом еще... Вроде бы она совсем не та девушка, что могла бы составить счастье известного телеведущего. Или хотя бы

кратковременную иллюзию его счастья. Но только я сижу теперь дома и готов отдать все что угодно, лишь бы заметить на телефоне значок пришедшего сообщения, а еще лучше услышать ее глубокий грудной, совсем не отвечающий хрупкой внешности голос.

* * *

Фирменный стиль ресторана Дома литераторов — старомодно-советские наряды официантов. У женщин — передники, кокошники, у мужчин — неизменные костюмы и белые сорочки. Конечно, те времена, когда здесь кипела, процветала, выплескивалась в мир полутайная, полулживая и полудиссидентская жизнь прошлой элиты, давно канули в Лету. Но и сейчас этот кабац принадлежал к числу клубно-закрытых, и заприметить здесь можно было деятелей весьма известных, которых забегали пропустить рюмочку, закусить солянкой и пуститься дальше в путь по своим сомнительным делам.

Писатель занял свой любимый столик на двоих в уголке. Его здесь помнили с давних времен. Пожилой администратор Гарибальд Сергеевич, последнее время редко появляющийся на работе трезвым, проходя по ресторану в свой кабинетик, неизменно поднимал руку в многозначительном приветствии. Приятно, конечно... Но сегодня, он это понимал, встреча не требует никакой сентиментальности.

Жил писатель недалеко. Еще лет десять-пятнадцать назад мог чуть ли не пробежать это расстояние в пару кварталов, а теперь проходит с трудом. Ноги ноют, одышка... Что делать? Годы — неизбежность. Земная жизнь истончается... Она могла бы продолжиться в литературе. Но... Об этом думать не надо, слишком грустно все по этой части устроено: в последние годы слава только у пошловатых телеведущих... Остальные — сбоку припека, и рассчитывать им можно только на крошки от шикарного медийного пирога.

До полудня еще десять минут. Писатель специально пришел с запасом. В беседе всегда имеет преимущество тот, кто пришел раньше.

По стенам ресторана были расставлены книжные шкафы,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

намеренно выполненные под старину. На полках в ряд — прочные корешки неновых книг. Владельцы хотели создать подобие храма литературы? Получилось так себе. Да и как получится у неучей? Наставили туда всякую гослитовскую дребедень... Уж писатель-то разбирался в книгах. Не в том что в них написано: вечные ценности — векам, — а в крупнокупюрном их эквиваленте. Таких специалистов по книжному антиквариату, как он, по пальцам перечесть. Ах, если бы ему удалось стать таким же штучным писателем! Но, увы, не вышло... Однако с его ловкостью и умом он нашел способ решить и эту задачу... А этот соплик все чуть не испортил... В старости разница в возрасте ощущается все меньше, но он по-прежнему думал о нем как о сопляке. И чего не хватало?

Тем временем в дверях ресторана появился тот, кого он ожидал... И хоть в зале в этот час народу было не густо, на него обратили внимание. Вальжная походка и надменный взгляд не оставляли вариантов: могущество его столь велико, что позволяет не брать в расчет такую мелочь, как люди.

Завидев писателя, гость не улыбнулся. На лице — все то же отсутствие выражения:

— Ты уже заказал что-нибудь? У меня мало времени.

Писатель никак не мог привыкнуть к тому, что этот здоровый мужик разговаривает с интонациями пискливой курсистки.

Шампанское — весьма гадкая вещь. Когда на душе нехорошо, лучше уж водку пить. Горько, противно, а ты ее глушишь и глушишь, изображая перед самим собой отчаяние. А шампанское — напиток свадеб и счастливых новогодних застолий — так или иначе напомнит о чужом счастье, уюте, о том, что у тебя ни счастья, ни уюта нет. Да и опьянение от него дурное...

Как вы поняли, после изысканного завтрака с шампанским и сыром настроение у меня не улучшилось. Тоску по Ирке разогнать не удалось. Остро требовался некий поступок, активное действие. Как говорится на первой кнопке ящика: «У

вас есть возможность позвонить другу». Конечно, в таких ситуациях куда более логичен звонок подруге. Тем более что номеров этих подруг в телефонной книге у меня достаточно. Но, если вдуматься, встреча с женщиной сегодня вряд ли разрешит мои внутренние противоречия, а привести к новым проблемам может запросто. Женщина — не клин. Одну другой не вышибешь. Только умножишь печаль. Дамы повсеместно обладают одним отличительным свойством: создавать проблемы, когда от них ждешь чего-то совсем иного. Например, ласки, нежности, участия, сочувствия... Кстати, я натура совершенно не рефлексирующая. Уж кого-кого, а себя я знаю. Вся эта история с Иркой забудется не дольше чем через пару дней. Но пока этого не произойдет, я буду мучиться, а призрак «хорошего человека» продолжит отравлять мне существование. Выходов, то есть способов отвлечься, не так много. Звонок другу... Вот только кто этот друг? В юности все было легко. Друзья откликались, каждый звонок был началом свиданий, встреч, безудержных гульбищ, где сердца распаивались навстречу всему новому. Юность всегда такая как в книгах. (Дальше литература реже угадывает.) Теперь все как-то иначе. Жизнь стала похожа на очень полезную диету, а возраст определяется не количеством прожитых лет, а набором условностей, которыми обрастает существование. И вот уже не всякому и позвонишь, когда на душе паскудно! «Работа», «Семья», «Другие планы», «В другой раз обязательно» — вот стандартный набор ответов. А стоит за этим всегда одно: проваливай с твоими проблемами, у меня своих по горло.

Так кому же позвонить?

Телефон зазвонил сам. Причем традиционный, городской. Иногда кажется, что этими допотопными домашними динозаврами связи пользуются только пенсионеры, дабы известить соседей о скором отключении воды или пригласить на прогулку. Кто это собирается застать меня дома среди бела дня?

— Здорово, хрен моржовый! — Голос, как это ни парадоксально, был

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

женским, весьма нежным и чуть-чуть знакомым, но не до такой степени, чтобы узнать и со щенячьим восторгом прокричать в трубку имя. Так, дальше что-то... — Ну что? Закрыли ваше мерзкое аморальное шоу наконец? Больше не будешь кривляться?

Я попытался придать голосу равнодушную строгость:

— Что-то я вас не узнаю...

— Не мудрено. Где уж птице такого полета узнавать товарищей по юности?

Боже мой, так это же Светка Полукеева. Моя драгоценная однокурсница по Московскому институту инженеров транспорта, заядлая кэвээнщица и вообще отличная девчонка.

— Ну что, грустишь, думаешь, как несправедлива к тебе жизнь и как не вовремя проклятая мировая буржуазия выдумала кризис? — подкалывала меня Светка после того, как мы почти синхронно провыли друг другу о том, как давно не виделись.

— Ну что-то вроде того...

— Ну так вот. Довожу до твоего сведения, что завтра десятилетие нашего выпуска. По этому случаю я временно вернулась к исполнению своих обязанностей старосты курса, и попробуй меня кинуть! Собираемся у Торгованова. Надеюсь, ты помнишь, где он обитает?

Мы, дальнобойщики, народ спокойный. Да и габариты наших машин не располагают к суете. Чуть повернул руль, и жди пока весь корпус примет нужное тебе и дороге положение. Мельтешить строго противопоказано. Каждый рейс — как целая жизнь, жизнь со строго расписанным маршрутом. В этот раз мы вызвались сами. Я и Павлуха. Устает наш брат, конечно, нехило. Лишнего на себя брать особо желающих нет. Но уж больно хорош куш, который осядет в наших карманах после всего. А условия вполне деловые. Главное — не спрашивать, что внутри. А чего нам до этого? Эка невидаль. Сиди себе да баранку крепче держи, путь до Москвы неблизкий... Рейс как рейс.

Да не все так просто вышло. Километрах в ста до въезда в Москву нас остановили в таком месте, где ни

постов, ни проверок прежде не припомнишь. Лейтенант долго изучал документы, вертел их так и эдак, чуть на зуб не пробовал. Явно время тянул или высматривал что-то. Думал-думал, да и попросил груз ему показать. Так! Вот дела... С теми, кто нас отправлял, это не обговаривалось. Документы, уверяли, в порядке. Мол, не волнуйтесь, никаких проверок не будет! И что теперь делать? А то одно, что делать-то неча.

Кому ж охота с ментами вязаться?

Вышли из машины, прошли назад. Лейтенант подтянулся — и туда, в кузов, значит. А оттуда резкий такой щелчок! Летеха упал замертво, даже не вскрикнул. Фуражка на обочину отлетела. И опять тишина. Остальные двое в форме бегут посмотреть, что случилось. Но их тоже в расход. Без разговоров. Они и пушки достать не успели. Тот, видать, кто палил, громко проорал:

— Возвращайтесь в кабину и продолжайте движение!

Вот те на.

Краем глаза засек, что Павлуха во второй машине сидел бледный, как смерть. Еще бы... в один счет троих людей положили. Ничего, пусть привыкает. На дороге всякое случается.

Дальнобойщики — народ спокойный...

Рано я обрадовался. Надеялся, что звонок Полукеевой меня хоть чуть-чуть растормошит. Не тут-то было. Внутри по-прежнему тошнотворная пустота.

На чем все это время держалась моя жизнь, из чего она, собственно, состояла? Отдавал ли я себе отчет, есть ли в ней хоть какой-то смысл? Все крутилось вокруг работы. Я или снимался, погружаясь в пучину маразма реалити-шоу (надо убедить зрителей, что жизнь на экране реальна, а туповатым участникам вдалбливать до остервенения сценарий) или отдыхал от съемок, уговаривая себя, что утомился невероятно и заслуживаю отдых самый разнузданный. Эдакий светский лев борется с непонятно откуда навалившейся на него хандрой. Думал ли я когда-нибудь всерьез о том, чем

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

буду заниматься, если «Гном-5» исчезнет из жизни, растворится в воздухе, провалится сквозь землю? Бесспорно, думал. Ведь при каждом удобном случае я проклинал телевидение и телевизионное начальство. Так что же я теперь так раскис? Неужели я обычный, зависящий от обстоятельств слабак? Нет. И это я еще всем докажу.

Такой ход мыслей мне понравился. Не случайно в школе меня так любила учительница математики за светлую, как она говорила, голову. Старушка Ксения Яковлевна страшно расстроилась, когда я решился пробоваться в театральное. Как в воду глядела. С первого же тура меня развернули пинком под зад, и я еле успел заскочить в последний уходящий вагон, в МИИТ. Позже я узнал, что эта аббревиатура расшифровывается как «Мы идем искать третьего»... Не в бровь, а в глаз. Группа у нас сложилась весьма бойкая, особенно по части совместного распития пива и прочего алкоголя. А какая команда КВН! Благодаря этой команде меня и позвали на ящик. Какими радужными красками тогда отливало будущее! Институт уже заканчивал шалая-валяя. Мне уж не до инженерно-транспортных проблем. Как же — меня ждет телевизионная карьера! А ждал меня в итоге «Гном-5». До него я работал еще в паре программ, довольно приличных, про молодежные проблемы, с хорошими режиссерами, с выдумками всякими, но ТВ стремительно переходило на систему рейтингов, и все серьезные программы автоматом записывались в малорейтинговые. В итоге воцарились «гномы». Повсеместно! И вот этот высокооплачиваемый позор завершен. А я еще расстраиваюсь?

Не дождетесь...

Ура!

Да здравствует кризис!

Молодец я! Вот как, не выходя из комнаты, можно коренным образом изменить взгляд на ситуацию!

День, когда этот человек подошел к моей палатке и пригласил после работы выпить чашку чая, я запомнил навсегда. Какой еще чай? Поначалу показалось, что это или псих, или жулик, или нетрадиционал.

Конечно, сперва от чая я отказался. Но человек смог меня убедить. Как это у него получилось? Загадка. Помню только, что от моей палатки до ресторана шли в полном молчании. Никаких мыслей. И какая вообще «моя» палатка? Я всего лишь продавец. Стоило столько учиться, чтобы торговать на рынке, видеть изо дня в день этот заплеванный пятачок, одни и те же лица определенного национального колорита, слышать наглуемую речь с жутким акцентом. Мне казалось, что я сам начинаю его перенимать, даже мысли в голове строились с хромыми интонациями. Я пропал в этой жизни, растворился, смешался с воздухом, пылью, рыночной вонью.

Мало кто из моих сверстников имел другую судьбу. Но все же такие были... Тот же Черепицын. Он преуспел, а мы все на обочине. Он на коне, а мы выброшены за борт. А чем он лучше? Наверняка толстая мохнатая лапа его туда усадила. Мерзко! Аж челюсти сводит. Светка — дура набитая, ничего не понимает, а все туда же, мол, радоваться надо за человека. А что мне за него радоваться, если я в полном ауте и он ни на секунду обо мне не вспомнил. Ну ничего, совсем немного осталось ждать. И тогда собственноручно подпалю эту палатку и найду способ плюнуть не в экран, а прямо в рожу Черепицына. А сегодня этот человек сообщил, что «Гном-5» закрыт и стремительный полет выскочки прерван. Как же хочется посмотреть на его поджатый хвост. Может быть, теперь Прохор наконец явится на встречу однокурсников? Надо это устроить.

Если человек сильно занят, если ему катастрофически не хватает пространства и жизнь регламентирована кучей обстоятельств, людей, собственных и чужих комплексов, разных заморочек, он часто успокаивает себя: «Ничего! Вот появится время, сделаю это, это и это. Надо только потерпеть немного. Какие мои годы?» И никогда почти не делает, не успевает, не вспоминает о том, к чему так стремился, обреченно блуждая по коридору житейской инерции, даже если свободного

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

времени становится хоть отбавляй. Выходит, и не собирался всерьез. Это очень роднит всех нас с привередливыми покупателями, которые просят отложить себе вещь и, уходя из магазина, искренне верят, что вернутся за ней... Некоторые возвращаются. Но их меньшинство.

Я из большинства или из меньшинства? Познаю ли я сам побудительные мотивы своих поступков? И сколько лет можно собираться сходить в Третьяковскую галерею, проезжая, проскакивая, прогуливаясь мимо Лаврушинского переулка? Да вот прямо сейчас соберусь и пойду. Когда, если не сейчас?

Кто-то, вероятно, не поверит в то, что личного авто у меня нет. Такой известный человек и на своих двоих! Немыслимо, невероятно, нонсенс! Давно мог купить! На «Гноме-5» платили не то чтобы щедро (есть места посытнее), но жаловаться было грех. Уж на хорошую иномарку хватило бы точно. Но я убежденный противник этой обузы! Я и в руках-то без необходимости стараюсь ничего не носить, ни кейсы, ни папки, ни пакеты всякие. Скверно себя чувствую, когда руки заняты. А тут, страшно представить, не только руки, но и все твоё существо занято тысячей автомобильных проблем: парковками, пробками, порядком в салоне, зимней резиной, идиотами-водителями, подрезчиками, подставами, угонами, — и все это добровольно и за свои деньги!

Нет, я вовсе не настаиваю, что все должны придерживаться таких же правил, как я. «Настоящий» мужчина, в том расхожем представлении, которое культивируют преимущественно бестолковые женщины, обязательно должен называть машину ласточкой, крошкой, любовно поглаживать и похлопывать, часами лежать под ней, пахнуть мазутом, бензином, сутками не вылезать из гаража и все свободное время думать, что пора менять масло, свечи, и главное — мужественно щуриться за рулем, когда в глаза светит солнце.

Спасибо! Не надо.

В Третьяковскую галерею я отправился пешком.

В городе, в моем несчастном, но обожаемом мною городе, солнце уже

поднялось очень высоко и нещадно жгло все, что попадалось его свирепым лучам. Я шел вдоль набережной и парился вместе с другими горожанами. Иногда московская жара будто озверевает и после долгих месяцев слякоти, вырвавшись на свободу, начинает бесчинствовать.

Я полагаю, что любой город тяготеет к реке, спускается к ней и поднимается от нее, живет ее воздухом и ветрами. А если же реки не случилось, тяготение все равно есть, как несбыточная мечта и как надежда, что река где-то неподалеку. Счастливы те города, что выросли на реках. Иные несчастны...

У входа в Третьяковку выстроилась небольшая очередь.

Когда же я был здесь последний раз?

* * *

Наверное, нет ничего более загадочного, чем наши воспоминания. Почему одно мы помним, а другое забываем? И как быстро может всплыть в памяти совершенно забытое?

По всем законам неумелого романа я сейчас должен припомнить нечто очень романтическое: например, как ходил в Третьяковскую галерею с любимой, держал ее за руку, восторгался Кипренским... Или о том, как когда-то при виде ошеломляющего искусства необратимым образом был запущен механизм переоценки ценностей, которому так свойственно запускаться в те минуты, когда не везет и не знаешь, куда себя деть. Я же теперь, томясь в очереди к шедеврам, ни с того ни с сего вспомнил мой первый, детский еще, позор.

Тогда мы пошли всем классом на экскурсию. Я же, слывший еще в то время первым учеником, ждал таких культурных мероприятий всегда с особым интересом. Вдруг тетя экскурсовод задаст какой-нибудь вопрос: в каком веке, например, жил тот или иной художник или кто автор этой картины? И у меня будет повод блеснуть, и все поймут, как я умен и неподражаем. Все, и особенно Вероника... Вели нас по залам старого, еще живого и уютного здания, и экскурсовод ласково просвещал нас. (Вообще во времена моего детства

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

экскурсоводы были очень ласковыми, так же как и участковые врачи.) И вот произошло то, чего я так ждал:

— А теперь мы идем в зал Карла Брюллова. Кто назовет самую известную его картину?

Что произошло со мной, я и сейчас не разберу. Я ведь знал как минимум пять картин Брюллова, которыми в виде литографий обильно украшались наши учебники, но, опередив всех, назвал почему-то «Грачи прилетели». Даже, наверное, самые не интересующиеся искусством мои одноклассники были осведомлены, что это картина Саврасова. Осрамиться сильнее было невозможно. Все буквально пискнуло от смеха, экскурсовод печально и почему-то чуть удовлетворенно улыбнулась и поправила меня, а классная руководительница посмотрела в мою сторону, будто меня там вовсе и не было. Вероника, моя белокурая соседка по парте и тогдашняя любовь, хохотала дольше всех. От любви до позора самое короткое расстояние в жизни, особенно в детстве. Всю ночь я рыдал, родители пытались выяснить причину столь бурной истерики, но я так и не сознался. Это было первое предательство, остро пережитое мной, и потому боль долго не утихала.

С Вероникой я много позже несколько раз переспал, ничего исключительного в ней не обнаружив...

Они летели, словно освобождаясь от чего-то. Красивые, сильные, мощные, лоснящиеся крупы были так легки, что земля могла не ощутить их веса. Не важно, какая пыль летела из-под их копыт — орловских сухих степей или якутских размытых дорог, терских воинственных равнин или приволжских упоительных лугов. У коней нет родины. Они сами — родина. Люди всегда стремились обуздать их и считали, что им это удавалось. Но в животных веками жила борьба за свободу, за широту простора, за горизонт, жадно пьющий их бег. Неведомый огромный Пегас, их вождь и древний символ, царящий много тысячелетий в складках темного северного неба, зовет их вечным, отцовским, понятным только им кличем. Они слышат его везде. И

мчатся к нему. Их судьба — торопиться в стихи, на картины, в чью-то память, все время прочь, все время вперед. И седоки для них — всего лишь забава, нечто временное и уходящее навсегда. В лошадей стреляют, топят их в воде, изо всех сил терзают стремями, а они все бегут. Они ждут зова и не боятся смерти. Они не знают о ней и этим счастливы. А может быть, только лошади и безгрешны и весь мир, земной и небесный, явный и тайный, — та вершина счастья, тот самый единственный и заветный рай?

В этот раз я подумал, как много в Третьяковской галерее картин, на которых изображены лошади. Оживи они, целый табун бы получился! Вот и моя многострадальная «Всадница»... Вечно в этом зале со мной что-то случается. Как только я начал любоваться картиной, кто-то сообщил, что в галерее бомба. Неужели всех этих лошадей взорвут? Понятно, что большинство таких звонков — липа, бред сумасшедшего, но тем не менее напуганные люди сломя голову бросились к выходу. Последние годы заставили нас поверить, что бомбы могут взрываться совсем рядом и убивать нас и наших близких. Я выходил не торопясь, не поддаваясь общему стадному чувству, уверенный, что никакой бомбы в Третьяковке нет и что это всего лишь очередное телефонное хулиганство, но где-то на краю сознания будто кто-то шептал: «А вдруг бомба есть и ты не успеешь?»

Никакого взрыва, естественно, не произошло, и шептавший посрамленно удалился.

Посрамленный мной.

Я снова на плавающей мостовой ищу свой путь между линиями города и в этом поиске до остервенения остро ощущаю, что мне хочется где-то сесть и выпить залпом рюмку водки, закусив, как и подобает джентльмену, первым и вторым.

Тоска по Ирке утрачивала утреннюю остроту. Несмотря на жаркую погоду, голова прояснилась настолько, что осоловело плавающий в солнечном мареве мир обретал черты правильные и разумные.

В отличие от целого ряда моих знакомых, я спокойно отношусь к

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

чудесам обслуживания в московских ресторанах. В мире нет и не будет ничего идеального. Пора бы успокоиться на эту тему. Вот и Ирка, клявшаяся, что я — вся ее жизнь, утешилась на груди «хорошего человека». (Я почему-то представлял его с широкой, мужественной и непременно волосатой грудью.) Разве это правильно, справедливо? Конечно, нет. И куда как несправедливее и неправильнее, чем тяготы долгого ожидания ресторанного заказа.

Водку мне принесли отменную, несмотря на довольно затрапезный вид сабелявки, на которой сошлись мои эстетические представления о необходимости «посидеть». В мегаполисах действует весьма любопытный закон: чем хуже и непригляднее выглядит место, тем вкуснее в нем кухня. В ином кабаке и вывеска, и обслуживание, и интерьер, и все такое, что глаз не оторвать. А кухня никудышняя! Здесь все наоборот. Харчо и свиная отбивная были так же хороши, как и водка. Приятная сытость развлекала организм. Гармония была почти найдена. Жизненные широта и долгота сошлись в одной точке. Я ждал, когда мне принесут кофе, и блаженствовал.

Боже мой, только не это! В кармане задрожал, заскрипел, а потом выдал пронзительный мелодичный всхлип мобильный. Зачем включил звук, ну зачем? Больше всего я не хотел, чтобы это была Ирка! (Я специально не стал смотреть, кто звонит).

Нагловатый голос, с милой фамильярностью пропустивший вежливые «привет», «здравствуйте», «добрый день», был известен не только мне, но и всей аудитории канала Т1. Мой доблестный соведущий, дублер и партнер по «Гному-5» Тимофей Брамборис! Такие люди никогда не звонят вовремя.

— Как хорошо, что взял! Я думал, что ты в депрессии.

— С чего бы это?

— Ну и молоток. Настоящий мужик! Слушай, мы тут решили с ребятами что-то вроде отвальной устроить.

— Ну и...

— Приезжай в офис! Нас пока еще отсюда не просят. Не до этого им, видно. Порядок наводят. Сетку

передач, прочую хрень. Все собрались, тебя только не хватает.

— Обязательно? Может, мы как-нибудь с тобой вдвоем напьемся и погудим по полной? Я на коллективную попойку не настроен.

— Ну... в общем... как хочешь. Но ребята ждут. Все-таки не один год вместе.

* * *

Писатель возвращался из ЦДЛ пешком, в его возрасте и его положении логичнее было бы воспользоваться такси, но он давно решил для себя, что будет ходить сам до последнего. Понимал, что рискует: ведь одно неосторожное движение — и перелом шейки бедра как минимум. Но гордость не позволяла прибегать для передвижения ни к чьим услугам. Уж это расстояние он как-нибудь пройдет. День был жарким не на шутку. Рубашка впитывала его старческий пот.

Разговор в ресторане порядком испортил ему настроение. Зачем ему все это? Он давно хочет только покоя. Зря, что ли, он так долго налаживал дела, подбирал людей? Только для того, чтобы его наконец не беспокоили. Но раз уж дернули, значит, ситуация серьезная. Проклятый кризис! Кто мог ожидать, что он наступит так неожиданно, против всяких прваил и прогнозов!

Писатель остановился немного передохнуть, с восхищением в который раз полюбовался золотокупольным великолепием церкви, окрестности которой не портил даже дурацкий новейший памятник, где Пушкин и Натали были катастрофически не похожи сами на себя.

Предателей он вычислял сразу. У него был безошибочный нюх, он моментом улавливал кислоту лжи в самом сладком словесном сиропе. Ошибся только один раз... И сам же ошибку исправил! Жестоко, но выхода не было, слишком уж многое на кону. Неужели второй раз замаячили под ногами те же грабли? Или его недавний ресторанный собеседник слишком уж перебдел от страха и просто хочет еще раз услышать от старика, что им нечего опасаться? Но может ли он теперь обнадежить его? Да, еще лет пятнадцать назад он и слыхом не слыхивал про какие-то

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

реалити-шоу. А теперь поди ж ты... закрыли и столько шуму...

Когда живешь на свете больше тридцати лет, да еще в эпоху информационных технологий, иллюзий не остается вообще. Да и не может остаться. Как там у классика: «И опыт, сын ошибок трудных...»? Я давно убедился, что нет ничего более омерзительного, чем корпоративное застолье. На нем, напившись до состояния полной деформации внутреннего и внешнего пространства, коллеги по работе временно открывают друг в друге неумолимую духовную близость, ведущую к свинству, распутству или к отвратительным пьяным клятвам в вечной дружбе. Цинизм — знамя корпоративных вечеринок. Ничто не мешает на следующий день продолжать интриговать по любому поводу и делать вчерашнему самому сердечному другу изобретательные гадости.

Все это я знал, но все же поехал.

По дороге затарился парой бутылок водки и тремя банками красной икры. Хотя Брамборис и не давал на этот счет никаких указаний, но прощальное застолье бывших соратников по оболваниванию населения наверняка задумывалось в складчину. Не стоит напоследок портить о себе впечатление.

Офис «Гнома-5». Целый кусок биографии, будь она неладна! Думаю, правильно в советские времена людей столь часто обязывали писать собственные биографии. Хороший способ заставить народ задумываться о прожитой жизни! Кто-нибудь думал когда-нибудь, что такое биография и что такое судьба?

Одна моя случайная и некрепкая подруга как-то раз осмелела настолько, что спровоцировала меня на глупейший, как мне тогда казалось, разговор.

— Черепицын, послушай, я вообще тебе нужна? — спросила она, прямо и печально глядя на меня.

— Нужна, — соврал я. (Что еще отвечать в таком случае?)

— А зачем?

— Зачем-зачем? — передразнил ее я. — Я и зачем живу, не знаю...

— А почему? — Взгляд ее несколько смягчился, но стал при этом презрительным.

— Судьба у меня такая.

— Если бы я пеняла на судьбу, — начала она, выговаривая каждое слово, — то давно собрала бы свои манатки и уехала обратно в Кривой Рог. А я вот работаю, плачу за квартиру, детей, вот, рожать собираюсь, — не от тебя не беспокойся, — на «Лексусе» буду ездить и плевать на всех нытиков, у кого судьба, видите ли, такая...

Сейчас этот разговор не кажется мне таким уж глупым, тем более что через год в ее «Лексус» врезался пьяный подросток на отцовском «мерсе», и она чудом осталась жива... Тогда мы уже не спали с ней...

Вот они сидят за столом, за которым совсем недавно генеральный продюсер Григорьев проводил зубодробительные оперативки. Неужели скучают по этому?!

Атмосфера за столом напоминала то ли день рождения начальницы, то ли поминки по начальнику. Всех угнетали тоска и страх, но никто не мог показать этого. Ведь каждый в свое время стремился слыть крутым. Когда я вошел, тост произносила координатор группы креативных редакторов Зоя Шершнева — высокая девица, рост которой увеличивался сантиметров на десять из-за выдающихся каблучков. Просто дылда! Всех, кто подчинялся ей по службе, она искренне ненавидела, зато остальным заискивающе смотрела в рот. Наверное, удобно жить в таком мире, где одна, существенно меньшая часть общества зависит от тебя, а остальная, огромная, в любой момент может прихлопнуть тебя, как комара. Очень характерная ситуация для властных, но слабо реализовавшихся женщин. Тост Шершневой прозвучал на редкость оригинально: «За любовь!» Не думаю, что Зоя имела представление об этом чувстве.

Заметили меня не сразу. Оно и понятно: выпить за любовь — это дело, не требующее отвлечений. Первым и единственным ко мне кинулся пузатый оператор Борька Русанов. Он крепко обнял меня. Так крепко, словно тонет, а я — спасательный круг, брошенный

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

вытащить его из пучины. Борька — один из самых славных парней на нашем проекте. Иногда мы с ним выпивали прямо во время съемок. Он заговорщицки помигивал, что означало: встреча в операторской через три минуты. Там у него все уже было. Он не раз говорил, что я единственный нормальный человек на проекте, не считая его самого, потому что я не за рулем и могу скрасить его нелегкую профессиональную долю. Сейчас от него изрядно разило. Похоже, он приступил к прощанию с «Гномом-5» много раньше, чем остальные:

— Проша, друг, как славно, что ты пришел. Я так тебя ждал!

Борька даже чуть всхлипнул и прижал меня к себе еще сильнее. Я еле освободился от него и, поклонившись всем, уселся между Зойкой и Брамборисом.

Тосты шли один за другим. Румяная ассистентка режиссера Таня Кривошеина бойко предложила выпить за нашу дружбу. Я подумал, что ей наверняка засветило место в каком-нибудь другом проекте. Уж больно синтетически прозвучали ее слова. Один из младших продюсеров, Гера Добрин, призвал встречаться каждый год в этот конкретный день в ресторане, на что совсем уже ослотивший Русанов взревел, что на ресторан денег у них теперь не будет, а значит, придется пьянствовать в скверах и подворотнях. Катюша Лимонадова — юная секретарша, при виде которой не покидало чувство приторной сладости, как от карамели, пропищала, что надо немедленно поднять тост за всех мужчин проекта, а руководитель группы текстовых редакторов, старая карга Галина Шемякова наполнила бокал и в своей излюбленной декларативно-агрессивной манере толкнула речь за наше общее счастливое и светлое будущее.

Что и говорить, уникальное шоу создавал уникальный коллектив. Один мой норвежский друг как-то пошутил: главная достопримечательность города Осло — отсутствие достопримечательностей. То же самое и с нами. «Гном-5» полностью слизан с иностранных «застекольных» передач. Несколько амбициозных молодых людей жили перед камерами, а мы с

Брамборисом вместе или по отдельности должны были острить, придавать смысл бессмыслице, обнажать пороки, выставлять участников дураками или героями под неусыпным контролем Зойкиных подчиненных. Рейтинг у шоу был запредельный из-за того, что все эти годы в сети муссировалась «утка»: именно в этой программе будет намек на имя преемника. Мысль эта столь искусно внедрялась в мозги целевой аудитории, что я иногда сам в это верил. Победить должен был тот участник, кто продержится дольше всего. Кого не сожрут ни люди, ни обстоятельства, ни стыд, ни позор. Некоторые предполагали, что этого участника и объявят преемником.

Жили они в замкнутом пространстве и не имели права никуда выходить. Все пять лет на кастингах не было отбоя от желающих попробовать себя в качестве героя «Гнома». Кстати, это аббревиатура, а не мифическое существо. Глобальное новое общество мира. Политическая подоплека, политическое реалити-шоу, политическая игра. Первые четыре «Гнома» имели внутри себя некую тему: спорт, любовь, юриспруденция, деньги. Идея же пятого шоу доведена была до полной бессмыслицы, что позволяло нам с Брамборисом каждый день импровизировать по части производства густого словесного бреда. Что-то типа политики. Пятые «гномовцы» ели, пили, кривлялись, переливали из пустого в порожнее, соревновались в остротах, подлости и лжи.

Господи, какое счастье, что глобальное новое общество мира рухнуло. Нет больше его, этого чертового общества!

В коллективном пьянстве случается такой момент, когда всем не хочется расходиться. А время идет, столы скудеют, и час икс приближается неотвратимо. Поначалу обнаружившаяся нехватка спиртного и закусок исправляется походом в магазин, а затем, если компания платежеспособна, хмельные ее участники снимаются с места и перемещаются в какое-нибудь увеселительное заведение. Главное условие — чтобы он работал как можно дольше, желательно до утра. И куда же, по закону подлости,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

переместился сплоченный коллектив с позором разогнанного шоу «Гном-5»? Да-да, именно в караоке-клуб «Карт-бланш». В тот самый, где однажды справлял день рождения мой приятель и откуда началась моя так бездарно завершившаяся лав-стори. Я заметил, что мои «гномы» как-то уж очень заговорщицки собрались туда, при этом косо поглядывали на меня. А может, мне показалось? Чего уж теперь-то, когда нас всех разогнали! А о том, что этот пресловутый «Карт-бланш» что-то для меня значит, никто из них догадаться не мог. Я все же белая ворона среди них... Кстати, Брамборис первым начал подговаривать всех к продолжению банкета, а когда послышались вялые голоса, что нет настроения, буквально взбеленился и стал бросать обвинения в малодушии. Бред какой-то! Лучше б уж я не приходил на эту убогую вечеринку... Русанов, вероятно, допер, несмотря на то что уже прилично наклюкался, что я вот-вот сбегу, и выкрикнул с неподражаемым операторским пафосом:

— Идут все! Отказ воспринимается как измена.

Катя Лимонадова неуместно захопала в ответ в ладоши. Брамборис с энтузиазмом поддержал ее. Да. Не удалось завершить прощание с «любимым» коллективом по-английски. По крайней мере сию минуту не удалось, придется идти в караоке.

Общие сборы заняли не больше пяти минут. Уволенные не должны иметь много вещей.

И понеслось...

Брамборис достаточно приятным басом спел тоскливую «Очарована, околдована». Дамы томно искали глазами в каждом мужчине неведомого героя и покачивались в медленный такт... Катюша Лимонадова посматривала на Добрину, Русанов крепко спал, Зойка пыталась танцевать сидя, буравя стул своим задом, а карга Шемякова что-то выговаривала своим подчиненным по поводу культуры еды: кто-то имел неосторожность сунуться в тарелку с ветчиной пальцами.

От выпитого, а может, от смутного дня меня совсем разморило. Я не то чтобы задремал (как же задремлешь под такой шум), а будто с головой ушел в себя, в прошлое, в

мысли. Обычно это состояние заканчивается либо бессонницей, либо крепким сном. Я был близок ко второму, что не мешало мне краем глаза наблюдать за песенной удалью бывших теперь коллег и остальных посетителей клуба. У Кати Лимонадовой абсолютно не было ни слуха, ни чувства ритма, что она довольно нелепо пыталась компенсировать мимикой и едва-едва вытягивала, что «ее единственный мужчина похож на осень». Добрин одобрительно хлопал, ничуть не сомневаясь, что завтра они проснутся вместе.

В это время на середину зала вышел громила, обнажил свой весь в татуировках торс и зычно и даже красиво запел: «Наколи мне, кольщик, купола». Не выдержал я всего этого безумия: куполов, кольщиков, сигаретного смрада и визгливых голосов, и, ни с кем не простившись, вышел оттуда. Плюс ко всему ко мне подошел официант и сообщил, что кто-то срочно вызывает меня на улицу. Выйдя, я увидел Брамбориса. На мой вопрос, в чем дело, он только яростно впился в меня глазами и пробормотал что-то типа «иди отсюда». Я плюнул и пошел прочь. Через некоторое время он набрал меня, но, услышав его невнятное мычание, я отсоединился. Не хватало мне только пьяных разборок.

Жара не спадала даже ночью.

По дороге мне встретилось несколько пожарных машин.

О том, что караоке-клуб «Карт-бланш» вместе со всей командой «Гнома-5» и другими посетителями взорван, я узнал только на следующее утро из новостей.

— Меня изолировали на некоторое время. Пришлось применить экстренный вариант, чтобы вырваться.

— На вашем объекте произошел форс-мажор.

— Я понял, видел новости.

— Однако ваш дублер сработал хорошо. Согласно инструкции.

— Какие будут распоряжения?

— Исполняйте то, что предусмотрено для таких случаев...

Синицын отсоединился и глубоко вздохнул. Воля, собранность и терпение. Развязка близка.

Часть вторая

Островерцеву нечасто удавалось заснуть рано. Но уж если выпадало такое счастье, перед сном его, как в детстве, окунало во что-то теплое, мягкое, родное... Сегодня как раз так и было. И надо же... черт возьми! Будь оно все неладно! И кому не спится и не терпится до утра? Он положил трубку. Почему преступления надо обязательно совершать ночью?

Следователям Генеральной прокуратуры России не привыкать вскакивать с постели, когда все нормальные люди спят, но каждый раз, когда острый и противный зуммер телефона будил Островерцева, он чертыхался и проклинал себя за свою давнюю романтическую блажь. Блажь эта состояла в том, что он после юрфака подался в прокуратуру. Можно было примерить модный адвокатский прикид, можно было взять штурмом теплое местечко в логове коммерческой юриспруденции, можно было, в конце концов, устроиться в какую-нибудь среднестатистическую службу безопасности и во всех случаях быть, как теперь принято говорить, «в шоколаде». Но он ничего этого не сделал. Почему? Ответ растворялся в прошлом, в былой юношеской самоуверенности. И что теперь? Уже скоро сорок, а ни семьи, ни детей, ни накоплений, ни даже дачки какой-нибудь крохотной километрах эдак в восьмидесяти от столицы. Только тоска, собачья работа, вечное ожидание, яростное стискивание зубов и такие вот ночные побудки...

У бывшего отличника юрфака МГУ Петра Алексеевича Островерцева имелось два существенных недостатка. Впрочем, для обычного человека ничего существенного в них нет. Но для работника прокуратуры... Первый заключался в том, что он не брал взятку. Думаете, не давали? Не совсем. Намакали. И не раз. Но он будто не понимал, о чем речь. Притворялся непонятливым. Это сразу же переводило его в разряд неудачников и понуждало многих втихаря подтрунивать над ним. А вот второй был еще хуже: он любил свою работу и не мыслил своей жизни без нее. Эту свою любовь ему

приходилось маскировать самым тщательным образом.

Что такое в нынешней прокуратуре слово «немедленно»? Преступление уже совершено, и от нескольких минут и даже часов ничего не изменится. Просто начальству надо поскорее перевалить все на чьи-то плечи и успокоиться. Подождут, не развалятся... Кофе, однако, Островерцев варить не стал. Все равно толку не будет.

Однажды он слушал по радио передачу, перемалывающую новомодные глупости с дилетантскими выводами. Однако нечто в этой программе его заинтересовало: один ученый, не раз остепененный товарищ вполне убедительно рассуждал о том, что у каждого человека есть астральный двойник, и во время сна этот самый двойник уходит от нас. Отдаляется от тела... И что же? На этот счет выводы ученого выглядели сногшибательно просто. К одним людям двойники утром возвращаются в срок, а к другим не успевают. И вот те, к кому не успевают, страдают мучительным и долгим пробуждением. Конечно, чепуха, решил он тогда. Но почему-то запомнил и по утрам частенько вспоминал ту передачу.

Спеша в машине по ночному городу, Островерцев размышлял над тем скучным, что ему сообщил по телефону заместитель генерального по следствию. Звонок такой «шишки», да еще и среди ночи — верный знак, что дело сложное и вряд ли раскрываемое. Но попытаться можно.

Заместителя по следствию назначили сравнительно недавно. На вид он совсем не походил на прокурорского, но, похоже, мужик был толковый. «Долго не просидит. Купят или выгонят». Островерцев глубоко втянул сигаретный дым. Он почему-то больше всего любил курить за рулем. «А ведь успели уже просветить, что все безнадежные дела — мои. Ведь он без году неделю у нас. Прежде был прокурором Хабаровска, потом надолго осел где-то в Минюсте». Островерцев выкинул окурочку в форточку.

Итак, взрыв в караоке-клубе «Карт-бланш», куча трупов, останков, разбросанных кусков плоти, лужи крови, стенания родственников.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Жуткая картина. Но волю эмоциям давать нельзя. Это работа...

«Карт-бланш» находился в знаменитом Московском саду Вернисаж. Прежде это было тихое местечко, теперь его до отказа набили увеселительными заведениями, испоганили мишурой, вывесками и толпами бездельников, проматывающих родительские денежки. Да, бедный великий город! Вдоволь поиздевались над тобой нувориши. Но все же... фонари, углы, подворотни, окна подвалов — суть этого не удастся уничтожить никому, ни советским горе-устроителям хрущоб, ни поздним архитектурным воротилам, предпочитающим любой красоте любые деньги.

Островерцев припарковался на Петровке, около главного входа в сад, сунул под нос удостоверение кинувшегося к нему внушительного вида милиционеру и, слегка поморщившись от запаха гари, пошел на место преступления, вернее туда, что от караоке-клуба осталось. Только бы репортеры не набежали! Мерзкий народец!

По опыту он знал, что его присутствие сейчас мало что решит. На месте преступления должны работать эксперты, криминалисты. А ему что делать? С постным лицом пялиться на это пепелище, изображать мощные мыслительные усилия? «Зачем этот новый заместитель по следствию меня сюда пригнал? Сам, поди, спит давно. До утра не добудишься...»

К вящему удивлению Островерцева, новый зам был на месте. Кстати, фамилия у него совсем не прокурорская — Бархатов. Внешне он один в один артист Пуговкин, только, видимо, после долгих лет службы хитроватая мужицкая улыбка стерлась сама собой.

Островерцев подметил, что лицо Бархатова нездорово отекает, под глазами собрались складчатые мешки, будто он не спал несколько ночей. «Зря я на него напраслину возводил. Сколько раз себе внушал не думать плохо о незнакомых людях». Островерцев придал своему лицу легкое недовольство, смешанное с деланной уверенностью.

Вокруг суетились люди в белых халатах, отчаянно ревели и визжали мигалки машин скорой помощи.

Пожарные, похоже, уже уехали. Бархатов взял «важняка» под руку, мягко, но довольно властно отвел в сторону.

— Петр Алексеевич! Вам предстоит взять под контроль очень трудное дело...

— Это я уже понял. Главное, чтобы репортеры не наплели чего-нибудь лишнего. Так ведь? — прикинулся нахальным дурачком Петр Алексеевич.

— Не спешите с выводами. Вы в курсе, кто находился в клубе в момент взрыва?

— Нет, конечно. Простому важняку далеко до начальства по части осведомленности.

— Ну-ну-ну... — попытался дипломатично сгладить неожиданную резкость Островерцева Бархатов, но, видимо, решив, что такие усилия ни к чему, подхватил заданный тон: — Мне говорили, что вы странный человек, но не до такой же степени. В этом проклятом клубе в отдельном кабинете развлекался с девочками сын Матрасова. Надеюсь, вам не надо рассказывать, кто это такой. Не мог, молокосос, другое место найти! — Бархатов неожиданно грязно выругался и сплюнул под ноги. — Теперь мы все должны потерять покой и сон и раскрыть дело как по мановению волшебной палочки.

Островерцев наступил носком ботинка на другой. Была у него такая привычка, когда он задумывался, начинал до боли давить подошвой одной ноги пальцы другой. Бархатов, до этого не без интереса рассматривавший след от своего плевок, теперь с не меньшим вниманием глядел на башмаки следователя.

— Что вы молчите? Завтра в двенадцать нас ждет генеральный. Хочет, чтобы мы доложили ему о первых результатах.

— Не много он хочет?

— Вы нарываетесь или придуриваете? — Бархатов улыбнулся и положил руку на плечо Островерцеву.

Через час с небольшим Островерцев пил кофе в своем

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

кабинете, курил одну сигарету за другой и слушал первые доклады членов своей немногочисленной, как водится в малобюджетной российской прокуратуре, бригады.

Подчиненных своих Петр любил. Он мог положиться на каждого. Сережа Астахов, крепкий рыжий сибиряк, по виду и не скажешь, что хитер, как иезуит; Лена Голикова — интуитивная девчонка, вот уж кто действительно «Шерлок Холмс в юбке»; Тимофеич, вернее Владимир Тимофеевич Прыгунов, старожил Генеральной, старый прокурорский волк. Да уж... Если бы хоть половина из тех дел, что они расследовали, доводилась в судах до логического завершения!

Взрыв! Если в Москве что-то взрывается, все население уверено, что это теракт, а власти убеждают в обратном. Их аргументация сродни самоуспокоению: в Чечне и Дагестане навели относительный порядок, войны закончены полной победой здравого смысла, теперь-то кому надо что-то взрывать?

Осмотр места происшествия ничего существенного не дал. После взрывов такой силы мало что остается, кроме руин, пепелища и страха. Кто и как пронес в клуб такое количество взрывчатых веществ, почему никак не прореагировала на это охрана? Ведь каждое заведение такого рода оборудовано системой мониторинга. На входе арка металлодетектора, истошно звенящая даже от горстки мелочи и завалившегося в дырку подкладки ключа. Охрана, выворачивающая сумки и карманы каждого входящего. Тотальный досмотр и все возможные в наше время меры предосторожности.

— Ну что, мои дорогие! Какие будут соображения? — Островерцев спросил это, скорее, из необходимости, не ожидая услышать что-либо обнадеживающее. — Есть у нас хоть что-нибудь?

Астахов кашлянул, словно спрашивая этим разрешение начать.

— Взрыв произошел предположительно между одиннадцатью сорока и полуночью. Сила взрыва значительная. Тротил. Много. Живых остаться не могло. Эксперты работают с останками. По ним ничего пока сказать нельзя. Всех,

кто находился в клубе, разнесло буквально в клочья.

— Кого-нибудь из свидетелей удалось опросить?

— Нет.

— Может, кого увезла скорая или кто-то сам добрался до ближайшей больницы? Проверьте все поступления в травмпункты. Само собой, особое внимание контузиям, ранениям, осколочным в том числе. Свидетели должны найтись. Круглосуточные магазины, покупатели, продавцы, обязательно кто-то что-то видел-слышал. Работайте в этом направлении.

Островерцев повернулся к Елене:

— Что скажет наша светлая голова? — Ему нравилось так называть эту жгучую брюнетку.

— Похоже, на классический акт устрашения. Хозяева клуба — лакцы. Не исключена разборка между группировками. Не думаю, что сын Матрасова — мишень. Если бы хотели поддавить, чего-то добиться от него, сына бы взяли в заложники. Зачем убивать?

— Логично. А если месть?

— Так не мстят. Будем ждать экспертов. Пока мало фактов.

— И очень мало времени, — добавил Островерцев, поглядывая на остатки кофейной жижи в чашке.

Больше никто не проронил ни слова. Тимофеич ковырял ногтем стрелку на брюках. Очевидно, он не собирался ничего сейчас говорить.

— В двенадцать от нас ждут первых результатов. Сейчас половина третьего. Не так уж плохо... Начинаем.

Слово «начинаем» означало, что больше в стенах прокуратуры они ничего существенного не обсуждают. Официально дело будет обрастать бумагами, протоколами, но основное расследование будет скрыто от всей следственной системы. А что такое сегодня следственная система? Не жизнь, не игра. Лицо и изнанка. Официальная часть и реальная. Глаза и уши везде. Тотальная слежка. Недоверие. Дележка на своих и чужих. Никто не знает, куда будет вывернуто очередное дело, кого подставят, кто спасует, настучит, брякнет что-то кому-то, шепнет, доложит, поделится «подружке». Случайных людей много, и неслучайных. Одна большая и опасная

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

головоломка — кто есть кто. В последнее время отнюдь не все в прокуратуре были заинтересованы, чтобы громкие дела расследовались. Часто во время отработки версий мелькали такие имена, что, обнаружив их, общество взорвалось бы, и пришел бы новый 91-й или 93-й год. И кому это надо? Все кабинеты в прокуратуре контролировались, дабы никто из ретивых следяков не завернул бы в своих гипотезах куда-нибудь не туда. Хотя ретивых оставалось все меньше.

Но как же заблуждались те, кто считал Петра Алексеевича и его группу одной из самых удобных во всей генеральной. Любое самое тяжелое дело они доведут до логического конца. До такого, какой укажет начальство. Ни во что влезать не будут, правильно откроют и вовремя закроют. Начальству доложат все по фактам. Исполнительные ребята и при этом играют в честность. Никаких проблем не создают... Такую репутацию группа Островерцева добывала себе не один год.

Время шло. Все оставалось по-прежнему. Они не прокололись ни разу.

Раскрывают почти каждое дело, за исключением совсем пустяшных, а результаты хранили в таком месте, которое не обнаружил бы ни один сыскарь в мире. Чем больше времени проходило, тем меньше верилось, что все эти материалы когда-нибудь понадобятся. В обществе торжествовала коррупция, воры в законе приобретали столь respectable вид, что пенсионеры и домохозяйки чуть ли не заглядывали им в рот, с завидным упрямством отдавая им голоса на выборах. Но блестящий выпускник юридического факультета Петр Островерцев хоть и проклинал время от времени свою жизнь, все же нет-нет да и успокаивал себя, что когда-нибудь весь добытый им компромат будет востребован.

Итак, через час вся его команда соберется в непритязательной сетевой кафешке на Неглинной, давно обговоренном месте их встреч. Внешне все выглядит так, что ничего не заподозишь. Коллеги по работе пьют дрянной кофе и вроде непринужденно общаются. Петр твердо знал, что в этих кафе нет

прослушек, потому что отдыхает там не очень богатая молодежь. Ничего интересного не услышишь. Олигарх туда не забредет и коммерческих секретов не выдаст.

За этот час каждый будет прорабатывать первичные версии. Настоящие.

То, что говорила Лена в кабинете, не имело ничего общего с реальностью. Да и Астахов сказал лишь то, что необходимо для чужих ушей. Ювелирная работенка — говорить одно, подразумевать другое, слышать третье. Но они этому быстро научились. Цена слишком высока. Со временем пришло понимание, что они не только должны установить истину, но и не дать это сделать кому-то еще... Эксклюзив на правду должен быть только у них.

Островерцев нажал кнопку электрического чайника. В такие моменты он мог пить кофе в больших количествах. Причем кофе растворимый, из банки, часто не очень хороший. Вкус он почти не ощущал. Вода закипела быстро — слава развитию техники!

Арнольд Сергеевич Матрасов... Островерцев никогда не сомневался, что тень этого человека обязательно еще раз нависнет над ним. История повторяется в виде фарса? Да уж. До фарса пока далеко, хотя не исключено, что он будет. Ох не исключено! И все же жаль его, хоть он и изрядная сволочь! Сына потерял... Такого и врагу не пожелаешь. Говорят, мальчика он очень любил, души не чаял, оберегал от всего. Как допустил, чтобы сын оказался черт-те где, да еще и со шлюхами? Допросить Матрасова — мда... смешная мысль. Человек ого-го. Государственный. Когда же создалась система, в которой наверх стали просачиваться такие вот люди? При Хрущеве? При Брежнев? Позднее? Поменялись социальные приоритеты, исчезла идеология, но одно осталось неизменно: посредственность торжествовала. Островерцев напрягся, чтобы припомнить, какую должность занимает Матрасов сейчас. Кажется, советник министра. Формально должность не из первого ряда. Даже не советник президента или премьера. Правда, поговаривают, что приемная у него в унылом белом министерском

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

здании чуть ли не больше, чем кабинет самого министра.

Арнольд Матрасов, как и многие из тех, кто сегодня у руля государственной машины, был выходцем из комсомольских работников. «Комсомольцы», в отличие даже от многих партийных боссов, шустрее ориентировались в меняющейся ситуации. Из твердокаменных борцов за нравственность, втихия при этом ведущих весьма сомнительный образ жизни на всякого рода слетах и в келейной тиши комсомольских райкомовских кабинетов, они мгновенно превратились в идеальных денди, в провозвестников нового свободного образа жизни, прикармливая при этом изрядные капиталы путем приватизации, акционирования и прочих махинаций. Матрасов — из этой великолепной когорты. Но был в его биографии ко всему прочему и своеобразный этнографический шарм.

Свою трудовую и нетрудовую деятельность он начинал в далекой Якутии, славной своими просторами, морозами и алмазами. Именно с его именем связывали громкое дело о махинации с алмазами в самом конце советской власти, считалось, что первого секретаря Лейнского райкома комсомола вот-вот должны были арестовать. Спасло Матрасова только исчезновение с карты СССР, СССР как такового и его правоохранительной системы. У новых начальников — новые приоритеты. Кого-то надо было отмазать, кому-то дать возможность прийти под «крышу», кое-что выдать на запад. Одним словом, забот хватало.

Старые дела никто не собирался доводить до конца. Откровенные проходимцы превращались в героев, потерпевших политические преследования от советской власти. Те, кто совсем недавно назывался спекулянтами и аферистами, в одночасье преобразились в бизнесменов и предпринимателей.

В девяностых Матрасов всплыл в Москве и сразу же оказался замешан в строительных махинациях в Подмоскovie. Люди покупали квартиры, отдавая последнее, а дома в итоге так и не были построены. Скандал последовал шумный. Пресса гудела, но недолго. Деньги никому не вернули, народ, отчаянно, но

бесполезно помитинговав, успокоился, кое-кто из горе-строителей попал в тюрьму, а Матрасов появился в Генеральной прокуратуре в должности управляющего делами. Причем эта формальная на первый взгляд завхозовская работа при Матрасове стала крайне важной, просто-таки незаменимой для прокурорской системы. Арнольд Сергеевич проявил себя старательным исполнителем и в итоге даже получил право финансовой подписи. Тогда-то первый раз и пересеклись пути Островерцева и Матрасова.

В то время заместителем генерального прокурора по следствию был один из самых опытных и порядочных советских прокуроров. Ему не потребовалось много времени, чтобы заподозрить Матрасова в нечистых финансовых делишках. Он-то и поручил Островерцеву негласно проверить «непотопляемого Арнольда». Очень скоро Петр Алексеевич понял, что Матрасов взяточник, проходимец, каких мало, что он контролирует несколько криминальных бизнесов кавказских группировок. Не исключалось, что у Матрасова весьма влиятельные покровители на самом верху.

В глубочайшей тайне разрабатывалась операция по аресту Матрасова. За ним долго и аккуратно следили, проверяли все связи, прослушивали разговоры. Наконец все сошлось. Его должны были взять в гостинице «Националь» при получении крупной суммы денег от одного из криминальных авторитетов. Но в последний момент произошла утечка информации. Арнольд Сергеевич на встречу не явился и тем самым спасся. Островерцев до сих пор подозревал, что кто-то из прокурорского начальства выдал секреты операции Матрасову. Скорее всего, генпрокурор, пару лет спустя отправившийся в Матросскую тишину, сам прикармливался от щедрот Матрасова и его покровителей.

Все следственные действия по делу Матрасову сразу после неудавшегося ареста были волевым порядком прекращены. После этого карьера зама по следствию пошла на спад, а спустя года полтора он и вовсе ушел из прокуратуры. Матрасов же успешно богател и расширял свое влияние. Многие обитатели высоких и

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

неприступных для простого человека кабинетов теперь чувствовали себя без Матрасова как без рук.

Менялась элита, ушел в отставку, а потом и из жизни первый президент, кануло в прошлое «семибанкирщина», о прежних «либеральных гуру» с шестизначными банковскими счетами и собаки лаять перестали, а Матрасову хоть бы что. Покровители менялись, он оставался. Когда стало ясно, что кавказский узел невозможно развязать с помощью военной силы, Матрасов предложил свои услуги. Наверху предложение приняли.

Арнольд Сергеевич собрал всех своих подопечных из кавказских криминальных группировок, пошептался с ними около часа в известном бандитском ресторане на Поварской и через несколько месяцев Кавказ стал лоялен по отношению к московской власти. Очаги терроризма угасали, как свечи на любовном свидании. Теперь никакие назначения в органы власти в Южном регионе не производились без неофициальной санкции Матрасова. Да и не только в Южном регионе. Считалось, что нынешний генеральный обязан Матрасову многим. И не только он. Неудивительно, что после смерти сына Матрасова вся Генпрокуратура на ушах.

Несчастный случай исключен. Судя по разрушениям, взрыв в караоке-клубе был такой силы, что без работы умельцев-взрывотехников здесь не обошлось. Кто-то словно хотел стереть с лица земли этот несчастный «Карт-бланш»! Маловероятно. Будем разбираться. Где же все люди-то были? Их не могло не быть в Вернисаже! Прибывшие первыми на место происшествия менты из окружного РУВД утверждают, что в парке действительно никого не было. Просто фантастика. Все свидетели разом исчезли? Такого не бывает.

Хорошо. Предположим, что целью взрыва был сын Матрасова. Но к чему такие сложности? Центр Москвы, клуб, масса факторов, при которых все может сорваться. Врагов у Матрасова много, особенно на Кавказе. Нельзя вести такую деятельность и не иметь врагов, как бы могуществен ты ни был. До

Островерцева доходила информация, что по указаниям всевышнего Арнольда многие недовольные новым порядком в Чечне и прилегающих областях были устранены. Кровная месть? Да нет. Не похоже. Кавказцы так не мстят. Так мстят только те, кто хочет, чтобы подумали на кавказцев. На многие вопросы может ответить только сам Арнольд Сергеевич. Придется просить у генерального санкции на встречу с Матрасовым. Хотя Арнольд наверняка не забыл, что готовил провалившуюся операцию по его задержанию. «Он, кстати, мог бы и позаботиться, чтобы меня близко не подпустили к этому делу. Может, он пока не в курсе, кому поручено расследование?»

Островерцев устало потер виски, — бессонная ночь, несмотря на изрядное количество кофе, начинала сказываться муторной вялостью, — и взглянул на часы. Через пятнадцать минут ребята доложат ему о первых результатах расследования. Исходя из этого, он и решит, как вести себя в двенадцать у генерального.

Почему-то ему подумалось, что это следствие не будет слишком долгим.

В такой час, кроме бригады Островерцева, мало кому пришло бы в голову рассиживать в кафе. Если только посетители ночных увеселительных заведений, опьяневшие от напитков, темноты и вседозволенности, залетят сюда, перед тем как разъехаться спать, или путешественник, решится погулять по улицам до заселения в гостиницу, или на крайний случай кто-то, страдающий бессонницей, заглянет на часок. Но все это вероятно с большой долей случайности и уж точно не повторяется каждую ночь. Однако заведение работает круглосуточно, значит, хозяева не перестают надеяться, что и по ночам забредут сюда страждущие раскошелиться на чай-кофе-бутерброды, а там, может, и на что еще покрепче и подороже.

Астахов и Голикова точно пришли не «пустые», это Островерцев понял с первого взгляда. Молодые, быстрые. Они еще воспринимали жизнь как игру. Им не верилось, что все может внезапно кончиться. Тимофеич сохранял невозмутимость.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Он был опытен и никогда не спешил с выводами. Любил повторять присказку, что молодой врач сразу ставит диагноз, а опытный сомневается. Практика. И еще он никогда не пил кофе. Только очень крепкий чай.

— Шеф, — начал Астахов, — дело похоже на голливудский боевик. Я, ей-богу, впервые с таким встречаюсь.

— Ты про отсутствие людей в парке?

Астахов достал из пакета квадратную табличку «Вход закрыт».

— Вот это я обнаружил недалеко от главных ворот. Любопытная вещь... Значит, сад был закрыт в момент взрыва официально. Но интересно не это... Я поговорил с директором сада, Владимиром Кургановым, который, испугавшись, прилетел с дачи час назад. Он ничего не слышал про закрытие, говорит, что у них в принципе нет такой практики закрывать его даже на время. А такой таблички не значится в их инвентаре. Получается, ее повесил кто-то другой.

Астахов передал находку Островерцеву:

— Надо проверить. Могут и пальцы мелькнуть...

— Да ты уж своих там, поди, налепил.

— Ну мои по картотекам не проходят... Если только в Интерполе. — Глаза Астахова еще сильнее заблестели.

— А ты уверен, что табличка висела именно сегодня?

— Не уверен. Предполагаю, что кто-то вывел из сада всех людей и этот же кто-то или его сообщник позаботился, чтобы в сад никто не входил. Это подтверждается тем, что ни один ресторан не работал. То же самое с театрами. В саду Вернисаж в момент взрыва действительно не было никого, кроме посетителей «Карт-бланша». Невероятно, но факт.

— А охрана? Там же в саду должна быть круглосуточная охрана и камеры наблюдения. Она тоже испарилась? — в разговор вступил Тимофеич.

— Это еще одна странность. — Астахов смешно поджал губы. Он всегда так делал, когда увлекался. — Директор мямлит на этот счет что-то невнятное. Кассеты я взял осмотреть.

Но, сдаётся мне, что камеры не работали сегодня весь день.

Островерцев посмотрел на Лену.

— Больницы проверили?

— Да. Но по этой части ничего.

Петру Алексеевичу наконец принесли заказанный кофе. Он оказался очень горячим. Губы обжигало не на шутку.

Голикова дождалась, пока шеф сделал глоток.

— Но есть кое-что еще. — Она помедлила. — Помимо сына Матрасова, в «Карт-бланше» находились члены команды телевизионного шоу «Гном-5». Пару дней назад их разогнали. Программу закрыли с большим скандалом. Создателей проекта обвиняли чуть ли не в разложении моральных устоев общества. Жена одного из этих «гномовцев», ведущего Брамбориса, позвонила сразу после взрыва в милицию... Понятное дело, у нее истерика. Он незадолго до взрыва звонил ей, был навеселе, сказал, что они всей командой отмечают их коллективный разгон и что скоро уже собираются по домам.

— Так. Этого еще не хватало. С завтрашнего дня журналисты будут охотиться за нами, а потом напишут, что прокуратура, как обычно, бездействует. И между прочим, будут не так уж не правы. А что по линии хозяев клуба?

— Хозяева принадлежат к лакской преступной группировке, к одной из тех, что ходят под Матрасовым. Вряд ли Арнольд позволил бы ходить в другие, непроверенные места сыну. Да и девочки наверняка были проверенные. Мальчик не должен заболеть, общаясь с противоположным полом. А потенциальные невесты вызывают у таких, как Матрасов, невероятный страх. Уж лучше заплатить девочкам...

— А что говорят эксперты?

Трупы возможно опознать?

— Рано еще. Работают! Но маловероятно, что это нам что-то даст. Трупы обгорели почти на девяносто процентов. Там одни куски мяса.

— Нам надо знать всех, кто там был. Здесь ключ к разгадке. Каждого персонально. И проверить всех. Все, что сможете нарыть. Понимаю, что времени мало. Но напрягитесь.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Островерцев даже не смотрел в сторону Тимофеича. Существовала негласная договоренность, что он всегда говорит последним:

— Боюсь, скажу банальность, но, несмотря на такое оживление среди молодежи, у нас пока ничего нет. Непонятен мотив, нет ни одной версии. Вероятно, в этом случае придется действовать наугад. Надо работать со всеми, кто хоть как-то с этим мог быть связан. Пусть они будут говорить полную бессмыслицу, но где-то может показаться след. Обязательно покажется.

Тимофеича уже лет десять собирались убрать на пенсию, но Островерцеву неизменно удавалось отбивать его перед начальством. Он понимал, что для окончательного формирования его бесценной картотеки Тимофеич необходим. То, что он знал и умел, теперь почти не годилось для нынешней прокуратуры, где исход дела решался зачастую не по справедливости, а по обстоятельствам. Они давно свыклись с этим.

Они формировали картотеку.

Когда все в ней сойдется...

Впрочем, до этого еще далеко.

Часть третья

Перемены страшны
непоправимостью.

«Страшное преступление в центре Москвы. Взорван караоке клуб «Карт-бланш». По предварительным сведениям, все, кто находился в клубе, погибли. Генеральная прокуратура начала расследование».

Какая-то пружина подбросила меня с кровати. Я стоял, уставившись в экран, пытаюсь переварить то, что всех, с кем пять лет работал, уже нет на свете. Я спасся, видимо, чудом. Шока не было, очевидно, он впереди. Я не мог поверить. Тщился вспомнить до мельчайших подробностей вчерашний вечер и понимал, что не могу. Никого из них не могу толком вспомнить. Так бывает, что те лица, что чаще всего видишь, становятся в зрительной памяти чем-то размытым, их индивидуальные черты стираются и усредняются. А может, в памяти моей от страха выключилась какая-то кнопка? Господи! Я понимал, что в

такой ситуации надо что-то делать, но делать нечего. Даже плакать не мог. Как можно взорвать здание в центре Москвы, напротив хваленного МУРа? Куда же смотрит охрана, камеры наблюдения? Ужас!

Те, кто живут одни, никогда не плачут. Слезы требуют зрителя. Чего толку рыдать наедине с самим собой!

Зачем? Зачем они туда пошли? Неужели нельзя было выбрать другое место? Хотя стоп! Может быть, все-таки кто-то из них успел свалить оттуда? Что это я так сразу? От мимолетной надежды мне захотелось засмеяться, но я сдержался. Во сколько был взорван клуб? Ведь Тимка звонил мне пьяный, бормотал что-то. Это зацепка, шанс! Вдруг информационщики чего-то не знают? Они что, по головам трупы пересчитывали? Да их туда милиция на пушечный выстрел не подпустит, — только когда все будет стерильно. Так! Где телефон? Надо узнать время, когда он набирал меня вчера. Может быть, он или кто еще успели уйти и сейчас начнут объявляться? Гений тот, кто выдумал мобильные, и счастье, что время каждого звонка фиксируется до секунды! Ну, где телефон? Глаза мои искали и не находили его. На тумбочке нет. Может, в брюках? Мысль о том, что телефон потерян, заставила меня метнуться к стулу, с которого привычно и складно свисали две не очень выглаженные штанины. Мобильник, слава богу, был там. Я судорожно стал жать клавиши в поисках последнего принятого вызова. Вот он! Точно.

Абонент Тимофей Брамборис.

Время звонка — 23:39.

Теперь надо в Интернете посмотреть, что там со временем взрыва. Может, он был в час, два, три ночи? Тогда они уже могли разойтись... ну хотя бы кто-то!

Компьютер, как назло, загружался невыносимо долго.

В новостях время взрыва указано «около полуночи». Поточнее, что ли, не могут определить? Я крепко матерился про себя, понимая, что шансы на то, что кто-то из ребят спасся, ничтожны. Когда я уходил, застолье было в самом разгаре и сворачиваться никто не собирался.

Плохим новостям у нас привыкаешь верить. В них никогда никто ничего не путает.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Господи! Ведь у Брамбориса жена вот-вот должна была родить. Они так долго его ждали, этого ребенка. У нее большой срок. Как она все это вынесет? Что-то нужно придумать... Куда бежать? Вдруг кому-то еще нужна моя помощь? Моя помощь... Нельзя сидеть сложа руки, нельзя. Знают ли близкие? Кто-то уж, наверное, предупредил. Как не предупредить, когда задерживаешься надолго. Да тот же Тимка, не мог жене не сказать... это ж такое дело. И что его дернуло идти с нами, когда жена беременная. Вот дурак-то! Что-то я не о том, не о том. Кто же взорвал этот чертов клуб? Вот скоты! Катюша Лимонадова, совсем девчонка... Да всем, всем, кто там был, — жить и жить. Бедняга Русанов! Надо было его растолкать, забрать с собой, все равно ведь спал.

В башке — одни сплошные взрывы. К горлу подсакивала мерзкая тошнота. Кровь колотила в шею и виски. Я ничего не понимал, что должен делать. Категорически не понимал. В конце концов я встал под холодный душ и стоял долго, до судорог, сколько мог терпеть. Больно растеревшись, я подошел к окну. Вспомнил, как на днях бесили тинейджеры, с их жалкими заигрываниями друг с другом, воплями, сигаретами и разбитым фонарем. Теперь за стеклом тишина... Как в раю. Или в аду...

Я ощущал себя так, будто только что узнал о гибели своей семьи. Чудно! Еще вчера я относился ко всем этим людям со скепсисом, иронией, неуважением, внутренне посмеивался над ними, культивировал в себе мизантропию и испытывал легкое удовлетворение, что всех или многих из них я теперь никогда не увижу. Надо сообщить на Т1. Вдруг там еще не прочухали? Хотя наверняка уже знают. Да и что им теперь? Нет людей, нет проблем. Повод для новой скандальной передачи «Как погибло шоу «Гном-5?»

Сознание мое куда-то уходило, искажалось, потухало, головокружительно обрывалось, томило болью и метанием.

Чтобы хоть как-то вернуться в реальность, я снова полез в Интернет. Новости о взрыве множились в геометрической прогрессии, как точки, что в кошмаре размножаются до

бесконечности, как герои фильмов ужасов, которых невозможно победить за бесконечностью их обликов. Массовая насильственная смерть — лучшая новость для работников «Новостей». Не надо ничего искать, выдумывать... Рейтинг обеспечен запредельный. И как они, все эти слуги масс-медиа, будут это обсасывать, обслюнявливать микрофоны тревожными нотами в комментариях, штамповать заголовки по скандальности — один чудовищнее другого, доказывать стране, что их точка зрения единственно достоверная, и при этом никому из них не придет в голову просто пойти и вымыть свои руки, долго-долго и крепко-крепко натирая их мылом совести. Я автоматически нажимал мышкой то на одну информационную строку, ту на другую. Так, а это еще что?

«В результате взрыва в столичном клубе «Карт-блани» погибли два известных телеведущих: Тимофей Брамборис и Прохор Черепицын. Интересно, что эти смерти совпали с закрытием шоу «Гном-5». Следствие не исключает, что эти события косвенно связаны. По факту взрыва возбуждено уголовное дело».

Что? Какой еще Прохор Черепицын? Я жив. Вот он я.

Я вчитывался в эти строки в пятый раз и все еще не верил своим глазам. Теперь точно что-то нужно предпринимать. Ведь мать вот-вот узнает. Эти козлы постараются растрезвонить мою смерть на полную катушку. Или уже постарались? Они же на редкость оперативны. Профессия требует поспевать быстрее всех.

Почему не звонит телефон? Никто не хочет проверить, жив я или мертв? Не знают еще? Или просто неинтересно?

Руки не то чтобы тряслись, но как-то неуверенно вибрировали. В записной книжке мобильного с трудом нашел мамин номер. Два раза пролистывал и, чертыхаясь, возвращался к началу списка. С третьего раза получилось, но номер как назло был «вне зоны доступа сети». Телефон немедленно полетел бы в стену, если бы это хоть что-то изменило. Никогда до нее не

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

дозвониться! Никогда! Как можно так пользоваться мобильником, куда его нужно класть, чтобы он все время был недоступен?!

Моя матушка проживала почти круглый год в далекой солнечной Болгарии, где мой достославный отчим Олег Камолов, удачливый бизнесмен, а в прошлом, сдается мне, сотрудник Лубянки, купил виллу недалеко от Варны. Каждый год они очень настойчиво зазывали меня провести летом хоть две недельки в их маленьком приморском раю. Один раз, ведомый сыновним долгом и неожиданным отпуском, я все же туда поехал, после чего не особенно рвался насладиться их обществом вновь. Все там мне было чужим, хотя окружали вроде и заботой, и любовью. Особенно отчим.

Удивительно, как быстро изменилась мать после смерти отца. Будто мощная отцовская натура всю жизнь сдерживала ее, и теперь она отпускала сама себя на волю. Никогда не подозревал, что она будет увлекаться тем, чем увлекается сейчас. Она почувствовала себя хозяйкой некоего придуманного ей самой светского салона, где собирала, как ей казалось, сливки варнинского общества, а на самом деле отпетых проходимцев, разбогатевших не вполне законными способами. В редкие приезды в Москву она мне взахлеб рассказывала об этом. Однажды она всерьез вывела меня из себя, и я назвал, кажется, «недоумками» ее варнинских кумиров. Несправедливо прошелся по поводу Олега. Она обожгла меня своими беззащитными голубыми глазами, и я тут же пожалел о своих словах. Для нее это была жизнь. Настоящая, ее жизнь. Почему-то все связанное с мамой пронеслось в этот миг в моей голове. Я представлял ее сидящей в кресле на веранде с видом на море, пожилую уже женщину, но очень живую, с мелкими морщинками. Зачем ей этот «дядя Олег»? Только чтобы спастись от одиночества? И спаслась ли она?

Я снова набрал номер. На этот раз телефон откликнулся тихими, не очень отчетливыми гудками. Слава богу!

— Мама, это я.

— Прощенька, как я рада! Я сама тебе собиралась звонить! Хотела узнать, что случилось с вашим шоу? Это правда, что вас закрыли? Как ты?

К счастью, до нее еще не дошли эти чудовищные новости. Я представить себе не мог, что так рад буду слышать ее голос. Обычно наше телефонное общение сводилось к вежливым расспросам: «Как дела? — Все нормально. — Пока. — Пока». Теперь же я рассказал ей в подробностях все, что случилось в последние часы, попросив не переживать и не верить никаким сообщениям о моей смерти. В ответ раздалось всхлипывание, закончившиеся жалобным, но настойчивым:

— Ты должен приехать к нам. Дядя Олег так хочет тебя видеть. Тебе необходимо отдохнуть, мой мальчик.

Мать упорно называла отчима при мне «дядей Олегом». Так, как называют взрослых при детях.

Я успокоил ее как мог и в очередной раз обещал прилететь при первой же возможности.

Слава Богу, мать в курсе, что со мной все в порядке. Кому еще позвонить? Ирке? Нет, не стоит... Вряд ли ее это волнует. Кому еще? Есть ли люди в этом мире, которых я всерьез интересую?

Олег Камолов выбрал Болгарию не случайно. Они со стариком долго обсуждали место, выбирая и прикидывая, где будет сподручнее, и эта небогатая черноморская страна в итоге оказалась для них предпочтительнее всего. Тихо, спокойно, по-славянски безалаберно, полиция не напрягается больше, чем положено, и выйти на Европу и мир. Лучше не бывает. Думали еще про Югославию, но там вечное пекло. Спичку брось, и загорится. Здесь бросай не бросай, все потонет в ракии и будет заедено кебабчатами.

Завершить свою карьеру в органах Камолову удалось без проблем. После крушения СССР рапорты об отставках силовиков воспринимались начальством спокойно. Да и его скорый переезд в Варну ни у кого не вызвал никаких подозрений, поскольку здесь селилось в девяностые годы много русских.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Сравнительно невысокие цены, гигантские возможности инвестиций и отменный климат влекли сюда дельцов средней и чуть больше руки. Олег легко вошел в местный круг, не привлекая к своей жизни особого внимания, но и не позволяя другим составить о себе мнение как о нелюдими. Занимался спортом, дабы поддерживать себя в форме, неброско, но со вкусом обустроил дом на взморье, довольно выгодно вложился в строительное дело, — одним словом, легенда безупречная по всем канонам спецслужб. Нет, он не позволит обстоятельствам порушить то, на чем зиждилась его мечта. Он заслужил красивую счастливую старость рядом с обожаемой Алисой. Он переиграет всех. Даже свою прежнюю преданность несуществующим, как выяснилось, идеалам.

Алиса долго противилась тому, чтобы переехать в Болгарию. Привыкла к Москве, к подругам, к комфорту. Но он уговорил ее, и теперь она ни капельки не жалеет. Здесь она стала едва ли не знаменитостью. Открыла маленький салон, водила дружбы с бизнесменами и интеллигенцией, часто принимала гостей и буквально сияла, когда очередной ее прием проходил успешно. Олегу это не мешало. Кто заподозрит в чем-то нехорошем таких открытых и при этом ненавязчивых и воспитанных людей? Лучшее сочетание для Европы — открытость и ненавязчивость.

Сейчас он ехал домой обедать. Как мило, когда в доме пахнет специями, вкусно приготовленным мясом, зеленью — пополам со свежестью моря. Стол, как всегда, накрыт со множеством приборов. Но на лице жены легкий след неудовольствия. Так всегда бывает, когда она пообщается со своим сыном... Видно, сегодня отпрыск соизволил позвонить. Значит, что-то у щенка не ладно... Так-то ему на мать глубоко наплевать — не объявляется порой месяцами... Камолов всеми силами старался смириться с существованием великовозрастного пасынка, расхлябанная и какая-то неправильная жизнь которого бесила его. Иногда он не на шутку заводился, но вовремя брал себя в руки. Ничто не должно нарушать гармонии. Ну не его,

в конце концов, это дело! Сама как-нибудь с ним разберется... Его дело совсем в другом, и, сдастся, скоро оно будет закончено...

Он смешает карты всем. И козырной туз будет в его колоде.

Москва на солнце словно просвечивала насквозь всеми боками, жилами, кровеносными сосудами, искала, но не могла найти, чем прикрыть свое уставшее длинное тело. С реки еле-еле плелся тщедушный ветерок, не даруя желанную прохладу, но, напоминая, что жизнь все-таки есть. И это будто остолбеневшее, прочно впечатавшееся в улицы и переулки жестокое жарово не навсегда.

Недалеко от моего дома стоит старая, нежно-голубого цвета церковь. Давно я там не был! Прямо как с Третьяковкой. Собирался, подумывал сходить на службу, но так все и осталось намерениями, которыми известно куда вымощена дорога. Много ли грешил я? Давно как-то беседовал с одной очень религиозной дамой, подругой матери, она с возмущением рассказывала, как один человек, когда его спросили о грехах, ответил, будто таковых за ним не числится. «Это как же? Нет людей без греха! А мысли? Если человек свои грехи не видит, он адов». И так зло блеснули ее глаза, а слушательницы так охотно стали с ней соглашаться, что я тогда подивился: чего это они так на бедного мужика? Не один он такой.

Внутри храма веяло прохладой. Нестройно, но с чувством тянул хор.

Я мысленно посчитал, сколько людей участвовало в нашей вчерашней прощальной (она действительно вышла прощальной во всем ужасе этого слова) вечеринке. Купил свечи. Поставил за упокой каждой души, шепча слова, которым научила когда-то бабушка. Хотя я был не уверен, полагается ли их ставить сразу после смерти. Церковный обиход, столь привычный для дальних предков, ушел от нашего поколения, не оставив ничего, кроме тоски. И теперь эту раздирающую нас тоску мы возвращаем Господу в самые скверные для нас минуты и даже не знаем толком, как это полагается делать. Мы не ходим в церковь, когда

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

уверены, что у нас все в порядке. У нас всегда дела, хлопоты, нам не до того.

В церкви малолюдно, только бабушки в неизменных платочках сновали из угла в угол, прибирались, что-то бормотали. Я встал под самый купол, ощутил себя совсем маленьким и никому не нужным и едва не заплакал. Пришлось несколько раз глубоко вздохнуть. А я-то думал, что слез во мне уж много лет как нет!

Многие, кто смотрел шоу «Гном-5», не сомневались, что его делают какие-то моральные уроды. Можно ли нормальному человеку жить во всем этом абсурде? Продажные шкуры — продавшие стыд и совесть за бабки. Но мы все были обычными, хоть и не такими уж симпатичными людьми, со своими страданиями, любовями, домашними животными, мы болели и выздоравливали, гуляли в парках и скверах, расстраивались из-за бытовых неурядиц, радовались порой из-за сущих пустяков, видели сны, иногда такие же безнадежные, как и все остальные. Мы зарабатывали свой хлеб в это скотское время. Зарабатывали, как позволяли обстоятельства. А теперь? А теперь никого из нас нет. Кроме меня. Куда нам: в ад? в рай?

Он разуверился в Боге еще в детстве. Ничего удивительного в этом не было. Его советские сверстники сплошь звенели от пионерского и комсомольского атеизма. И хоть бабка втайне была набожна, внуку боялась это передавать. Пуганое поколение. Когда отец и мать умерли друг за другом под дружное удивление докторов (как такие молодые и здоровые люди вдруг сыграли в ящик?), ему очень хотелось к Богу, к Богу, которого он сам выдумал в виде доброго бородача на золотой колеснице. Но тот не принял его, а отправил зарабатывать деньги, чтобы не очокуриться. Бабка к тому времени достигла больших годов, еле ходила и внука на своих плечах тащить никак не могла... Самой бы не стать обузой! Первые заработанные копейки отозвались в нем дикой болью унижения и не принесли ни капельки удовлетворения. За что это ему? Чем он хуже других? В те дни он питался лишь своими слезами и даже не

ощущал голода, но тогда еще уповал на Бога, готов был терпеть, думал, что избавление близко... Окончательно он переменялся к вере, когда подрос и понял, что в ней нет никакого практического смысла. Ничего она не дает, ни от кого не защищает — одна пустая химера. А смысл — это цифры на банковском счете и, конечно, его мундир. Мундир, открывающий любые двери. Мундир, вызывающий трепет и страх. Мундир, так красиво висящий в изголовье его кровати.

Он сам себе Бог.

Он сам творец мира и себя.

Он дерзнет и выиграет.

Кто-то подумает, что в ситуации, когда столько твоих коллег погибло, кусок в горло не полезет. Еще как полезет. В жизни многое случается не так, как надо, не так диктуется обществом и даже собственными моральными представлениями. И логики в ней меньше, чем чего-либо.

Я вышел из церкви. На душе было легче. Еще хотелось есть. Сидеть где-нибудь под кондиционером и уплетать за обе щеки. От этой мысли стало предательски хорошо.

Кофейня?

Да!

Кондиционер в кофейне действительно обдавал нежной прохладой. Официантка, одна из моих «поклонниц», обрадовалась, увидев меня. Кажется, именно она так явно огорчилась, когда я заявился сюда с Ирккой. Тогда, как сейчас помню, разгуливалась весна, сияло голубое ясное утро, придавая уверенности, что все будет хорошо и никак иначе...

— Выпечка сегодня свежайшая. Давно что-то вас не было видно.

Девушка явно меня обхаживала. А она что надо: глазки чуть раскосые, по-восточному притягательные, фигурка в порядке... голосок приятный, веселая, живая... Боже-боже... а Катя, Зойка, Борька и Тимка — мертвые. От этой мысли мне стало плохо физически, внутри все будто замерло, в центре головы пронзительно опустело.

Да пошло это все!

— Дай-ка мне лучше водки и что-нибудь закусить на твой вкус, выпечки не надо, не то настроение. — Я не

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

желал смотреть, как девицаотреагирует на мой заказ. Я не мог больше думать о том, что случилось вчера. Я все-таки Прохор Черепицын, модный ведущий, медиаперсона, законченный циник, и я должен соответствовать...

Я ничего не могу изменить... Ничего. Я пешка, песчинка, никому не видный атом, один из миллиардов. Я ничего не стою...

Официантка суетилась у стойки. Ее живость и веселость куда-то подевались. Или мне это кажется? Может, она на что-то обиделась? А на что обижаются официантки? На маленькие чаевые?

А как ее зовут?

Хотя так ли это важно.

До сегодняшнего дня мне было фиолетово, как ее зовут.

Я осознал, почему меня время от времени тянуло сюда и почему я предпочитал это заведение многим. Не потому, что от дома рукой подать, не потому, что кофе такой уж хороший и омлет из настоящих яиц, и даже не потому, что антураж весьма миленький. Здесь каким-то чудом, вопреки жизни за окном, существовало нечто старомодное, привет из советского времени, равного для меня детству, свету и уюту. И само собой, это не предполагало никаких бейджигов на субтильных телах подавальщиц. Имя официантки окутано ореолом тайны, а спросить — значит попытаться нарушить его и завести отношения дальше обычной вежливости. Роман с официанткой — невыносимая пошлость и ложь. Но сейчас, когда мне так горько...

— Как вас зовут?

— Виктория.

Обычный вопрос.

Спокойный ответ.

И все же она смутилась.

Ее тайна стала моей.

В качестве закуски к стаграммам.

Вика принесла горячий бутерброд с красной рыбой. Если я ей предложу выпить со мной, она, скорее всего, откажется. На работе не положено. Дичь какая-то у меня в голове.

А вдруг?

Нет, я вовсе не собирался пуститься в беспокойное плавание необязательного флирта и не

подумывал о чем-то романтическом. Просто я абсолютно не понимал, как надо себя вести, когда мысли не умещаются в голове: кто я? где я? жив? мертв? В этом случае в людях оживают их внутренние двойники. Они никого ни о чем не спрашивают, и ты, бывает, сам себя не узнаешь.

Уже много позже, вспоминая тот ужасный день, я осознал, что люди, живущие семьями, находящиеся все время вместе, стремятся пережить свое горе отдельно, они не могут нести беды в стройный общий мир, им надо замкнуть его в собственной хмурости. А такие одиночки, как я, обязательно должны с кем-то делить его, встать рядом с кем-то, удвоить, утроить, учетверить себя в своей беде и таким образом спастись.

Вот мне и понадобилась Вика.

Услышав мое предложение выпить со мной, она оглянулась и, убедившись, что, кроме нас двоих, в кофейне никого, села против меня.

— Ну и? — Брови ее

вопросительно поднялись, и лицо высветилось чем-то очень простым и неуловимо детским. Наверное, из-за пухлых, несколько наивных губ, форму которых я отметил только сейчас

— В каком смысле?

— Пригласили девушку выпить, так угощайте. — Она, казалось, с трудом удерживается от смеха.

— Что ты хочешь?

Вика наконец рассмеялась.

— Какие же вы все, мужики, смешные! Неужели правда подумали, что я буду пить на работе? И сидеть вот так вот с вами? Менеджер отошла на пятнадцать минут. Из них пять уже прошли. У нас осталось десять. Если хотите, выпейте за мое здоровье, пока есть время. Через десять минут я встану и буду ждать, что вы еще закажете. По-другому не будет.

Не надо лукавить, думая, что молодой мужчина, видя молодую женщину, не имеет к ней никаких сексуальных влечений и в голове не держит ничего эдакого. Просто говорить об этом не принято.

А как же правда? Есть ли грань между хорошим воспитанием и лицемерием? Грани нет. Лицемерие и есть хорошее воспитание.

Я выпил залпом, поморщился, поймал странноватый блестящий взгляд Вики, быстро потянулся к ней,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

взял руками за голову и крепко приложил ее губы к своим. Она секунд двадцать не двигалась, после чего резко оттолкнула меня. Вид ее источал холод и презрение. Похоже, я перегнул. Она выскочила из-за стола и возмущенно скрылась за дверь служебного помещения.

Признаться, я ненавижу в женщинах больше всего вот это отталкивание и холод в глазах. Ненавижу и довольно часто на это натыкаюсь. Причем большинство женщин, допускающих эту оплошность, потом клянутся в вечной любви ко мне.

Я делал вид, что с увлечением смотрю телевизор, нависающий над барной стойкой. На экране дрыгалась очередная малолетняя протезе многолетнего продюсера, полагающая, что ее потуги выглядят вполне сексуально. Начались новости.

Боже мой! Куда бежать от этого? Репортаж о взрыве в «Карт-бланше». Нет, только не сейчас! Так я и знал, из Интернета новость о моей смерти прямиком переползла в ящик. Розовощекая корреспондентка с пионерским энтузиазмом все-таки произнесла: «В числе погибших популярный ведущий Прохор Черепицын».

Я оставил на столе крупную купюру, предполагая, что ее хватит с запасом, чтобы оплатить мой экстравагантный завтрак.

Ничего удивительного нет в том, что никто мне не звонит и не пишет. Кому я нужен? Если задавать себе вопрос «кому я нужен?» слишком долго, он постепенно из фигуры речи превратится во что-то очень страшное. Я действительно оказался никому не нужен, и факт моей мнимой смерти никого не встревожил. Был человек и нет. Поклонники погрустят и найдут нового кумира.

А что, собственно, делает человек, узнав о смерти знакомого? Плачет? Не понимает, что произошло? Звонит тем, кто его знал? И никто, конечно же, не догадается позвонить по номеру покойника. Звонить на тот свет никто не хочет. Не случайно многие сразу удаляют номера умерших в записных книжках, чтобы исключить пусть формальную, но связь с загробным миром. Что же нужно

сделать, чтобы доказать миру свое существование, объяснить мнимость факта собственной смерти?

Этим размышлениям я предавался, стоя на мосту, с которого открывается великолепный вид на сталинскую высотку на Котельнической.

Течение воды несколько успокаивало меня. В воде все же невероятная сила и тяжесть. И легкость. К рекам стремятся не только города, но и люди.

Люди любят ходить по набережным и мостам.

Я вынул из кармана корпус своего изменчивого мобильного и набрал номер приемной Т1. Секретарш на канале была целая куча, но этот номер всегда брала Маша, знавшая меня как облупленного и всегда соединявшая с главным. А Павлу Петровичу Аскользину, генеральному директору канала, звонил я частенько.

Именно ему, а не продюсеру Григорьеву. Да, вот так, через голову. Как-нибудь объясню почему.

Сейчас, после долгих невыносимых гудков, я услышал совершенно незнакомый, весьма привлекательный голосок.

— Канал Т1. Вас слушают.

— Могу я поговорить с Павлом Петровичем?

— Представьтесь, пожалуйста.

— Прохор Черепицын.

На том конце провода повисла долгая пауза.

— Вы бы хоть стыд имели...

Безразличные гудки в резко брошенной трубке показались издевательскими.

Где же Маша? Сейчас больше всего на свете мне нужно услышать ее голос. Это мой путь обратно в жизнь. Неужели ее тоже вытурили, как и всех нас? Но ее-то за что? Они считают меня покойником. Ладно! Меньше лирики, как говорит мой сосед, престарелый поэт Бабкин. Сейчас узнаю по справочной телефон любых новостей и объявлюсь. Объявлюсь красиво и с шиком.

Справочная сотового оператора — не самый быстрый путь к цели, но другого телефона я не вспомнил. Наконец суховатый голос продиктовал мне номера новостных

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

редакций двух самых крупных телеканалов.

Вперед, Черепицын!

Пора объявить о своей жизни. И тот и другой номер были заняты так долго, что у меня уже мелькнула шальная мысль: а не начать ли мне все снова, не смириться ли со своей смертью? Как в романе или в сериале.

Заманчиво...

Чем не новый Монте Кристо?

Не смей, Черепицын! То, что ты бросился в кафе целовать малознакомую официантку, еще не значит, что ты сошел с ума. Звони в новости и реанимируйся в жизнь! Ведь ты же жив!

Река помнит все. Когда-то эти берега были всего лишь лугами, болотами, на них ютились редкие деревеньки, а потом на этих излучинах выросал город. Белокаменным вырос, а теперь вот от той белизны мало что осталось. Река помнит деревянные мосты и детвору, что бегала по ним босиком, помнит лошадей, что тащили громоздкие повозки по набережным, помнит пожар во спасение, когда сполохи отражались в ней и больно ранили прозрачную кожу.

А отпечаталось крепче всего то, как бомбы летели в нее с отвратительных, как огромные ревушие кресты, самолетов. Тогда река чуть не умерла. И если бы текла в ней не вода, а кровь, то истекла бы ею до самой Волги, запачкав и без того кровавый сталинский канал. А как тяжело она принимала памятник прозападному и бешеному государю, который не любил ее, не любил ее град и бежал отсюда в поисках своего нового северного счастья!

И вот он вернулся сюда. Против собственной воли. Незванный. Будто в наказание самому себе, возвышаясь на стрелке, где его корабль касаются лишь слабые волны реки, а не бушующего, так желанного ему моря. У рек не слабеет память, лишь ненужное уносится куда-то за городские ландшафты вместе с утопленниками и мусором, но главное она хранит в своей водной тайне.

В черном октябре по ней на баржах сплавляли тела убитых русских мальчиков, и она рыдала, спрятавшись в своей глубине от несправедливости и

предчувствия еще большей беды. Ее давно не раздражает, что в нее бросают так много мусора, по нему она узнает вкусы своих горожан. Она с радостью отдает ветер и влагу редким деревьям и романтическим чудачкам.

Каменные мосты не тяготят ее, наоборот — их объятия похожи на прикосновения робких любящих пальцев. Она выпускает и ловит свои каналы, принимает и проглатывает дожди и снега, молчит подо льдом от усталости и тоски. Она любит смотреть на людей, останавливающихся на мосту и вглядывающихся в нее. Она обожает гадать, о чем они думают: ищут отражение в ней себя? любви? потери? Она всех жалеет, даже тех, кто не жалеет себя. А в тихую ночь, если очень напрячь слух, можно расслышать ее тихую колыбельную песнь великому городу.

Когда телефон задрожал в руке, я чуть было не уронил его в воду. На экране высвечивалось почти невероятное:

«Вызывает Тимофей Брамборис».

Я принял звонок.

Рука вновь задрожала.

— Здорово, покойничек...

Я сперва не мог открыть рот.

— Тимка! Что случилось?

Объясни, что вообще происходит?

— Не могу. Главное, что мы живы.

— Слушай, приезжай ко мне.

Посидим, все обсудим.

— Нет. Лучше в городе.

— Ты где?

— В районе Большой Дмитровки.

— Давай на Чистых. Ты как раз доедешь, я успею дойти.

— А где именно?

— У Грибоедова.

— Идет.

Мне захотелось звонить в новости. Я жив. Пусть пишут и говорят что хотят. Рано или поздно недоразумение прояснится. Я был страшно рад, что Тимка жив. Тоже, наверное, сбежал вслед за мной. А остальные ребята? Ком снова подкатил к груди.

Я шел, вероятно, так быстро, что дошел до Чистых прудов меньше чем за полчаса. На дорогу не смотрел, просто передвигал ноги.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

У памятника Грибоедову нищие не выглядели чересчур уж несчастно, а бомжи о чем-то переговаривались хриплыми голосами. Я изрядно вспотел, рубашка липла к телу, по спине стекал пот. Интересно, где Брамборис припаркует свою «Тойоту»? Тимка, в отличие от меня, придавал приметам материального благополучия очевидное значение. Он всегда оценивал человека по одежде, машине, марке очков. Думаю, что его мнение обо мне не было уж очень высоким, но жизнь заставила нас мириться друг с другом и изображать некое подобие приятельства. Что называется, притерлись. За него говорить, конечно, опрометчиво. Скажем так, я притерся к нему...

Брамборис появился внезапно, хотя я высматривал его довольно пристально. Он потянул носом и присвистнул.

— Пьешь с утра? Не стыдно?

— Абсолютно не стыдно. И тебе рекомендую.

— Чего рекомендуешь? Не стыдиться или выпить?

— И то и другое.

— Принимается.

Мы недолго определялись, куда нам пойти. Заведений вокруг было навалом, и остановились на «Пилзнере», который был буквально в двух шагах. На углу. Там пиво...

Все, что рассказал мне Тимофей, в голове укладывалось трудновато. Когда-то один мужик посвящал меня в тайны соционики, науки о разных типах характера. Так вот, про таких, как я, там говорилось, что больше всего мы не терпим неожиданностей.

Будто кто-то их терпит!..

Как только он ушел, я отправился на пруд, который москвичи почему-то именуют во множественном числе, сел на лавочку и понял, что так сильно не хотел курить уже давно. Я не курю лет пять. И это один из немногих поводов собой гордиться. Бросал тяжело, но стойчески.

Попробовал смотреть на воду, но сейчас это не помогало. Страх парализовал волю, впору спрятаться куда-то или, зажмурившись, залезть,

как в детстве, с головой под одеяло. Тот еще получился разговор...

Как только мне и Тимке принесли пиво и официант степенно удалился, модные очки переключались с головы моего приятеля на стол, и его серьезные глаза впились в мои так, словно этим взглядом он собирался вырвать мне зрачки. Затем лицо его изменилось, стало злым (или мне так показалось), и он выдал:

— Ты хоть понимаешь, что я спас тебя?

— От чего спас?

— От того самого: когда ты похамски не захотел со мной разговаривать, я мог бы сделать так, чтобы ты не ушел. Поверь мне! Задержался бы, поддался бы уговорам, вернулся бы со мной обратно и обретался бы уже на небесах. — Он загоготал ужасающе громко, чем привлек к себе недоуменное внимание окружающих.

Тут я догадался, что он пьян. Как я сразу не заметил?

— Но знаешь, что самое интересное? — На его рот словно кто-то приклеил улыбку.

Я никак не отреагировал, ожидая продолжения.

— Самое интересное то, что ты спас меня.

Я снова промолчал. Хотелось уйти.

— После того, как ты бросил трубку, я так разозлился... в общем, смотался потом сам. Пришла мысль скоротать пару-тройку часиков в одном теплом местечке. И засиделся там... — Он неуместно подмигнул мне. — Но все же я жив. Смешно? Надо выпить за это...

Тимка сделал неумелый и очень большой глоток. Пена осталась на губах и на подбородке. Немного пива пролилось на стол. Брамборис чертыхнулся и вытер рот.

— Ты как за руль сел в таком состоянии?

— А какой с меня спрос с мертвого? — Смех стал еще громче.

Я начал уставать от его паясничанья, а он вдруг посерьезнел и выпалил нечто, от чего в голове у меня тяжело заныло. Оказывается, все сотрудники «Гнома-5» уже целый месяц как получали угрозы. Известный бомбардировал мэйлы,

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

подкидывал письма под дверь, пугал родственников. Обещал всех скопом взорвать. Я не вполне верил в то, что слышал. Смахивало на пьяный бред.

Тимка полез в карман джинсов и извлек оттуда какой-то листок. Это было как раз одно из этих писем. Его сунули под дверь квартиры Брамбориса в его отсутствие, и текст прочитала жена. Беременная женщина дико, по словам Тимки, перепугалась и рыдала всю ночь. Он насилу смог ее успокоить. Поначалу «гномовцы» не обращали на всю эту галиматью внимания. Мало ли сколько ненормальных пишет на телевидение! Потом насторожились, поскольку уж очень настойчивым был аноним, но закрытие шоу отодвинуло все остальное на второй план.

В какой-то момент Тимка снова надел темные очки. Я был уверен, что он смотрит на меня, но вместо глаз виделся только черные бесстрастные стекла.

— Догадываешься, где этот безумец обещался всех нас прикончить?

Я уже догадывался, но на всякий случай неуверенно мотнул головой.

— В караоке-клубе «Карт-бланш». И самое интересное, я бы сказал, просто захватывающее, что ты единственный, кто не получал этих писем... Допираешь, что это значит?

Я попробовал было возразить, что откуда он, мол, знает, что я не получал, но он только хохотнул в ответ:

— Неужто ты об этом не доложил бы куда следует?!

Затем Брамборис, как само собой разумеющееся, сообщил, что у его жены сегодня ночью случился выкидыш.

Руки на прощание он мне не подал.

В эту пору люди обсиживали Чистые пруды, как мухи обсиживают все, что их манит. Кого только здесь не увидишь! И подростков в экзотических нарядах, и офисных бездельников, тянущих свое законное обеденное время за не очень обеденным пивом, и влюбленных разных возрастов, и благодушных мамаш, толкающих вперед коляски, и праздношатающихся, приехавших в первопрестольную понюхать

столичного воздуха, и даже меня, бывшего телеведущего, а теперь уже непонятно кого.

А ведь пару дней назад, до всего этого кошмара, я смел считать себя чуть не самым несчастным и неудачливым человеком в этом городе. А тогда меня всего лишь бросила девушка и выгнали с работы. Никак я не мог предположить, что... Чепуха какая-то... Неужели Тимка считает, что я причастен к этим угрозам и к этому взрыву? Это же абсурд. Он даже не стал ничего слушать в ответ. Просто встал и ушел. Надо все-таки позвонить куда-то и объявить, что я жив. Я стал звонить то в новости, то на Т1, но везде меня ждали частые гудки.

И что же делать? Оплеванное состояние. Все-таки надо объясниться с Тимофеем. Сказать ему, что я не писал никаких писем. Почему я о них узнал только сегодня? Бред какой-то. Если все знали, а я нет — выходит, подозревали?

Я на всякий случай набрал номер Брамбориса.

«Вне зоны доступа».

Выключил, паразит. Не хочет разговаривать...

Кто-то прислал мне смс.

Отправителя у сообщения не было. Безличный центр сообщений МТС.

Текст:

«Не забудь про однокурсников».

Часть четвертая

Островерцев распределил роли как опытный и умелый режиссер. По его замыслу, Леночка начнет собирать показания со всех, кто хоть как-то причастен к событиям в саду, Астахов будет изучать кавказский след и ситуацию с камерами слежения, а Тимофеич возьмет на себя версию с «Гномом-5». Островерцев чувствовал, что телевизионщики оказались в треклятом клубе не случайно. Столько шуму вокруг этого «Гнома» в последнее время. Нашли о чем шуметь! Страна вымирает — об этом молчат. Кого же там на самом деле хотели взорвать и чего этим добиться?

Петр Алексеевич отпустил всех, поблагодарив за то, что успели собрать за такое короткое время. Ему

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

надо было как следует прикинуть, о чем в двенадцать докладывать генеральному. Главное выдать нечто такое, что успокоит начальство. Оттянуть время, чтобы успеть во всем разобраться. Хотя вообще-то самое лучшее успокоительное для начальства — это смерть преступника при задержании.

А что если плюнуть на все, сесть за руль и поехать по городу? Машин еще мало...

Один из его приятелей очень любил приговаривать: где еще приличному человеку сосредоточиться, как не за рулем. Те, кто знал не понаслышке особенности передвижения по Москве в автомобиле, потешались над этим.

Улицы еще не успели убрать, и взгляд периодически натывался на следы ночных гульбищ.

Островерцев переехал через Москву-реку, в очередной раз полюбовавшись высотой на Котельниках. Отраженное в стеклах раннее солнце радостно светило, будто и не догадываясь, какой в сущности неблагодарный мир ему приходится освещать.

Из-под моста уютно выглядывала приземисто смотревшаяся вывеска «Кофейня». Она спряталась на Садовнической улице, будто белый гриб, который притаившись под листочком, показывает только край шляпки. Открыто ли заведение? Островерцев посмотрел на часы. Почти семь. Может, и повезет.

Он съехал на набережную, развернулся. Кофейня работала. Ноздри защекотал аромат свежей выпечки и кофе. У стойки крутилась миловидная девица, вероятно, еще не ожидавшая посетителей. Когда она чуть нехотя принимала заказ, Петр невольно залюбовался ею. Отличная фигура, миндалевидные глаза, мраморная кожа. Что ее ждет сегодня? Вряд ли что-нибудь из ряда вон. Обычный день, хлопоты, беготня, приставание клиентов, тяжесть в ногах, метро, съемное жилье на окраине, крепкий сон.

Булочки были хороши, кофе тоже. Захотелось узнать имя девушки, ее телефон. Господи, он уже забыл, как знакомятся с девушками.

Островерцев расплатился и, чуть расстроенный, вышел на улицу.

Какие первые выводы можно сделать из всего, что произошло за последние часы?

Главный вывод: случилось действительно ЧП в масштабе всей страны. Страшный взрыв в самом центре города! Последние взрывы приписывались экстремистам с Кавказа. Теперь на Кавказе якобы порядок, по крайней мере кавказские руководители присягают на верность Москве. Негласно наведение порядка приписывают Матрасову и его окружению. И именно в этом взрыве погибает сын Матрасова, а владельцы взорванного клуба — кавказцы, причем лакцы. Следствию ничего не стоит доказать, что хозяева клуба причастны к взрыву. Это версия просто-таки просится. Она удобна. Тем более что хозяева клуба наверняка с криминальным прошлым или настоящим. Но вряд ли это нужно Генеральной прокуратуре. Скорее всего, наоборот. Она ведь на стороне Матрасова. А если все-таки кавказцы? Нет, этот след нельзя брать ни в коем случае. В этом Петр Алексеевич не сомневался ни минуты. Островерцев много раз сталкивался с тем, что следствие трагически легко пускается по ложному пути; когда все обстоятельства сходятся, складываются в пазлы, то даже улики уже автоматически подверстываются к этой версии. Сколько же из-за этого страдает невинных людей, которые не в силах доказать свою невиновность! Лакцев все равно надо проверить. По крайней мере для отвода глаз. Чтобы тот, кто пытается навести нас на этот след, убедился, что наживка проглочена. Где же мотив? Кому-то нужно дестабилизировать обстановку в стране, доказать что Кавказ не смирен и вся нынешняя политика стабильности — просто блеф? Тогда мы скоро увидим, как в деле с невероятной скоростью начнут множиться показания и свидетельства против лакцев. Найдутся и очевидцы, и улики. Стоит ли об этом говорить генеральному?

Как со всем этим увязывается гибель «Гнома-5»? Кажется, в этом шоу собирались объявить кандидатуру преемника? Есть ли здесь связь? И

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

почему кто-то убрал из сада всех людей? Не из гуманизма же?

Островерцев вернулся в прокуратуру и вздремнул часа полтора на узком неудобном диване в своем кабинете. Это только в книгах следователи не спят целыми сутками. В жизни их организм устроен точно так же как у всех. И сколько ни пей кофе и ни накручивай себя, сон возьмет свое. Островерцев действительно имел одну неврологическую особенность: чем яснее была необходимость выспаться, тем труднее у него это получалось. Поэтому он ненавидел ездить в поездах, рано отходящих и рано прибывающих к месту назначения. Когда говоришь себе, что надо выспаться, организм начинает бунтовать. Вот и ворочаешься с боку на бок до полного изнеможения и не смыкаешь глаз.

Перед сном мучили предчувствия. Это повторялось все чаще и чаще. Он сомневался — а нужны ли в самом деле параллельные расследования, картотека и ожидание непонятно чего.

Он стал проваливаться куда-то глубоко. Ему снилось, что он падает, летит в бездонную пропасть. Бабушка всегда говорила, что если падаешь вниз, то сон плохой. Проснувшись, надо сказать: «Плохой сон на голый лес». Но бабушки давно уже нет. Да и не верит он в сны. В его жизни нет ничего хорошего, что бы ему ни снилось...

Можно было предположить, что Матрасов явится к генеральному, но все же Островерцев вздрогнул, когда увидел его, по-хозяйски сидящего во главе длинного прокурорского стола. Не ожидал, что так скоро... Сам генеральный ходил по кабинету, делая вид, будто это совершенно нормально. Зам по следствию Бархатов притулился на краешке стула у стены, еще один заместитель, художавый и моложавый, пробавлявший в свободное время сочинением детективов, со скучающим видом прихлебывал чай.

Островерцеву никто не сказал «здравствуйте», а Матрасов жестом руки предложил ему выбрать место за столом.

— Вас как зовут? — Голос Матрасова был очень высоким, почти кастратским. Говорили, что это последствия операции на голосовых связках.

— Петр Алексеевич! — откликнулся Островерцев, в который раз подивившись цинизму и актерским способностям Арнольда. «А то ты не знаешь», — но эта мысль никак не отобразилась на абсолютно бесстрастном лице «важняка». Он тоже кое-что соображал в служебном лицемерии.

— Вы понимаете, дело какой важности вам поручено? — Голос Матрасова как будто стал еще выше, будто из матраса, завизжав, выскочила пружина. Аж в ушах звенело.

Островерцев спокойно ждал продолжения.

— Вижу, что понимаете. Ну так вот. Меня абсолютно не интересует, что за уроды рванули этот клуб. Главное, чтобы ни вы, ни пресса не заикались ни о каких кавказцах. Возьмите из психлечебницы любого сумасшедшего и заставьте признаться во взрыве. Наколите дрянью, а потом ликвидируйте.

Матрасов откинулся в кресле и начал оглядывать кабинет генерального с очевидной брезгливостью. Было время, он заходил сюда совсем в ином качестве. На продолговатом лице Арнольда с хищным горбатым носом и большим лбом застывало почтение, граничащее с лакейством. Каждый из трех предыдущих хозяев кабинета вылетал из генеральной с большим скандалом. Ни у кого из прокурорских не было сомнений в том, что один из генеральных отправился в тюрьму по прямому доносу Матрасова (так он его отблагодарил за спасение от ареста), второй был заснят в обществе сомнительных девиц, третий попался на деле о «Трех слонах» тоже не без участия нынешнего советника министра... Вспоминал ли он когда-нибудь о них, своих прошлых «верных» соратниках? В этом кабинете не мог не вспоминать...

И вот этот беспринципный и жестокий теневой политический воротила давал сейчас указания, как расследовать взрыв, унесший вереницу человеческих жизней, в том числе и жизнь его сына. Эти жизни его

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

не занимали, занимали только политические последствия, способные помешать ему. Еще лет пятнадцать назад у молодого следователя Петра Островцева кровь прихлынула бы к голове, но сейчас он, скорее, удивился бы, если бы не услышал то, что услышал. Он еще раз утвердился в мысли, что все эти годы действует правильно. Терпение. Его время еще придет. Все находящиеся в кабинете, вероятно, ждали чего-то от Островцева, хотя бы того, что он прервет затянувшуюся паузу, но Петр Алексеевич не издал ни звука. Пусть выговорятся, а потом он скажет все, что от него ждут.

Генеральный тяжело вздохнул и выдал наконец из себя:

— Островцев, вы все поняли? Нам нужен сумасшедший взрыватель клубов! Найдите его, пока гэбисты не влезли всерьез в это дело. Проведите следствие, как можете это только вы. В бумагах все должно быть безукоризненно. Завершите все как нужно, а там уж мы подумаем, что делать с вашей притормозившейся карьерой. Так ведь, Арнольд Сергеевич?

Матрасов улыбнулся, обнажив темноватые зубы.

Островцев поднялся.

— Могу идти?

— Идите.

«А генеральный-то выглядит не лучше, чем Бархатов сегодня ночью на месте взрыва. Неужели они так боятся Арнольда? Или в этом деле есть что-то еще, что заставило их потерять покой и сон?» Об этом думал Петр в ожидании лифта, но его размышления прервала чья-то рука, опустившаяся на плечо. Обернувшись, следователь увидел Матрасова. Тот смотрел на него холодно, очень пристально и зло:

— Я буду тебе крайне обязан, если ты спустишься сейчас в мою машину.

В автомобиле советника министра царил приятная прохлада. Островцев прикинул в уме, сколько прокурорских зарплат надо сложить, чтобы покрыть стоимость такой шикарной машины, как у Матрасова. Сразу и не сосчитаешь.

— Закурить можно? — Петр спросил это, даже не взглянув на

Матрасова, и только боковым зрением уловил его короткий кивок.

— Кури! Я сам закурю.

Матрасов вынул из кармана пачку дорогих сигарет и зажигалку с золотой инкрустацией. Прикурил сам, потом вяло протянул Петру, но тот уже чиркнул колесиком своего «крикета».

— Вот что я тебе скажу, Островцев. Твоя репутация в прокуратуре мне известна. Считается, что ты исполнительный трудяга и беспрекословно выполняешь все приказания, поскольку боишься, что тебя вытурят, а такие орлы, как ты, уже нигде не пригодятся. В последние годы ты не расследовал всерьез ни одного дела, зато изрядно поставлял липовых виноватых. И группа у тебя такая же. Никчемный старик, профурсетка прокурорская и молодой debil. Так говорят про тебя следаки. Они тебя презирают, считают крысой. Начальство тебя использует. Ты ведь еще и бескорыстный. И при этом компромата на тебя нет, кроме твоей нерадивости и служебного несоответствия. Странно, тебе не кажется, Островцев? Ты не водишь ли всех нас за нос? — Матрасов пустил большую порцию дыма в сторону следователя.

— Я не понимаю...

— Все ты понимаешь. Думаешь, не знаю, кто готовил мой арест? Чуть-чуть у вас сорвалось. — Матрасов, казалось, говорил сам с собой.

— Можно к делу? У меня времени мало.

— Опять придуриваешься! — беззлобно произнес Матрасов. — Ладно. Дело твое. Тебе из образа выходить не резон. Я с тех пор все про тебя выведал. Следователь ты первоклассный. Я поднял твои ранние дела и расспросил кое-кого из понимающих. Кого — не скажу. Не твоего это ума дела. Зачем ты придуриваешься, не знаю. Разберусь и с этим. Психа ты мне найдешь, куда не денешься. Тебе для чего-то нужна эта работа... Но запомни. Я должен знать, кто на самом деле взорвал «Карт-бланш» вместе с моим сыном. — Голос Матрасова дрогнул. — Поручи кому-то из своих проверить все, что связано с охраной сада. По моим сведениям, там слабое место. Только не бабе и не старику. Для этого дела нужен кто-то попрытче. И

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

запомни. Только ты и я. Других игроков нет. Я уверен, что ты игрок, важняк. Если не найдешь, раздавлю тебя. А если найдешь и не скажешь, пусть твои родственники не обижаются на меня.

От этого человека веяло смертью.

Смерть неотвратима и всеведуща.

Откуда он знает, что Островерцев уже поручил Астахову разобраться с камерами?.. Совпадение? Однако надо Серегу предупредить, чтоб действовал предельно осторожно, видимо, это ключевой след.

Москва строилась от Кремля. Разрасталась как кольца неведомой и далекой планеты Сатурн. Не знаю, кто-то внедрил эту идею градостроителям всех московских времен или так само собой получилось, что кольца сдавливают город, берут его за горло, а между их радиусами корчатся и дрожат линии улиц. Глядя на карту, не поймешь, Кремль отпускает их от себя или они со всей мощью врезаются в его площадь, что мир знает как Красную. В имперской столице архитектура под стать идее: каждый период имперского взлета вносил что-то свое, не считаясь с предыдущим, теперь здесь все перемешалось, будто набросали наобум дни и годы разных эпох. Вот дворянские особняки, символы гордого, беспутного и, как оказалось, малопродуктивного сословия. Вот доходные дома конца XIX века, всей своей прочностью говорящие о силе нарастающего капитализма. И тут же с византийским размахом — сталинские чуть угрюмые, но на века величественные здания. Одно из таких высилось на Большой Дмитровке.

Дом этот, не вызывающий у горожан в лучшем случае никаких чувств, а в худшем — опасливую брезгливость, для следователя Елены Голиковой значил многое. Здесь в ее жизнь возвращалась ясность, которая нередко покидала ее в других житейских обстоятельствах. В этих стенах она питалась силой. Здесь она была Елена Владимировна Голикова — именно так размеренно и четко чувствовала она свое имя.

Друзья же и знакомые как только ее ни называли: Леля, Алена, Эля, даже Элеонора. Она не противилась. Не считала нужным. Бывало, сама представлялась так манерно, не по-настоящему, исходя из того, кто визави. Но когда слышала свое строгое имя и отчество, убеждалась, что это — то, что нужно ей для самоидентификации, так больше всего ей подходит. Строго. И будто по-мужски. Она вообще любила мужчин. Принципиально работала только с мужиками. В команде Островерцева чувствовала себя как рыба в воде. Ей нравился риск и понимание того, что в какой-то степени она в системе, но и над ней. Балансирует на лезвии бритвы. Играет в мужские игры. Картотека Островерцева — та бомба, которая может разорвать и ее жизнь, не говоря о карьере. Все дела, которые они расследовали, тянули за собой шлейф компрометирующей информации, в который можно было кое-кого завернуть так, что выбраться без шансов. Правда, такого заковыристого расследования, которое им сейчас предстояло, не припоминалось, и сегодня она впервые не поняла, чего требовал от нее начальник. Вообще-то женщина почти всегда все чувствует, что хочет от нее мужчина, и только в своих смутных целях считает нужным иногда прикидываться непонятливой. Но сегодня исключительный случай. Она не представляла, кого можно допрашивать. Ноль свидетелей и очевидцев. Никого. Сейчас сад закрыт. Интересно, Петровку в это дело вовлекут или сразу главк задействуют. И кто будет оказывать нам оперативное сопровождение? Островерцева, похоже, не очень это заботит. А ведь это прямое дело оперативников — искать владельцев и работников кафе, театров, выяснять, что за тайфун взвил над Вернисажем и засосал в воронку всех до единого.

Кабинет, который в Генеральной и для одного-то был тесным, Леночка и Сергей Астахов делили на двоих. Периодически то он, то она бросали курить и яростно гоняли друг друга дымить на лестницу. Сейчас в стадии бескомпромиссной борьбы с вредной привычкой и губительной никотиновой зависимостью находилась Голикова, поэтому Астахов смиренно тянул свое

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

«Мальборо» на лестнице у лифта. Сергей в те моменты, когда не попадал в число бросающих, с пеной у рта доказывал, что никотин положительно сказывается на умственной деятельности. Леночка неизменно оказывалась по другую сторону интеллектуальных баррикад... Потом все менялось.

Вернувшись с перекура, Астахов, глянув на напарницу, понял, что ей не до разговоров, положил что-то в кейс и, коротко кивнув, ушел. Но она все же остановила его.

— Ты надолго?

— Сначала в офис к хозяевам «Карт-бланша», а потом буду версию по охране тянуть. Шеф особо настаивает, чтобы я пробил этого Синицына.

— А-а-а... —

многозначительно протянула Лена. — Тебе можно позавидовать.

— Да, шансов мало. Телефон отрублен. Еду к нему. Надежда слабая, что он там, но все же...

— Будь осторожнее.

Лена осталась одна. Она подперла ладонью лоб и закрыла глаза. Ей хотелось попробовать представить себе преступление в красках, в действительности, в подлинном напряжении — как фильм. Она не сомневалась, что опытные гипнотизеры могут заставить человека увидеть то, что он забыл. По крайней мере для расследования преступлений такими методами правоохранительные органы негласно пользовались. Иногда и ей это помогало. Раз за разом представляя возможные варианты развития прошедших событий, она способна была разглядеть такое, что невозможно сложить из фактов и улик. Сама потом удивлялась. Как? Надо бы спросить у того, кто разбирается, но тогда придется открыть свои карты.

Она закинула голову и, не открывая глаз, предельно сосредоточилась... Но сейчас ничего не получалось. Картинка не складывалась. Совершенно пустой вымерший сад, звуки музыки из окон караоке, человек или группа людей с взрывчаткой... Не то все. Какой-то обман. Будто ничего не было. Как-то раз она сумела увидеть убийцу девушки, его лицо всплыло перед ней во всех деталях, она испугалась, поскольку это было лицо отца

погибшей, который сам и пришел в милицию с заявлением, более того — принимал активное участие в расследовании. Он был крупным чиновником. Убийство, отягощенное насилием. Голикова не могла обнаружить прежде времени свое прозрение. Вскоре она докопалась, что папаша разыграл весь спектакль, чтобы отвлечь внимание от своих махинаций. Дело замяли и закрыли. Осталось ли оно хоть в архиве? Лена горько усмехнулась. Зато в картотеке Островерцева — на своем законном месте.

С визуализацией преступления ничего не получалось... Пожалуй, надо еще раз взглянуть на сад Вернисаж и на то место, где еще вчера был караоке-клуб.

Жара. Хорошо, хоть идти недалеко.

Услышав, что Астахов собирается к Синицыну домой, он удовлетворенно потер свои большие руки. Все складывается наилучшим образом. Чем сложнее план, тем легче он воплощается.

Люди охотнее всего проглатывают самую изощренную наживку.

По внешности трудно угадывался род ее деятельности. Она слишком женственна. Во всем поведении видна порода. К ней не подойдешь знакомиться на улице — духу не хватит, можно только с восхищением проводить глазами ее безупречную фигуру.

К таким не пристают. В таких — влюбляются.

Жара разбежалась в этот год такая, что носить каблуки стало просто опасно. Асфальт плавился и затягивал острые шпильки. Однако Лену Голикову, как и большинство других молодых девушек, это не мешало носить то, что полагается носить молодой стервозной москвичке.

Сад Вернисаж. Деревья грустят без влаги. Над остатками кровавой ночной беды поднимается удушливая пыль. Посетителей сегодня не пускают. Можно, конечно, показать удостоверение и пройти на территорию. Но что там теперь

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

найдешь? Да и никто не гарантирует, что за местом взрыва наблюдают только те, кому поручено расследование.

Леночка встала около решетки, осмотрелась, потом перешла на другую сторону Каретного, подхватывающего Петровку перед Садовым кольцом, походила туда-сюда, словно к чему-то примериваясь. Хорошо... пусть эти неведомые кудесники каким-то образом очистили от людей сад, — допустим! Но снаружи-то люди были. Кто-то мог проходить мимо, проезжать, в конце концов, на машине или даже... Стоп... Лена посмотрела на рядом стоящий с садом дом. Тогда уж и жильцов этого дома надо было эвакуировать, чтобы уж совсем все шито-крыто, без очевидцев. Или рассчитывали, что все пройдет быстро и не бросится в глаза? Надо подкинуть эту версию следствию. Пусть оперативники ходят по квартирам, окна которых выходят на сад. Вдруг кто-то в это время смотрел в окно или курил в форточку? Надо присоветовать им обратить внимание на дедов и старух. Они любят по ночам пялиться на чужую жизнь. Редко в этом признаются, но здесь могут испугаться, что их обвинят в сокрытии информации.

Ну что ж... Пока ничего не проясняется. Пора возвращаться. Через пятнадцать минут должен прийти для беседы директор сада Вернисаж. Вряд ли он скажет что-то толковое, да и едва ли о чем-то знает, если только не согласился за кругленькую сумму прикинуться дураком. Не быстровато ли он приехал на место взрыва? Надо проверить, откуда он добирался. Где находится его дача?

Вдруг чьи-то сильные руки схватили ее в охапку и буквально переставили на метр вправо. Туда, где она только что стояла, рухнул приличный кусок штукатурки и разлетелся во все стороны. От неожиданности Леночка не успела даже закричать. Как в кино... Откуда взялся этот человек? Как из-под земли вырос. Спаситель был высокого роста, в широких брюках, свободных, чуть старомодных сандалетах и белой в клеточку рубашке с коротким рукавом. Внешне он походил на человека из шестидесятых годов, по крайней мере

на представление об этом человеке, созданное кинематографом и документальной хроникой. Верзила уже отошел шагов на десять, когда Лена окликнула его:

— Эй, спасибо...

— Не стойте больше под балконами старых домов...

Леночка быстро догнала этого человека, чему он не особенно обрадовался.

— Хотелось бы узнать имя моего спасителя.

— Спиридон!

— Правда?

— Да вроде нет мне смысла скрывать свое имя.

— Нет-нет... Я не сомневаюсь, — улыбнулась Лена. — Просто редкое...

— Родители так называли... От меня ничего не зависело.

— А меня зовут Лена.

Спиридон не произнес стандартного «очень приятно», всего лишь кивнул, в знак того, что принял информацию к сведению.

— А вы не знаете, почему сегодня сад Вернисаж закрыт? — Лене надо было попробовать удержать его, хотя она сама еще не отдавала себе отчет зачем.

— Да рвануло вчера здесь. А вы что, ничего не слышали? — Спиридон посмотрел на девушку пристально, словно пытаясь угадать, не придушивается ли она.

— Я только с дачи вернулась. Там глушь, ни телевидения, ни радио. А что рвануло-то? — вошла в роль Леночка.

— Караоке-клуб, «Карт-бланш». Его недавно открыли. Шуму от него столько было. Сколько ни жаловались, что спать невозможно, ноль эмоций. Хотя сейчас жаловаться некуда. Прошли те времена, когда на народ внимание обращали. — Спиридон заметно оживился.

— А вы что, живете неподалеку?

— Да, вот в этом доме, откуда на вас чуть кусок не упал.

— И что, вчера здесь, наверно, переполох был?

— Еще какой, как раз в это время с Чарли вышел погулять. Он, бедняга, так перепугался. До сих пор сидит в углу и боится вылезать. Чарли — этот пес мой. Боюсь, не оглох ли он. Завтра к ветеринару поведу. —

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Спиридон на глазах менялся, превращаясь из неразговорчивого буки в весьма словоохотливого собеседника.

— И как же все это произошло? Прямо среди бела дня грохнуло?

— Да какой среди бела дня... Это почти в полночь было. Я всегда стараюсь с Чарли до двенадцати погулять. Раньше в двенадцать «Гном-5» показывали. Вот я к нему и успевал...

— Наверное, много людей пострадало. — Леночка сделала участливые глаза, изображая неподдельную впечатлительность.

— Передают, что много. Мне что до них? — Спиридон опять помрачнел. — Одно только не понять. Зачем все это? Вроде мирное время, а у нас взрывы. Ладно... пора мне. Вы осторожнее впредь под балконами-то... — Лицо Спиридона снова обрело первоначальное спокойствие и непроницаемость.

— Вы знаете, у меня есть очень хороший знакомый ветеринар. Он может посмотреть вашего Чарли. Если я попрошу, то совершенно бесплатно...

Примитивный способ, а сработал.

— Правда? Это хорошо. А как же нам это устроить?

— Давайте созвонимся вечером...

Астахов мог вызвать одного из совладельцев «Карт-бланша», Амиду Хумзаева, и к себе в Генеральную прокуратуру, но решил сам зайти в его офис. В прокуратуре человек невольно зажимается, чтобы не сболтнуть лишнего, а на своей территории более спокоен, а значит, более уязвим. Вообще уверенный человек всегда раб своей уверенности. Он перестает сомневаться, и его легко подловить.

Амид Хумзаев — невысокого роста лакец, с большими усами и очень глубокими, совсем неприглядными глазами. «Ему тридцать семь, а выглядит на все пятьдесят», — заметил про себя Астахов, когда пожимал руку Хумзаеву.

— Я предполагаю, что вы в такую жару не будете коньяк, сославшись на службу, но не предложить не имею право. —

Хумзаев говорил с акцентом, но довольно чисто и правильно.

— У вас представление о прокурорах из фильмов и книг. Ведь по сюжету злодеи всегда пытаются опоить честного и неподкупного следователя, а он проявляет бдительность. Но я, однако, приму предложение. С ночи на ногах, взбодриться не помешает. И кофе еще, если можно...

Когда они выпили по рюмке и Сергей сделал большой глоток крепкого, хорошо сваренного кофе, Хумзаев спросил:

— Чем я могу быть полезен Генеральной прокуратуре?

— Да это скорее Генеральная прокуратура может быть вам полезна, дорогой Амид Мухамедович.

— Вы что, подозреваете, что я взорвал свой собственный клуб? — В голосе Хумзаева зазвенела наигранная истерика.

— Попросите, чтобы мне сделали еще кофе. — Астахов зевнул, потянулся, поудобнее устроился на стуле, закинул ногу за ногу. Хумзаев продолжал сидеть ровно, почти безучастно, только губы его побелели и еле заметно подрагивали. — Вам известна слава, тянущаяся за лакцами.

Хумзаев вскочил, инстинктивно сжал кулаки, потом сел и часто задышал:

— Когда же все это кончится? Когда, наконец, отстанут от нас? Вы знаете, как красиво у нас в Дагестане? Какой у нас, лакцев, фольклор? Это кто-нибудь берет в расчет? Какое вы имеет право оскорблять мой народ? Ведь скажи слово про евреев или еще кого, сразу шум и стенания! А про нас, значит, можно?

Астахов привык к таким истерическим фокусам. На него эта эмоциональная тирада не подействовала. Хотя он и допускал, что она не лишена искренности.

— Не передергивайте мои слова! Никого я не оскорблял. Я хочу понять, причастны вы к взрыву или нет. Если этот вопрос я с вашей помощью для себя не решу, его могут решить те, кого мало интересует правда. Вы меня понимаете?

Хумзаев виновато уставился в пол.

— Что-то вы коньяк не наливаете? Гость может обидеться, не

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

так ли, Амид Мухамедович? — Астахов понял, что Хумзаев сдался быстро. Все, что знает, расскажет. Теперь надо ковать из него союзника.

Рюмки вновь наполнились.

— У вас есть конкуренты? Враги вам никогда не угрожали?

— Конкуренты есть у всех. Но мы работаем по понятиям. Всем, кому надо, платим под гарантию спокойствия. Не спрашивайте кому. Вам это легче узнать. Все устали от...

— Кому выгодно, чтобы «Карт-бланш» перестал существовать?

— Никому.

— А может, вам?

— Да вы что...

— Вы под Матрасовым. Сын Матрасова погиб в вашем клубе. Что-то уж больно близко концы, чтобы связать их.

Хумзаев вскочил как ошпаренный.

— Да что мы дураки, по-вашему? Все подозрение на нас, никаких вариантов искать не надо. Мы всех на уши поставили — только бы отмываться. Понимаете, чем это грозит? Горе это все. Очень большое горе. Там наши сотрудники... А вы все пугаете.

— Амид Мухамедович, надеюсь, что вы услышали больше, чем я сказал. Если вы хотите, чтобы все вернулось в нормальное русло, держите меня в курсе.

— В курсе чего?

Астахов только улыбнулся:

— Всего.

На прощание они выпили еще по стопке.

Астахов вышел из офиса Хумзаева с чувством выполненного долга. Первая фаза операции завершена. Теперь пора бы навестить начальника охраны сада Вернисаж. Уж больно подозрительно, что от него никаких вестей...

Но сначала Астахов решил перекусить. Глаза наткнулись на близкую вывеску «Макдоналдса». Самое оно. Дешево и сердито.

Владимир Тимофеевич Прыгунов очень любил работать за компьютером. Далеко не все люди его возраста приспособились к ворвавшемуся в нашу жизнь и ежедневно подтверждающему свою незаменимость чуду техники. Многие

считали это блажью, глупостью, даже сионистскими штучками. Писали ли бы мы от руки, печатали на машинках и жили бы не тужили! А теперь столько сложностей добавилось! Поначалу к хору этих разгневанных голосов присоединился и Тимофеич, но потом он попробовал, само собой, поплевался пару недель, но в конце концов втянулся. А уж когда добрался до Интернета — и вовсе поверил в электронные чудеса. Такие возможности открылись: куча информации — как огромная сливная яма.

Получив от Островерцева задание выяснить все, что связано с шоу «Гном-5», он первым делом полез в Сеть. Материала бездна! Все бессистемно, масса глупостей. Но что-то можно накопать... Полтора часа он потратил на изучение проблемы, вникнул в суть, тщился понять, что за люди делали эту передачу. Особый интерес вызвали у него двое ведущих: Тимофей Брамборис и Прохор Черепицын. Любопытно, это их настоящие имена или псевдонимы? Кстати, последние часы именно по поводу их гибели особенно шумели поклонники, обсуждавшие новость в Сети. Интернет просто глох от их виртуальных стонов. Не мудрено, они же люди кадра. Чья там жена звонила и сокрушалась по поводу гибели супруга? Брамбориса. Да, любопытно, почему же их все-таки закрыли? В наше время для закрытия такой программы нужен весомый повод. Позвонить на канал? Там никто ничего не скажет. Даже из злобы. Умники из руководства, кто придумал этот цирк, наверняка ненавидят прокуратуру и все правоохранительные органы. Считают, что их зажимают, что-то им диктуют... Господи! Кому диктовать-то и зачем?

Его размышления прервал писк мобильного. Звонил сын. Может, случилось что? Так просто — поговорить за жизнь — он не звонил.

— Батя! — Голос Дмитрия напоминал о русских богатырях — раскатистый, уверенный. — На тебя одна надежда. Машка с самого утра ревет.

— Что случилось? — Тимофеич очень любил внучку и беспокоился за нее. Ему по-стариковски казалось, что молодые воспитывают голубоглазую

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

болтливую девушку совсем не так, но вмешиваться не хотел. Помнил, как они с женой нервничали, когда его покойница мать без конца наставляла их по части воспитания Димки.

— Да даже не знаю, как сказать. В общем, она, понимаешь, была влюблена в Прохора Черепицына, ну ведущего этого, что взорвали сегодня. Вот, и теперь... В общем, вопит, что только дед может ей помочь. Поговоришь с ней?

— Поймай! Что значит «влюблена»? Девочке десять лет — совсем ребенок. Они что, знакомы?

— Эх, отстал ты, батя, от жизни. Раньше в артистов влюблялись, а теперь в ведущих реалити-шоу. Была бы моя воля, я бы их сам всех взорвал скопом, дармоедов. Дураят народу мозги... Ну так поговоришь с ней?

Голос у Машки, несмотря на возраст, звучал совсем уже по-женски — властно, настойчиво. Она долго и пламенно доказывала деду, что ее сердце подсказывает: Прохор жив. С деда она взяла клятву, что он найдет ей Черепицына.

Сердце Прыгунова рвалось, когда он слушал всю эту ахинею. Бедная девочка. Как быстро растут дети. Что у них только на уме? Тимофеич успокоил внуку как мог, обещал разузнать все что может. Машка верила в талант деда, в тайне считала его современным Шерлоком Холмсом и хвасталась подругам, что дед раскрыл массу сложнейших преступлений.

Номер телефона, оставленный супругой покойного Брамбориса в милиции, не отвечал. У Черепицына кто-то был из родных? Надо сделать запрос.

Затрещал служебный аппарат. Тимофеич поднял черную, по-советски тяжелую трубку. В прокуратуре не любили тратить деньги на всякие мелочи, в том числе и на новые телефонные аппараты. Говорил дежурный.

— Тут один человек просится. Утверждает, что у него что-то очень важное по делу о взрыве. Видок у него, правда, так себе. Перегаром разит. Примите?

Именно вот такие, на первый взгляд совершенно никчемные визитеры, которых шпыняют из всех учреждений, иногда могут пролить свет

на те обстоятельства, что до сих пор находились в тени. Мало бы кто принял человека с улицы в нынешней прокуратуре. Приказали бы писать объяснение, записываться на прием, месяцами ждать. Но Тимофеич, как и вся бригада Островерцева, фанатично полагался на свое чутье. А оно ему сейчас подсказывало, что ничего случайного быть не может, нужно выслушать того, кому так не терпится.

Дав распоряжение дежурному, Тимофеич продолжал бродить по Сети в поисках информации по «Гному-5». Он быстро пролистал историю этого проекта, подивившись изобретательности его устроителей. «Глобальное новое общество мира»! Лихо придумано. «Гномы» были долгожителями телятника. Следуя один за другим, они будто старались перещеголять друг друга в полной абсурдности творящегося на экране. Однако число реальных и потенциальных потребителей этого медиапродукта росло как на дрожжах. Вот и Машка его туда же! Очень людям нравилось наблюдать чужую жизнь. Может, из-за того, что своей недостает? Материалов, касающихся объявления в «Гноме-5» возможного преемника, рассыпано хоть отбавляй. Еще бы... Тема такая, которую чем-то другим перебить сложно. А какая квалифицированная утка! Сколько ее ни опровергали всевозможные властные структуры — все без толку. Чистой воды блеф, а как все на него повелось. Аудитория верила. Иные деятели, считавшиеся близкими к власти, намекали, что не все тут так просто. Сколько же у нас развелось за последние годы этих якобы близких. Многие из них помпезно именуют себя политологами, высыпают с экранов в развешенные уши зрителей один прогноз за другим, театрально закатывают глаза, виртуозно играют интонациями, лишь бы их запомнили, чтобы потом мелькать по ящику беспрерывно. И влиять на умы. Через день — ровно противоположные речи, чем были накануне, но вчерашнее забыто, народ раскрыл рот и ждет порции новой авторитетной отсебятины.

Тимофеич считал себя неплохим физиономистом. Иногда ему достаточно было одного взгляда в глаза, чтобы понять многое, очень

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

многое о собеседнике или просто об объекте наблюдения. Бывало, человек и сам не мнил за собой такого, что угадывал Тимофеич. Теперь он внимательно вглядывался в фото участников и ведущих шоу. Тимофей Брамборис — наглый взгляд, улыбка приклеенная. Прохор Черепицын, Машенькин кумир, — смазливый, глаза неглупые, в осанке много комплексов, этот явно был интереснее первого. Люди с такими глазами способны на многое, в том числе и на подлость. Нельзя верить умным глазам. Ум — это оружие, страшное оружие, и жизнь порой заставляет направлять его против тех, кто рядом... Оба они, несомненно, были изрядными циниками...

В дверь постучали. Тимофеич разрешил войти. Поначалу старый следователь не поверил своим глазам. Будто фотографию, которую он только что рассматривал, кто-то материализовал. Темные очки, сложен хорошо, пытается улыбаться, правда, не так бодро, как с монитора. Вот тебе на! Тимофей Брамборис собственной персоной. Живой!

От Брамбориса сильно пахло спиртным, лицо темнело от свежей щетины.

— Разрешите представиться: Тимофей Брамборис, телеведущий.

— Владимир Тимофеевич Прыгунов.

— Как мне к вам обращаться? Товарищ полковник или... генерал...

— Можете по имени-отчеству.

— То, что я сообщу вам, информация чрезвычайной важности.

— Я вас внимательно слушаю.

Часть пятая

Кто же мог мне отправить это сообщение? Мои бывшие однокурсники? Неужели остался хоть кто-то в этом городе, кто не осведомлен о моей смерти? Господи! Я замер. А что если это тот, кто писал угрожающие письма ребятам? Откуда ему известен мой номер? Ну да... оттуда же, откуда и номера всех ребят. А может, все же однокурсники? Исключено...

Наберу-ка Светку... Классная она все-таки девчонка. Хотя какая она уже девчонка? Дети у нее, интересно,

есть? Муж? Вчера не спросил — все же свинья я!

От досады возникло желание громко заорать матом на все Чистые пруды и их замечательные окрестности. Я вчера не перенес Светкин номер в телефон. Записал на первом попавшемся листке и оставил его дома. Что же делать? (Сегодня я спрашиваю это неизвестно у кого явно не в первый раз.)

У кого там, Светка сказала, мы встречаемся? У Димки Торгованова? Ну что ж! Если дозвониться не суждено, «обрадую» старых друзей эффектным появлением из преисподней. Как в кино. Герой неожиданно для всех воскрес.

Торгованов живет, помнится, на Цветном бульваре. Светка вроде говорила, что место жительства не поменял и бурное веселье намечается именно там. Хм...

Спокойно. Встали. Пошли. У меня еще все впереди... Все впереди! Был такой роман в восьмидесятые. Мама, помнится, его читала, когда я еще в школу ходил. Название запомнилось. Похоже на «Время, вперед». Тогда с этой музыки программа «Время» начиналась. Классная, кстати, музыка... настроение поднимала, символизировала нечто постоянное.

Роман тот обсуждали весьма бурно. И ругали, и хвалили. В детской памяти от этого осталось что-то мутное. О чем же спорили? Нет, не вспоминается. Сам я его не открывал. Только разговоры взрослых слышал. Мог и прочитать, но не случилось. Даже автора сейчас не упомяну. Да, Черепицын, на интеллектуала ты не тянешь, хотя и примазываешься к элите. Все по верхам...

Ну и жара! Давно в Москве такой не было. Машин на Бульварном куча. Теснятся, дергаются, сигналият, перестраиваются, наивно полагая, что соседний ряд поедет побыстрее. Но грезы развенчиваются. И автомобилисты плавают часами в пробках. Вот откуда пробки в выходной?

Жуть берет. Быстрее бы нырнуть в Костянский переулок. Там хоть тень есть. Все полегче... А от него через Сретенку на Цветной.

По дороге я зацепил банку пива.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Занятно, как бывшие соратники по грызне гранита науки и по прочейотреагируют на мое появление. Если хоть один слышал о моей смерти, значит, знают все. Тогда кто же послал мне смс? (Я все еще убеждал себя, что сообщение отправил не преступник). Тот, кто еще не знал? Но смс послано с компьютера. Пославший не мог не видеть в Интернете новости первой строки. Шансов один из тысячи. А если это все же он? При этой мысли похолодели внутренности... Выходит, он в курсе того, что я жив... О маньяках я не имел ни малейшего реального представления, кроме книжного и киношного. Как и большинство жителей страны и мира. Да. Есть маньяки, про них пишут в сводках, показывают по телевизору из зала суда, они стабильные персонажи ужастиков. Но все это не в твоей жизни. Рядом, но не в твоей... И вот реальный маньяк притаился где-то совсем близко. Около моей судьбы или уже в моей судьбе. Он угрожал всем, только я не удостоился почему-то подметных писем. Не оттого ли, что на мой счет у этой сволочи зрел особенный план? Собирался прикончить без всяких предупреждений? Или оставил на потом? Брамборис все же полный идиот. Как ему пришло в голову, что я могу быть причастен к этому?

Я пошел быстрее, хотя за мной никто не гнался. Тело таким образом реагировало на мысли. Мозг взбудоражен и сам по себе отдает команды рукам и ногам. Надо собраться! Подумать о чем-то другом...

Нельзя изменить то, что изменить нельзя.

Сколько же лет я не видел своих институтских корешей? Я напряг память, пытаюсь посчитать годы. Особого напряжения не потребовалось, да и считать было нечего. Присутствовал я на этой лживо-сентиментальной встрече всего один раз. Через год после выпуска. Меня занимала там одна мамзель, но это все пустое. Даже и вспоминать не о чем. На такие встречи через год после выпуска припираются все. Далее сбивается костяк, живущий по своим законам, пытающийся удержать время и не понимающий всей бессмысленности этого занятия. Меня к себе регулярно зазывали, и я

регулярно обещал прийти, но не приходил.

Кстати, мне Полукеева никогда по этому поводу не звонила. Почему? Звонили парни. Торгованов чаще всего. А она нет. Не связано ли это как-то с взрывом? Боже мой, да что я горожу! Причем здесь звонок и взрыв! Просто на этот раз пришла ее очередь дозваниваться.

Есть такое заблуждение, что студенчество — самая замечательная пора в жизни. На самом деле это не так. Самая обычная пора и, очевидно, не самая лучшая. Просто люди, подураски, по инерции достигшие зрелости, когда ощущения от жизни прокисают, теряют к ней вкус, начинают использовать ресурс своеобразного аутотренинга. Суть вот в чем: да, сейчас у нас все хреново, обывательски, до колик скучно, но ведь были у нас юность, дружба, первая любовь, гитарная романтика, походы, грязные ботинки с похмелья после вечеринки и все такое. Ничего этого на самом деле не было. Было как факт, но не как нечто прекрасное.

Прекрасным оно становится только в памяти за неимением ничего другого, что можно вспомнить. А что происходило в реальности? За что нам любить студенчество? За невероятное количество ненужной информации, которое фанатичные преподы внедряют в наше юношеское сознание, будучи уверенными, что их предмет и есть самое главное в жизни любого? А может быть, за постоянное безденежье и чувство стыда, что не можешь пригласить девушку в пристойное кафе, а вынужден во всякую погоду таскать ее по улицам, изображая романтического бесребреника и кормя многолетними байками? Неужели за потраченные километры нервов перед экзаменами и зачетами, которые невозможно сдать по-честному, поскольку такое количество знаний неспособно уместиться ни в одной человеческой башке. Или за то, как мерзли в трудовых лагерях, греясь паленой водкой, сажая почки под самостоятельное бренчанье на шестиструнке и вздохи таких же замерзших и несчастных девиц? Объективно прекрасно в эту пору только одно — возраст. Возраст силы и надежды. Именно за ними гонятся любители разных встреч выпускников.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Вдруг сила и надежда вернутся? Но это иллюзии. Так не бывает. Поэтому я и не ходил туда. Чтобы не врать хотя бы в этом, хотя бы себе.

Сегодня случилось так, что я туда иду.

Надо заворачивать к Сретенке. По-моему, если я поверну здесь, выйду как раз в нужном месте. Стоп! А это еще что? Как только я повернул и прошел несколько метров, то же самое сделал некий субъект. За мной хвост? Неужели маньяк? Я с трудом сдержал себя, чтобы не побежать. Стал присматриваться к местности. Переулок тихий. Хотя и день-деньской, а чикнет по горлу ножичком, и готово дело. Надо пойти быстрее. На Сретенке он не решится. Там должен быть народ.

Я ощутило ускорился. Тело приобрело такую легкость, а сердце застучало так быстро, что, если бы оно было мотором, несомненно, подняло бы меня в воздух. Главное — не оглядываться. Создать видимость, что я ничего не понял, так, спешу куда-то. Он не должен догадаться, что я его заметил.

Большой Сухаревский — довольно длинный переулок между Сретенкой и Цветным бульваром — я миновал за несколько минут. Хорошо, светофор зеленый. Успею проскочить на бульвар, а там и до Димкиного дома недалеко.

На бульваре не выдержал, повернул голову и увидел, как мой преследователь садится в подошедший пятнадцатый троллейбус, никак не подавая вида, что я ему чем-то интересен. Пот тек с меня градом. В изнеможении я сел на ближайшую скамью. В кармане нашелся платок. Вытер лоб. Дыхание успокаивалась.

По всему выходило, что этот мужик, так напугавший меня, ничего ко мне не имел и повернул за мной случайно. Как же я глупо выглядел! В такую жару нестись по городу!

Никто меня, кстати, сегодня не узнает на улицах. Бегут куда-то с равнодушным видом.

А мои однокашники? Наверное, уже размялись парой-тройкой рюмок.

Дом, где жил Димка Торгованов, относился к тем добротным московским постройкам, выжившимся вокруг Садового кольца, что придавали городу патриархальный, неброский, но

прочный имперский вид. Одной стороной дом выходил на кольцо, другой — на бульвар. В большом дворе теснились невзрачные постройки. На одной из них висело объявление, что здесь можно воспользоваться услугами гинеколога, уролога и нотариуса. В какой только последовательности?

Я походил по двору, припоминая подъезд. У меня отличная зрительная память, но сейчас я никак не мог сориентироваться. Ну вот, кажется, сюда.

Дверь чуть приоткрыта, ее кто-то подпер кирпичом. Вероятно, из подъезда выносили тяжелое или же стремились создать в это пекло сквозняк и дать дорогу свежему воздуху. Это хорошо — код помнить не придется. Подъезд, не в пример многим в Москве, не источал ни запаха мочи, ни псины. Какая же квартира? Этаж третий. От лифта налево. Все должно быть так. Бывал я у Димки в пору нашей учебы нередко. Уютный, толстый, компанейский. И мама у него такая была хлебосольная. Всегда супчику нальет, котлетки, компот, будто мы не студенты, только что в подворотне распивавшие пиво, а прилизанные школьники.

Мимо консьержа я проскочил без хлопот, поскольку он мирно дремал, устроив подборок на покато животе. Не выношу, когда эти блюстители подъездного порядка пристают с вопросами: к кому идете? Можно подумать, что заведомый преступник не продумает заранее все эти ответы.

Кнопку звонка я жал долго, пока не зашуршали чьи-то шаги и не защелкал открывающийся замок.

Никто не спросил, кто там. Сегодня здесь ждали гостей.

* * *

В жизни случаются всякие чудеса! Жизнь богаче любых выдумок писателя-фантаста. Но что никто из моих бывших однокурсников не слышал о моей гибели, меня потрясло. Может быть, я слишком зациклен на себе? Так-то оно так. Но телевизор гудит только от этой новости. Странно.

Ребята, а их к моему приходу в просторной торговановской гостиной собралось уже человек двадцать, удивились моему приходу. Думали, что я в очередной раз их надуваю.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Меня усадили рядом со Светкой, она дружески чмокнула меня в щеку. Тарелка моя быстро заполнилась кучей всякой снеди. За мной ухаживали как за дорогим гостем.

О, как мне знаком этот запах домашних застолий! В квартире особые чистота и порядок. Хозяйева ждали гостей. Пыль протерта, книги в стеллажах расставлены аккуратно, как в букинистическом магазине, все лишние вещи запрятаны поглубже в шкафы. Витает дух лицемерия и полировки. А с кухни тянет так уютно, как много лет уже недостижимо для меня: разными салатами, заправленными майонезом, свежими овощами, только что испеченными пирогами и млеющим в духовке мясом. На столе обязательны домашние соленья. У нас в России понимают, как закусывать водку. Приборы поблескивают на скатерти. Сейчас наступил такой момент, когда курящие, разогретые водкой и хорошим настроением, группками отправляются на балкон или на лестничную площадку.

Димка Торгованов мало изменился за то время, что мы не виделись. Все такой же, круглое доброе лицо, лишь под глазами темно и прищур появился. Видимо, плохо стал видеть, а очки носить не привык.

С меня, как со штрафника, затребовали слово. Выжал из себя что-то о вечном студенческом братстве, о лучших годах, еще о чем-то. После этого ко мне стали приставать с расспросами. Все таки телезвезда! Удивительно, что спрашивали меня что-то совсем уж тривиальное. Например, знаю ли я того-то, знаком ли лично с той-то и сколько мне платили. Действительно, они не поумнели за это время. И плюс ко всему — ни один не слышал о моей смерти. Что ж, эта новость достойна обнародования. И я рассказал...

Удивление, сострадание, всплескивание руками — все выглядело очень искренне. Но главное не это. Вероятно, мы, подлые слуги масс-медиа, все-таки переоцениваем влияние и информативную функцию телевизора, Интернета и прочего. После того как крушение СССР напрочь разбило веру в печатное слово, позволив «уткам» плыть плотным косяком по телеэкранам и

газетным полосам, обычные люди не особенно обращают на них внимание. Вот и мои драгоценные друзья юности, каждый из которых прожил уже большой кусок жизни, в субботний день не пялились в ни телевизор, ни в Интернет, тем более не открывали газет. Мое поколение, одно слово. Выходной так выходной... Они законсервировались. Кажется, в моей жизни все кипело, плескалось, менялись увлечение, приоритеты, женщины, а они ползли в то же время по той же самой жизни не быстрее, чем черепахи. И их человеческое развитие будто застряло где-то пятнадцать лет назад. Что-то подобное, наверное, испытывают герои фантастических книг про машину времени и прочие соблазнительные чудеса.

Я смотрел на них и силился вспомнить, какую роль они играли тогда, в той моей жизни. Соня Сафонова, племянница известного артиста, тогда была признанной красавицей курса, ее встречал на иномарке немолодой бойфренд. А теперь — только тоскливые глаза, обтертая шкурка и полное отсутствие былого лоска. Жора Грибов, весельчак, остряк, балагур. Его шутки, по-моему, так и остались там, в прошлом, раньше он изображал Горбачева и Ельцина, теперь — не у дел: у нынешнего президента с дикцией и интеллектом все в порядке, передразнивать трудно и боязно. Саня Лебедев — такой же худой как Кощей Бессмертный, желчный и умный. Нашлось ли ему достойное место в реальной, а не в ученической жизни? Он написал очень талантливый диплом, ему предлагали остаться на кафедре, но он почему-то отказался. Выиграл он или проиграл?

Выяснять у них про их жизнь? Неловко и неохота. Да и будет повод подумать, поразмышлять. Интересно иногда пофантазировать, как живет тот или иной человек. Или выберу попозже кого-нибудь одного и расспрошу про всех. Например, Светку. Она одна из немногих внешне к лучшему пошла, я бы сказал, похорошела. И водку пьет полными стопками, наравне с мужиками. Интересно! Прежде за ней такого не наблюдалось.

Ведь все мы еще молоды, до сорока. Но в глазах у каждого что-то

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

старое. Меня это касается или нет? И не спросишь ведь. Не поймут, о чем я.

С улицы потянуло свежим ветерком. Намечалось долгожданное похолодание. На небе жарились небольшие, но довольно темные тучки. Через час их будет много, ветер нагонит.

На балконе, облокотившись на перила, тянул темную сигарету Саня Лебедев.

— Чего куришь? Пахнет вкусно.

Лебедев — один из немногих, с кем действительно приятно поговорить. Он не любил рассуждать вокруг да около, изъяснялся прямо.

— Сигариллы. Угостить? —

Санек глазами показал на пачку, лежащую на высокой табуретке.

— Спасибо. Я бросил.

— Да ну? И получилось с ходу?

— Не с ходу. Выхода не было.

По утрам продышаться не мог.

— Жить хочешь?

— Станный вопрос. А ты что, нет?

— Я нет. — Он затаился глубоко и потом сосредоточенно выпустил дым.

После таких слов не принято спрашивать почему, но я спросил, и мне ответили:

— А зачем? Все лучшее — в прошлом. В будущем — тьма, разврат и позор.

— Я тебя не понимаю.

— Странно. А ведь был умным парнем. Или вам там, по другую сторону экрана, золотые клетки подарили? Открой глаза, что творится вокруг. Чувак, я смотрел твой «Гном-5», когда не спалось. Видел, что ты там делаешь. Это же до чего дошло, выбрать возможного преемника из героев «Гнома-5». Уж лучше животное из программы «Судьбы шимпанзе».

— Ты что, верил во всю эту чушь? Это же рекламный ход, технология повышения рейтинга.

Санек в ответ смачно плюнул с балкона вниз.

— Да ладно тебе. Реклама, рейтинги, кому лапшу вешаешь? Рейтинги они сами себе нарисуют и заставят твоих поделщиков по ящику их внедрить в любые мозги. Совдепия рухнула, хоть и дрянная была система, а что вместо нее? Ты хоть в курсе, кто твоим шоу владеет? Чего молчишь?

Неужели не знаешь? Матрасов. Тварь их тварей.

— Ну, ты перебираешь, Саня!

Проход-то здесь при чем? — в монолог Лебедева вмешался Торгованов, уже с десяток минут стоявший рядом.

— Ух ты, наш хозяин, пупсик собственной персоной. Здравсьте!

— Здравсьте! Не набрались ли вы лишнего? — спросил Торгованов.

— Знакомый прием. Человек, говорящий правду, объявляется или пьяным, или сумасшедшим.

На балконе появилась Светка. Она встала как-то так, что загородила меня от Саньки, будто защищая. Насчет того, где пахнет жареным, женщин не обманешь. Они или провоцируют скандал между мужиками, или не позволяют ему разгораться. Санька не стоит сейчас злиться, хотел шепнуть я Торгованову. Но как тут шепнешь! Все разгорячены. Молодость вспомнили. А Лебедева понесло:

— Ты всю жизнь здесь в тепле и уюте, под крылом у мамочки. А я пообщаю почти с малолетства. Учился, жил впроголодь, ни копейки не брал у родителей. Думал, выучусь, всего добьюсь сам, все у меня будет — дом, семья, работа. И где я теперь? Кто такие инженеры транспорта, знает хоть кто-то в стране? Торгует Саня теперь на рынке у хозяина Ахмеда, которого, в свою очередь, крышует какой-нибудь Арнольд Матрасов. Так что мы с тобой, Проша, в какой-то степени коллеги. Только у меня работа на свежем воздухе, а у тебя в помещении... была.

Он как-то сразу весь сник, отвернулся. Солнце почти опустилось за край окоема. Самое романтическое время суток. Сцена чеховская. Только антураж другой. Эх, Санек, Санек... Зачем ты все это говоришь? Все равно ничего не изменить.

На меня не действуют пьяные откровения. Ну, работаешь ты на рынке, и работай. Все как-то мыкаются. Что делать, раз скотское время нам выпало, все, чему мы учились, никому не нужно, в том числе и нам.

Лебедев, надо отдать ему должное, угомонился довольно быстро. То ли Торгованов на него сумел подействовать, то ли просто хмель повернулся в нем так, что ему стало не на кого злиться.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Минут через десять после этого инцидента, так и не перешедшего в потасовку, я, Светка, Торгованов и Лебедев уже смеялись, вспоминая былые чудачества.

Мы выпили вчетвером, так, будто в институте дружили не разлей вода. Самая большая ложь — она о прошлой близости и дружбе. Память хитра.

Народ постепенно расходился. Я обратил внимание, что все как-то уж чересчур запынели, сонные такие уходили, вялые. Годы берут свое или воспоминания о юности вызывают отчаяние? Между прочим, слова о том, что наш Т1 принадлежал Арнольду Матрасову, огорошили меня. Я почему-то не особо интересовался руководящим устройством канала, кому он принадлежит, кто учредители...

Стоп! Что это я так туплю? Может, Лебедев и правда знает. Купил или продал Матрасов Т1? Хотя, ну что он может знать? Пьяный бред какой-то. У меня были на шоу свои начальники. Продюсер Григорьев, гендиректор Аскользин. А кто уж там хозяин...

Опустевшая гостиная напоминала поле боя. Антураж утратил образцово-показательную аккуратность, на тарелках — размазанные следы салатов, на столе — куски недоеденного хлеба. Обычно после ухода гостей хозяйева еще несколько дней едят то, что осталось от шумной и бестолковой трапезы. Торгованов предусмотрительно отправил свое семейство на дачу, и так получилось, что часам к десяти вечера его собеседниками стали я, Светка и Санек. Кроме нас, никого не осталось. Разве что водка в большом количестве. Димка разлил всем. Кажется, он не хочет, чтобы мы уходили. Все выпили. Всерьез. До дна и не морщась.

Светка по-хозяйски прибиралась на столе. Торгованов остановил. Предложил еще выпить. «Надираются...» — сквозь какой-то туман заметил я сам себе. Никакой второй внутренний голос не оживился при этом и не поправил: «А не надираешься ли ты сам?» Нет у меня больше такого голоса. Похоронили вместе со мной.

Не помню уж, кто включил телевизор. Новости. Мое наваждение...

То ли я задремал или просто закрыл глаза, но Санька Лебедев затряс мое плечо своей костлявой рукой. Я это осознал не сразу. Выходит, все-таки вырубился. Какой он худой! Натуральный Кашей... Его лицо немного расплывалось.

— Слышь, Проща, не спи! Твоего друга показывают... — сказал Лебедев.

— Какого друга? Брамбориса, что ли? Так он мне не друг. — Я вперился в экран.

Немолодой женский голос произнес:

«Страшное горе в семье Арнольда Матрасова, советника министра. Во время взрыва в караоке-клубе «Карт-бланш» погиб его сын Борис. На похороны съезжаются видные политические и культурные деятели страны...»

— Слышите, слышите? — обернулся я на ребят. — Я ведь мог там погибнуть. Светка, крути каналы. Где-нибудь скажут и про мою смерть.

— Ты что, больной? — Глаза Санька заблестели холодно и трезво. — Зачем ты им нужен? Если сын Матрасова уже есть. Твои похороны отменяются!

— Злой ты, Санька!

Лебедев в ответ улыбнулся.

Откуда мне было знать, что Светка уже много лет была влюблена в Лебедева? Когда они начали целоваться, не обращая на нас с Торговановым никакого внимания, я решил уйти. На лифте не поехал, сбежал, как в юности, пешком. На улице пахло городом и близкой ночью. Мир не без труда возвращал себе четкость. Надо бы выпить кофе! Есть здесь что-нибудь поблизости?

— Прош... — окликнули меня.

Оборачиваюсь. Доброе, толстое лицо Торгованова.

— Ну что? Выжили из собственного дома?

— Да... Пусть ребята там вдвоем... Ты не торопись? Может, пройдемся?

— Ладно. Но предлагаю перед прогулкой кофе.

— Идет.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Все-таки в первое попавшееся заведение мы не пошли. Димка настоял на том, что надо сделать кружок по бульвару. И хоть до смерти хотелось кофе, я согласился. На бульваре недавно постригли деревья, и они напоминали странные обрубки. Совсем стемнело.

Мы перешли Бульварное кольцо и пошли по Неглинной. Димка развлекал разговорами про Полукееву и Лебедева. Оказывается, она с первого курса сохла по нему, но Санек не обращал на нее внимание. Не вышла тогда Светка для него ни фигурой, ни лицом, ни семейной биографией. У Лебедева были другие ориентиры, никак не ниже длинноногих обеспеченных моделей, и чтобы родители с положением. Полукеева очень переживала, но отношения их не сдвигались с мертвой точки. Санек учился, Светка страдала. После института, отчаявшись дожидаться воплощения своей мечты, она вышла замуж за соседа, который к тому времени развелся с прежней супругой и вылечился от запойного пьянства. «Хороший парень, только немного тютя, вроде меня», — охарактеризовал его Торгованов. Умная и бойкая бывшая староста нашего курса быстро сориентировалась в меняющихся реалиях. Устроилась на работу в солидную фирму, обрела статус менеджера, получала очень неплохо. Санек же не особо вписался в жизнь, обеспеченная модель так и не замаячила на горизонте. Начал выпивать. Однажды они случайно столкнулись на Тверской. Через два часа уже были в постели. Светкин муж как раз тогда укатил куда-то на пару дней. Кажется, на охоту. Я делал вид, что мне все это интересно. На самом деле такие истории ничего, кроме приступов глубокой тоски, у меня не вызывают.

Когда мне совершенно расхотелось пить кофе, Торгованов потащил меня в кафешку. Нам подали что-то водянистое, теплое и горькое. Называлась жидкость латте с карамелью и орехами.

Недалеко от моего дома тоже есть клон этой кафешки (их по Москве тысячи), но я туда не хожу. У меня есть моя кофейня. Там Вика.

Помнит ли она об утреннем поцелуе?

Говорить нам стало не о чем. Димон загрустил, посмотрел на часы, прикидывая, все ли успели за это время страстные запоздалые любовники. Пора уходить.

Прощаясь, мы обнялись. Торопливо. Меня вдруг как пронзило, что я должен обязательно увидеть Вику. Наверное, это водка так действует.

Машину я поймал довольно быстро. В выходной день вечером Москва особая. Машин мало. Слава богу, что прохлада все-таки пришла. Хотя улицы и хранили запах жаркого дня. Но все же было свежо.

Я ехал, смотрел в окно, думал о Вике. Машинально потянулся к мобильному. Надо же, весь вечер его не доставал. Ого... сколько всего! Я пролистал смс и сообщения о звонках. Два неизвестных номера, два раза мать звонила, три рекламных смс, одна от приятеля работу предлагает, да уж... наверное, тоже в Интернет не заглядывал. Черт! Не хотелось думать ни о чем: ни о взрыве, ни о Брамборисе. Хотелось только Вику...

По пустому городу я добрался до цели меньше чем за двадцать минут.

Зашел в кофейню. Надо же... волновался. Ее не видно. Я сел за столик и решил позвонить матери. Что она звонила? Вдруг что-то случилось? Как ни странно, удалось дозвониться с первого раза.

— Алло!

— Мамуль, ты звонила? Я только что увидел звонок.

— Да. Звонила. Мне не понравился твой голос утром. У тебя все хорошо?

— Мама, ну как может быть все хорошо у человека, потерявшего в один миг такое количество хорошо знакомых людей? — почему-то не выдержал я. — Как может быть спокойный голос у того, о чьей смерти объявлено в новостях?

— Слава богу, что я всего этого не слышала. Ты же знаешь, у нас только два канала. Да я их и не смотрю.

— Могла бы посмотреть. Все-таки сына хоронят.

— Замолчи. Вечно ты со своими шуточками...

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

После смерти отца мы говорим с матерью на разных языках. Нет, мы не ссоримся, не скандалим... Просто разлетелись на разные орбиты. Я определенно волнуюсь за нее больше, чем она за меня. Не по времени, а по искренности. Хорошо, что «дядя Олег» все время с ней.

А вот и Виктория.

Сердце жалось. Как же я хотел ее увидеть. Она целый день на ногах, бедная... вот тоже работенка.

Вика подошла ко мне. Устало улыбнулась. Спросила, что принести. Через двадцать минут кофейня закрывалась.

Да, она, конечно, очень устала. И тащить девушку после работы гулять по ночной Москве, наверное, жестоко. Но она не отказалась.

Мы пошли в Замоскворечье. В начале Пятницкой масса всяких круглосуточных заведений.

— Ты есть хочешь?

— Можно, — ответила Вика. — За день, может, пару бутербродов жевала. Еще я выпила бы... Трудный был день.

Мы зашли в стейк-бар с вызывающим названием «Луизиана». Неплохо, довольно уютно. Стилизовано под салун, со вкусом. Салун так салун. Ковбойская жизнь так ковбойская жизнь.

Вика пристально изучала меню. Все в ней было естественно, просто и красиво. Словно жизнь давалась ей без всякого труда. Руки изящные, пальцы тонкие, без колец, только на шее тонкая переливающаяся цепочка из желтого золота. Серег тоже нет. Кажется, и уши не проколоты. Мы сели у окна; и фонари с Пятницкой мягко освещали асфальт по ту сторону стекла...

— Здесь блюда уж больно экзотические. Даже не поймешь, что выбрать. — Она отодвинула от себя весьма увесистую папку «Меню».

— Давай тогда сначала выберем, что будем пить, — я изображал из себя знатока московских ресторанов.

— Я буду виски с пепси-колой. Виски выберите сами.

Девчонка не промах. Разброс цен на виски гигантский, проверяет, щедрый я или жадный. Нет, скупость — это не про меня. Конечно,

виски. И конечно, самое дорогое. Только мне, разумеется, без колы.

После непростых переговоров с немного туповатым малым в черной майке с надписью «Луизиана» мы заказали по овощному салату и бифштексу «Убийца». Фирменное блюдо заведения.

Вика тянула виски через соломинку, по-детски вытянув губы.

— Думал, ты не согласишься пойти со мной.

— Почему? Что здесь такого?

— Наверное, за все время, что ты работаешь, достали с такими предложениями.

— Ну, было бы хуже, если б не доставали, — засмеялась Вика. — А с вами, то есть с тобой, пошла, потому ты мне нравишься.

Если девушка мне симпатична, хоть бы и самую малость, начинаю себя вести по-идиотски. И зачем я затеял этот разговор?

Мы выпили, чокнувшись, как полагается, глядя друг другу в глаза. Я долго держал взгляд, едва не пролил виски. Вика хихикнула.

В кафе зазвучал саксофон. Пожилой хмуроватый человек появился возле стойки и начал, раздувая щеки, выдувать из длинного металлического инструмента мелодию. Ну что ж, вполне романтично: летняя ночь, медленный джаз, красивая, волнующая девушка рядом.

Нам принесли салаты. В них, как водится, много всякой зелени и минимум овощей. Каждый зарабатывает как может — в этом вся суть моральной стороны капитализма. Я, кстати, давно уже понял, что мы живем на бумажном вулкане, который вот-вот провалится. Никто ничего не делает, только перегоняет по воздуху денежные массы. Товар — деньги — товар. Посадить и вырастить помидоры стало дороже, чем купить их на рынке. Кто же тогда их продает? Мне однажды рассказали забавную историю. На одном из московских шоссе в месте торговли проститутками; приехал дед лет семидесяти. Оплатил семь проституток за семь ночей. Девушки заволновались — решили, что дед посредник и передаст их «быкам», то есть тем, с кем ни за какие деньги они работать бы не стали. Однако ничего подобного не произошло. Дед привез их на дачу. Напоил, накормил,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

отпарил в бане. А потом они семь дней не разгибаясь пололи грядки на его огороде.

Вика ела с аппетитом. Очевидно, проблемы капитализма ее не никогда не волновали. У меня ни с того ни с сего разболелась голова. Глаза будто вот-вот выскочат из глазниц. И, как назло, никаких таблеток в кармане. Так всегда. Когда ничего не болит, лекарств с собой хоть отбавляй. Это как с зонтиком: взял зонт — таскай его без толку весь день, дождя не будет, а не взял... соответственно... Кстати, слово «соответственно» с детства вводило меня в транс. Я его слышал в основном в новостях спорта программы «Время». Причем употреблялось оно чаще всего в сообщениях о тех видах спорта, где советские атлеты не снискали себе мирового признания. Звучало это примерно так: «Первое место занял спортсмен из Швейцарии, советский финишировал двадцать восьмым». Я пробовал узнать у родителей, чему соответствует двадцать восьмое место, но ответа не получал.

Все эти воспоминания вкупе с омерзительной тяжестью в голове, вероятно, отразились на моей физиономии. Вика нахмурилась.

— Алло! Я здесь. Ты не забыл?

Сказано это было довольно зло, без улыбки и намека на иронию.

— Прости! Что-то голова разболелась. У тебя, кстати, таблетки никакой нет?

— Почему нет? У меня у самой голова часто болит.

Она суетливо стала рыться в сумочке. Поразительно, сколько предметов вмещается в женские сумочки. Начнут доставать — мало не покажется! Я много раз наблюдал — это жуть! Игорь Кио с зайцами из пустого цилиндра отдыхает.

Таблетка нашлась.

— Выпей! Мне всегда помогает.

— А ничего, что с алкоголем?

— Ну, ты же хочешь, чтоб у тебя голова прошла...

Поразительная девушка. Такое впечатление, что условности ее вообще не касаются. Все прямо и ясно: «ты мне нравишься», «ты же хочешь, чтоб у тебя голова прошла».

Я проглотил таблетку. Ощутил весь ее горький путь по лабиринтам организма. Запил виски.

Вика улыбнулась.

— Ты нереально веселый, чувачок! Тебе кто-нибудь говорил об этом?

— Про чувачка — нет.

Посетителей в «Луизиане» становилась меньше. В полупустых кафе люди должны себя чувствовать лучше. Чем больше людей собираются в одном месте, тем настороженнее относятся друг к другу.

Наконец показался официант.

— Вот и «Убийца». Красота-та какая! — обрадовалась Вика.

Два огромных куска мяса, пожаренного с кровью и плотски красного на вид. Правда «Убийца».

Голова прошла.

Саксофонист доиграл последний грустный пассаж, отклонялся и начал разбирать и складывать инструмент в футляр. Мы с Викторией пьянели. Я подошел к нему, чтобы попросить сыграть еще что-нибудь для нас. Он только устало улыбнулся и, отодвинув мою руку, зажавшую тысячную купюру, снова вернул инструменту звук.

Мы танцевали. Ее кисть легла в мою легко и доверчиво. Упругое тело покачивалось так мягко. И зачем тебе все это, Черепицын? Секс на одну ночь, чтобы отвлечься? Ты никому не нужен. И этой девушке тоже, ей просто хочется узнать тебя поближе. Музыка проливалась между столами, поднималась к потолку, опутывала нас, заставляла тела слипаться и понимать беспомощность каждого по отдельности — перед жизнью, городом, миром.

В памяти всплыло лицо Ирки, когда мы танцевали там, в «Карт-бланше», в ночь знакомства. Теперь нет ни Ирки, ни «Карт-бланша», ни прошлой жизни. Есть только Вика.

И мои губы так близко от ее лица.

* * *

Боже мой! Что это? Счастье? Или абсурд и горе? Пять дней назад должны были начаться месячные. Но они не начались. Да уж! Исключительно вовремя. Только я решила расстаться с Черепицыным — и вот тебе пожалуйста. Странно. Вроде

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

и предохранялись. Ладно, подождем, может, ложная тревога. На улице такая жара! Хорошо, что родители на даче. Правильно я сделала, что не поехала с ними. Там, конечно, хорошо: чаек с вареньем, качели во дворе, папой когда-то для меня сделанные, закаты, запахи, но... Родители так всю жизнь любили меня, что теперь требуют всего того же самого. Как объяснить людям, что мне душно и тесно с ними. Я их люблю, конечно, но постоянные претензии... я должна быть хорошей девочкой, всегда быть рядом, улыбаться и говорить то, что от меня хотят услышать. А им непременно нужно от меня что-то слышать. Постоянно просят, чтобы им что-то рассказывали. Хотят жить моей жизнью. И сколько ни объясняй им, что работа в турагентстве далека от сферы развлечений, — бесполезно. Вопросы «ну что нового?», «ну как на работе?» не прекращаются. Благо, они еще не проникли про мой закончившийся роман с Прохором. А то вообще покоя бы не было. С девятого класса, после с той истории с Родионом из параллельного, зареклась никогда ни с кем не делиться личным. Все испортят доброты и советы. Особенно мама со своими советами, охами и ахами. Стоп! Если я беременна, может, в Турцию тогда не лететь? Элька убьет меня. С ее работой так трудно отпуск взять... А тут я ее подведу. Она и так злится на меня. Считает, что увела у нее Прохора в караоке. Пусть считает, в конце концов.

Может, сходить за тестом? Чтобы уж знать наверняка. Подожду, да и жара на улице. Как все-таки хорошо, что родители на даче. Квартира пустая, делай что хочешь, спи, ходи голая. Обожаю, когда я одна... Прохор, наверное, с ума сходит. Ну и пусть. Гордый! Не позвонил, не написал, характер жуткий. И что, если ребенок в него пойдет? Так, стоп. Рано еще. Может, просто цикл сбился из-за жары. А если что, то и аборт можно сделать. Сейчас это просто: платишь деньги — и готово дело. Но с другой стороны, мне скоро двадцать пять. Пора уже. Из Прохора отец — так себе, правда. Но ничего, уж какой есть. Да нет, неплохой он парень, просто не то, что мне нужно. И вроде известный, и при деньгах, не

жадный, не глупый, не грубый. Если б мои девки из агентства узнали, что у меня с ним роман, обзавидовались бы. Чего хуже — мышьяк в чай бросили бы. Нет уж: меньше знают — крепче спят. Те еще змеи. Знала ли я, когда училась в музыкальном училище, что буду путевки продавать? Много ли заработаешь хормейстером? А тут все-таки зарплата неплохая. Да и чего говорить — огромного таланта по музыкальной части не было, чтобы биться за профессию.

А если все же залетела? Помирюсь с Прохором. Вот будет смешно, если он ребенка не захочет. Надо обследовать холодильник... так и есть: еды полно. Мама позаботилась. Ничего серьезного есть не хочется. А вот мюсли с холодным молочком в жару — что надо. Пока греется чайник, посижу в Интернете.

Я так и не научился говорить девушкам «поехали ко мне» или еще более дерзкое «куда едем: к тебе или ко мне?». Мне до сих пор кажется невероятным, что мужчина и женщина, еще совсем недавно незнакомые друг с другом, становятся близкими людьми, целуются, спят в одной постели. А как же ухаживания? А как же желание добиваться, трепет?

Вика танцевала легко и податливо. Она была послушна и всем телом искала защиты во мне. Я не думал, что такой страшный день мог завершиться чем-то хорошим.

Ситуация требовала поступка. Когда Вика удалилось в женскую комнату, я подозвал обслуживающего наш стол парня. Он сильно удивился моей просьбе, но исполнять бросился весьма прилежно.

В «Луизиане» посетителей, кроме нас, сейчас не было.

Спиртное не лезло.

Поразительно, но Вика совсем не выглядела уставшей, — и это после трудного рабочего дня.

Куда запропастился мой гонец? А вот и он. Идет к нам. Вика тянет виски. В руках парня огромный букет роз, который я попросил его купить. За «ноги» парень, само собой, получил от меня бонус.

Я картинно вручил цветы. Эффект удался. Она действительно не

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

ожидала этого. В ее глазах заблестели слезы.

— Спасибо тебе. Это чудесно.

Вика опустила лицо, потом потянулась ко мне и поцеловала в губы. Наш второй поцелуй.

Пятницкая — необычная улица.

Днем шумноватая и несколько несоразмерная, а ночью почти волшебная: фонари, тротуары, огни... Надо ли говорить «поехали ко мне»? Нет. Ни в коем случае...

А может, на этом все закончить?

Посадить ее в такси и отправить домой? Нет. А вдруг я ее больше не увижу?

Все эти страдания молодого Вертера я испытывал в зрелом возрасте на Пятницкой улице, будучи под ошутимым хмельком. Не верите? Ну и ладно.

Недалеко от метро «Новокузнецкая» мы нашли круглосуточный кафетерий. Народу не было, только один бедолага дремал в обнимку с бутылкой пива. По виду не бомж. Просто человек в затруднительном душевном положении. Летом таких по ночам в Москве много.

После роз и поцелуя игра между нами завершилась. Можно поговорить по душам, а не стремиться понравиться. Но для этого мне нужно что-то спросить...

Нам принесли латте в больших бумажных стаканах с крышками. Очень горячий.

— Ты где живешь? — начал я.

Вика расхохоталась в ответ.

— А тебе зачем? Хочешь проводить?

— Нет. Просто интересно.

— Не хочешь проводить?

Я сделал вид, что не услышал.

— Не обижайся. Я пошутила.

Лучше купи мне сигарет.

— Я думал, ты не куришь...

— Я и не курю. Так, балуюсь изредка...

— Какие ты куришь?

— Я же тебе сказала, что не курю. Возьми самые легкие...

Она действительно затягивалась очень неумело и быстро закашлялась, причем так сильно, что из глаз чуть не полились слезы.

— Ты, вероятно, хочешь, чтобы я рассказала о себе. Ты ведь

собираешься пригласить меня домой и переспать... Но боишься. Мы же почти незнакомы. Подолью, к примеру, снотворного в шампанского, обчищу квартиру и смоюсь.

Станный все же женщины народ. Конечно, они и прозорливее, и умнее нас, мужиков, но губит их абсолютная уверенность в том, что они правы и все знают. Это свойственно им всем, независимо от возраста, внешности, воспитания и житейских обстоятельств. Уж о чем я совершенно не думал, так это о том, что она мне сказала. Смешно. Нет, теперь уж точно призадумаясь. Я усмехнулся.

Вспомнилась история, которую рассказал достопочтимый мой «друг» Брамборис. Как-то раз пошел он на радиостанцию, где подхалтуривал, получить, как говорит мой сосед поэт Бабкин, свой «гонорарий». А в очереди в кассу с ним — красивая девка, раскованная, в одежде, просвечивающей все женские дела. Жена Брамбориса уехала нюхать одуванчики на дачу и ждала мужа к вечеру или, в крайнем случае, завтра утром. И Брамборис решил попытаться поймать «золотую рыбку». И она? Кто бы мог подумать, стала в эти коварные сети попадаться. Пошли они в один ресторан, во второй. Она ему на жизнь плачется, говорит, что в театральное провалилась. Мол, преподаватель — подлый профессоришка, предложил ей сразу в постель, а она, гордая, отказалось. И вот теперь надо ехать домой, в провинциальное городишко, а у нее даже чемодана нет. Брамборис хмелеет, жалеет ее, за ручку держит. Легко уступает просьбам купить чемодан. Одним словом, любовь с первого взгляда. И вот оказываются они в его временно ставшей холостяцкой квартире. Он уже с трудом борется со сном, но держится. Брамборис к ней, а она вдруг как заорет: «Прости, любимый, у меня месячные. В другой раз!» А какой другой раз? И выгнал ее вместе с чемоданом. А через месяц опять пришел за гонораром и услышал от товарища точно такую же историю. Только закончилась она по-другому: в чемодане вынесли все ценности из квартиры.

Вика между тем продолжала:

— Переспать я с тобой не против. Ты мне нравишься. Хотя нам и

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

не положено с клиентами, но с другой стороны, какой ты клиент? Сегодня клиент, а завтра нет...

— Что значит, сегодня клиент, а завтра нет? — перебил я.

— Не цепляйся к словам. Это наше, официанток... Ты не поймешь.

— Но все же?

— Это означает, что, когда ты в нашей кофейне сидишь один или с девками, нам нельзя с тобой никаких шуры-муры, а если мы после работы и ты не в кофейне, все запреты отменяются. Понятно теперь?

— Ну, в общих чертах.

— Кстати, ты сам-то где живешь?

— Здесь недалеко, — я махнул рукой в неопределенном направлении.

— Точно недалеко? А то я устану скоро. Но прежде, чем это произойдет и ты потащишь меня к себе, давай еще посидим вот так. Поговорим как влюбленные. Пожалуйста... Хочу сказку. У меня ее никогда не было.

— Не поверю, что в тебя никто не влюблялся и никогда не ухаживал.

— Там, где я родилась — городок маленький, в Кемеровском крае, тебе его название ничего не скажет — за девушками не ухаживают. Их и не целуют даже. Валят в постель, а потом замуж берут, как в плен. Я все детство мечтала оттуда вырваться, училась, приехала в Москву поступать...

— Только не говори, что в театральное... — Я чуть не поперхнулся.

— Нет. В МГУ. На журфак. Прошлым летом один балл не добрала, в этом три...

Да, точно. Она появилась в кофейне около года назад. Все сходится...

— В следующем, наверное, наберу еще меньше. Работаю много. Мы же на сдельщине. Хочешь кушать, подноси другим. Но все равно обратно не поеду. Как-нибудь, что-нибудь придумается. Я верю. Замуж пока не хочу, выйду только за того, кого полюблю. С мужчинами предпочитаю общаться только для здоровья, коротко и без последствий... А когда ты сегодня ко мне утром полез целоваться, прям что-то екнуло. Такой ты чудной, хоть и знаменитый.

Я обнял ее, нашел губы. Она ответила мне...

Потом мы говорили уже ни о чем. Я зачем-то пересказал ей историю Брамбориса с девушкой и чемоданом. Она отпарировала, что у нее тоже нет чемодана.

Наконец меня прорвало, и я выложил ей все про сегодняшний день, не касаясь, естественно, перипетий с Ирккой... Она несколько раз коснулась рукой моего лба.

— Можно спросить, что ты собираешься делать? Надо, чтобы из Сети убрали информацию о твоей смерти.

— Раньше завтрашнего дня этого все равно не сделаешь...

Я опять поцеловал ее.

* * *

Пока загружался компьютер, выполняя свои электронные кульбиты, зазвонил телефон. Может, не подходить? Эх, не сообразила, надо было трубку с собой взять, чтобы не бегать.

Я поплелась к телефону. По дороге один шлепанец слетел с ноги.

— Доченька, как ты там без нас? Покушала? Выспалась?

Пока живешь с родителями, они думают, что тебе не больше пяти лет и ты без них не в состоянии сделать ни шагу. Уйти, что ли от них жить к Прохору? Ребеночка ему родить. Завтра надо на что-то решиться, если этот дурачок сам мне не позвонит, объявлюсь, пожалуй. Совру, что забыла у него дорогую помаду. Я почти не слушала то, что мама говорила в трубку, и старалась отвечать предельно коротко. Ушло на все это минут десять.

Я залила молоком мюсли, сделала себе кофе. Солнце било прямо в окно, доставало до стола, стульев, моего лица, рвалось в коридор, в глубь квартиры.

В турецких отелях утром роскошные завтраки. Неужели не удастся вырваться с Элькой к морю? Послезавтра, мы договаривались, она заедет ко мне в агентство и привезет деньги. Отель-то я нам выбрала самый что ни на есть... Но если я беременна, в такую жару на море делать нечего... дело серьезное. Хотя еще ничего не подтвердилось. Пять дней всего задержка...

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

Да уж... Элька тогда в караоке этом на Прошку основательно глаз положила. Обычно у нее добыча не срывается. Она вообще такая: ухаживания принимать не любит, комплименты вообще ненавидит, мужиков выбирает сама и легко их добывается. Мужиков вообще добиться в наше время легко. Нет у них ни принципов, не верности, ни страха... А тем более таким, как Элька. Я ей уступаю внешне, это факт. Но Прохор почему-то выбрал меня.

В тот первый день он даже домой меня не проводил. Телефон взял, я и не думала, что позвонит. У таких, как он, от девиц нет отбоя. Это я уж потом поняла, что он чуть странный к женщинам. Не знает сам, что ему надо. То боязливый, то нагловатый. Будто что-то давит его изнутри... Но тогда, в первый раз, я обо всем этом и понятия не имела... Он позвонил мне на следующий день. Пригласил в ресторан поздно вечером. Я даже волновалась немного, пока собиралась. У меня тогда никакого настроения не было развлекаться. Я еще переживала из-за разрыва с Мишкой. Он давно назревал, хотя мы так долго встречались, еще с музучилища. Но про себя решила, что от ресторана дети не рождаются и почему бы вкусно не поесть, если есть возможность. Ресторан был итальянский. Высшего класса. И с того вечера началась наша любовь-морковь...

Я засыпала в тарелку еще мясли, подлила молочка. Вкуснота... Для фигуры, говорят, не очень. Но о фигуре я не беспокоюсь. Организм такой — не толстею. Хотя... скоро, может, и начну.

Хорошо, что отец повесил в квартире кондиционер. Просто блеск.

Когда же был тот раз без презерватива? В середине цикла или нет? Вспомнить бы... Надо в Интернете посмотреть, что про задержки пишут. Я вдруг представила, что будет с родителями, если беременность подтвердится. Они у меня старомодные... Без мужа! Забеременела. Ай-ой! Что скажут их друзья и родственники? Будет шок, слезы, потом мама тихо войдет в мою комнату, всхлипнет и произнесет сакраментальное: «Рожай, дочка, мы его вырастим».

В Интернете на запрос «задержка месячных» выскочила куча ссылок. Я кое-что прочитала. Могла бы и не читать. Все свелось к тому, что, «если задержка больше пяти дней, обратитесь к врачу гинекологу». А то я без них этого не знала.

Надо почту проверить... Если дома Интернет, то все время лезешь в ящик. Хоть и понимаешь, что если и есть письма, то только по работе. Черт. Опять этот придурок, что в прошлом месяце покупал у меня путевки в Египет. Такой страшный, прыщавый, зубы черные, прокуренные. Достал со своими признаниями. Опять стишки прислал. Не свои, естественно. Так... Новости! *«Взрыв в караоке-клубе «Карт-бланш». В результате взрыва погиб сын известного политика Матрасова»*. Боже, это же тот самый клуб, где мы познакомились с Прохором. *«...А также бывший ведущий шоу «Гном-5» Прохор Черепицын...»* Почему бывший? ЧТО???

На этот раз она оттолкнула меня.

— Ты вообще нормальный?

Вчера погибло столько твоих близких, тебя самого похоронили, а ты сидишь с малознакомой девкой и пристаешь к ней.

Тут я понял, что не вынесу этого. Слишком много для одного дня. Выслушивать чьи-то нотации — не хватит никаких сил.

— Ты в милиции был? Хоть кому-то сказал, что ты не умер? Люди ведь с ума могут сойти. Те, кто тебя знают или... любят.

— Послушай, девочка моя.

— Не твоя девочка.

— Послушай, девочка моя. — Я вдруг ощутил прилив невероятной отчаянной агрессии и мог бы даже ударить ее. — Я не люблю когда такие маленькие симпатичные штучки, как ты, повышают на меня голос. Звонил куда мог, матери сказал, друзья в курсе. А теперь давай сменим тему, или я поднимусь и уйду.

— Не пугай меня. У меня деньги на такси есть, на улице ночевать не останусь. Ты такой галантный! Просто впервые такого вижу!

Злые глаза. Девушка с характером. Ну пусть с ним и остается.

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

Я твердо решил уйти. Поднялся, сделал два шага и вдруг провалился в какую-то вязкую пустоту, вмиг разросшуюся из моего горла...

Первое, что я увидел, — рекламный плакат МТС. Он висел на стене кафешки, где мы сидели и где я грохнулся в обморок. Красивый такой плакатик, красочный. Тело не слушалось. Пахло нашатырем. Через секунду пришел страх: что со мной? Вокруг меня суетились Вика, официант и тот самый человек, дремавший в обнимку с пивной бутылкой.

— Прохор! Ты меня слышишь?

— Да.

— Ну слава богу.

Одним словом, ничего страшного со мной не случилось. Просто отключился.

Вика деловито сказала, что хоть она и не моя девочка и, видимо, сегодня в связи с состоянием моего здоровья ею не станет, но оставлять меня одного не намерена. Я ощущал себя, в целом, как обычно, только сильная слабость...

Узнав мой адрес, Вика поймала машину, села со мной на заднее сиденье, держала все время за руку, что, надо сказать, доставляло мне немалое удовольствие, и спрашивала, как я себя чувствую, наклоняясь довольно близко. Можно подумать, по-другому я не расслышу... Хорошо все-таки, что я подарил ей цветы.

В лифте она потрепала меня по щеке. Своеобразная девушка — ничего не скажешь...

Я сунул ключ в дверь.

— Черепицын! Сохраняйте спокойствие и не зажигайте свет.

Только этого еще не хватало. Грабитель в моей квартире... бежать некуда. Да и сил нет.

Вика вцепилась в мою руку.

Часть шестая

Директор сада Вернисаж Владимир Курганов в стенах прокуратуры оказался первый раз в жизни. Это понятно сразу: боязливый взгляд по сторонам, желание все делать очень четко, дабы ничего не нарушить и никого не разозлить, напряженная поза. Голикова смотрела на него доброжелательно, но без

улыбки. Ей пришлось надеть форму. Допрашивать свидетеля облаченной в легкомысленный наряд, в котором она выходила на улицу, нельзя. Сидящий перед ней должен чувствовать карающую руку закона. Такова психология обывателя. Для некоторых даже форма частного охранного предприятия с сомнительными, ничего не говорящими эмблемами — повод для благоговения и чуть ли не страха.

— Владимир Алексеевич, я предлагаю вам перестать нервничать, — начала разговор Голикова, — это вряд ли будет способствовать нашему общему делу. Ведь и вы, и мы заинтересованы в этом расследовании. Не так ли? — Голикова всегда помнила слова Островерцева о том, что нельзя давать понять свидетелю, что ему удастся легко уйти из стен прокуратуры. Говорить надо четко, неизменно с позиции силы. Волнение порой активизирует память.

— Конечно-конечно, но я, право, не убежден, что могу чем-то быть полезным. Для меня все это шок. Как и для всех, как и для всей страны... — Курганов достал платок, ему надо было вытереть пот со лба и чем-то занять руки.

— И все же попытайтесь вспомнить, не происходило ли в последние дни вокруг сада Вернисаж или внутри него чего-нибудь неординарного?

— Нет. Все шло обычно. Понимаете, сад — это огромное хозяйство, вход в него открыт для всех желающих. Поэтому везде камеры. И если происходит что-то подозрительное — охрана сразу вмешивается. Ну, я имею в виду пьяные драки и прочее.

Было заметно, что Курганов с большим пиететом относится к своей должности.

— Как вы можете объяснить тот факт, что все камеры оказались выключены в момент взрыва? — Лена не меняла тона — те же спокойные чеканные интонации, как шаг роты почетного караула. Вопрос был с умыслом, ведь, как только она вернулась в прокуратуру после встречи со Спиридоном, Астахов сказал ей, что все записи камер слежения просмотрены: как и следовало ожидать, в момент взрыва

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

они не работали. И самое интересное, что потом кто-то их опять включил. Астахов считал, что пролить свет на все эти, мягко говоря, странности, способен только начальник охраны. К нему он как раз тогда и собирался.

— Меня уже утром спрашивал что-то подобное ваш сотрудник. Кажется, он представился как Сергей Астахов. Я ему сказал, что не нахожу этому объяснения, а дежурный на пульте слежения вне зоны досягаемости. Телефон не отвечает. Все его ищут, но пока безрезультатно.

«Так. Вот ваш первый прокол, господин Курганов. Зафиксирую его для шефа. Ведь Астахов в момент беседы с директором, о которой упоминал на утреннем совещании, еще не знал, что камеры кто-то вырубил, когда, по всей видимости, в сад доставляли взрывчатку. Астахов только взял просматривать кассеты, о чем и сказал шефу, и мог только предполагать... А вы-то, господин Курганов, похоже, уже были в курсе, что камеры не работали. Так-так...»

— А почему на пульт слежения за камерами замкнут только один человек? Какой-то не очень профессиональный подход, вы не находите? Дело-то серьезное, обязательно нужна страховка.

— Так повелось. За это отвечает начальник охраны Сеницын. Он всегда настаивал, что камеры должен контролировать один человек. Всего их было семь. Это я о тех, кто контролировал камеры. Самих камер значительно больше, сами понимаете. Больше сорока. Дежурные работали посменно, раз в неделю, набирал их лично Сеницын. Я не вмешивался...

— А почему вы стали звонить именно дежурному, а не Сеницыну?

— Я не могу ответить на этот вопрос, тогда это мне казалось правильным.

«Опять не сходится что-то у вас, Курганов. Начальнику охраны вы, видимо, не очень-то доверяли. Сразу бросились звонить дежурному. Надо попросить Островерцева, чтобы дал разрешение на наблюдение за этим типом и на прослушку разговоров». Голикова поняла, что главное сейчас не передавать. Курганов вполне может быть соучастником.

— Вас можно понять... Но все же постарайтесь собраться. Ваши

показания могут быть очень важными. Очевидно, что преступники были в сговоре с сотрудниками сада. Что вы об этом думаете?

— Вы говорите мне странные вещи. — Курганов приосанился. — Никого из подчиненных я не могу подозревать. Коллектив у нас сложившийся. Работаем бок о бок не один год. Представить кого-то в роли соучастника не могу, а уж тем более показать на кого-то пальцем. А если я ошибаюсь — а человека в тюрьму?

— У вас, Владимир Алексеевич, превратное впечатление о нашей работе. По чьей-либо личной неприязни мы никого за решетку не отправляем. Мы вообще никого за решетку не отправляем, если уж на то пошло. Это прерогатива суда. Мы расследуем дело, опираясь на факты, показания и улики. И уж поверьте, чтобы кого-то подозревать, нам будет недостаточно лишь ваших слов. Просто вы знаете ситуацию изнутри, и ваши сведения могут быть одним из маленьких звеньев в общей картине преступления, которую мы непременно восстановим.

Курганов потупился.

— И все равно я не понимаю... Ведь, кроме администрации сада, на нашей территории полным-полно других организаций: и театры, и клубы, и рестораны. Почему соучастников надо искать среди наших сотрудников?

— Да не волнуйтесь вы так, Владимир Алексеевич, искать будем везде. Но и в администрации сада тоже. Так как же стало возможно блокировать камеры? Это может сделать один человек?

Курганов задумался.

— Я не специалист в этом деле. Наверное, все сейчас возможно.

— А где находится пульт слежения?

— В одной из комнат охранного подразделения. Ей-богу, мне сложно внедряться в технические вопросы. У охраны есть начальник, который знает все нюансы. Вам действительно лучше поговорить с ним.

— Поговорим. Не беспокойтесь. А где он, кстати, сейчас?

— Ну я же не слежу за ним, у него график...

— Вы что же, не пробовали с ним связаться?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Пробовал, но безуспешно. Вне зоны доступа. Могу вам дать его мобильный. Хотя для прокуратуры номера — не проблема.

— Не проблема. Но странно, что он не отвечает.

— Да, вы правы. Однако он, полагаю, сам вот-вот появится на работе. Происшествие обсуждается по всем телеканалам.

Произнес это, Курганов зашлялся. Лена даже подумала предложить ему воды. Не притворяется ли он? Вопрос о начальнике охраны чем-то неудобен ему. Надо обязательно сказать это Астахову. А пока...

— Сад когда-нибудь закрывался в рабочее время? Вы ведь уже знаете о том, что в момент взрыва на воротах висела табличка «Вход закрыт»? Кто-то закрыл сад и вывел из него всех посетителей в момент взрыва. Кроме тех, кто был в «Карт-бланше». Ни в ресторанах, ни в театрах, ни на территории людей не было.

— Я думал уже об этом. Это невозможно. Так просто это сделать нельзя. Часы работы строго регламентированы. Сад закрывается только в экстренных случаях специальным административным распоряжением — это куча бумаг и подписей. Уведомление арендаторов как минимум за неделю, большая бухгалтерская работа по расчету месячной арендной ставки и так далее. Да и как могла решить вопрос с посетителями табличка на воротах? Не пустить желающих войти — и только. Допустим, можно как-то и гуляющих направить к выходу. Но рестораны? Это же самостоятельный бизнес.

— Скажите, а где у вас дача? — спросила Лена.

— Это вам зачем?

— В гости к вам собралась.

— Шутите? — насторожился

Курганов.

— Нет, не шучу. Без ордера пока, не переживайте.

— На Рублевке. Построил давным-давно, еще до всего...

Когда за Кургановым захлопнулась дверь, Лена Голикова сразу же набрала кабинет Островерцева. Звонок в кабинет означал, что текст будет для высокого начальства. Она вкратце рассказала о своих впечатлениях от Курганова.

Сейчас — и в этом можно было не сомневаться — все их разговоры слушались. Петр Алексеевич спокойно сделал пару ничего не значащих замечаний. Главное они обсудят вечером. Там, где никому в голову не придет их слушать.

«Как, интересно, продвигаются поиски у Астахова? Синицын — фигура в этом деле ключевая. Удастся ли Сереже что-то из него вытащить и где он собирается его разыскать? Если он причастен, будет трудно, конечно. Такая операция не может планироваться за час. Все продумано. Да... а директор... все же скользкий тип. Похоже, рыло-то в пуху. Напрямую с бандитами связан вряд ли. Надо быть круглым дураком, чтобы так подставляться. А вот через пятых лиц его купить могли. Надо запросить досье. Покопаться в его прошлом. Не водилось ли за ним темных делишек? Не исключено, что и банально запугали. Это надо выяснить. Да, не напрасно он про тюрьму... понимает, что прямехонько пойдет за соучастие. Для таких страшнее тюрьмы ничего нет. Кто-то идет. Наверное, Серега».

Дверь в кабинет открыл Владимир Тимофеевич. Он вошел тихо, практически беззвучно. Такая уж у него была манера — никаких резких движений.

— Ну, как успехи, голубушка? —

— Допросила Курганова. Все как положено. Ничего особенного не видел, ничего подозрительного не происходило. А как вы со своим реалити-шоу? Там, говорят, оба ведущих погибли. Эти, как там их, Брамборис и Черепицын? — Фамилию «Черепицын» Лена произнесла так, будто с трудом вспомнила.

— Представь себе, оба живы.

Один из них недавно вышел из моего кабинета.

— Кто же именно?

— Брамборис.

— Да ну?

— Наплел много всякой чепухи.

Но все равно нужно весь этот бред проверить. Он еще и поддаты был крепко. Думал, заснет прямо у меня на стуле. Сообщил, что всех работников «Гнома-5» последний месяц забрасывали письмами с угрозами. И представляешь, этот аноним, по словам Брамбориса, обещал взорвать их. Именно «всем скопом», и именно в

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

«Карт-бланше». И только Черепицын таких писем не получал. Брамборис уж так бил себя в грудь, так уверял, что это дело рук Черепицына, что чуть зуб не вырвал и не выложил передо мной. Все-то у него сошлось: и писем Черепицын не получал с угрозами, и за двадцать минут до взрыва убежал из клуба.

Леночка слушала внимательно, несмотря на ироничный тон Тимофеича. Просто так он бы к ней не пришел. Значит, информация важная. Еще один поворот в деле? И опять Черепицын?

Прыгунов походил немного по кабинету и удалился, напевая себе под нос арию из оперетты «Сильва».

Надо собраться. На вечернем совещании в условленной кафешке Островерцев первым делом спросит ее. Сначала по свидетелям, потом личные ощущения. Он ей в этом доверяет. Вечером, конечно, можно еще потрясти этого собачника Спиридона. Но это уж так... Соломинка утопающего...

— Астахов выходит. Идет в сторону метро.

— Ведите его. Если надо будет задержать — задержите...

— В случае форс-мажора?

— Никакого форс-мажора! Все по плану. За что вам деньги платят?

В «Макодналдсе» народу было много, и задуманный как короткая передышка перекус затянулся почти на час. После гамбургеров в животе сытно потяжелело. Ну что ж, теперь за дело! Несмотря на то что Синицын продолжал держать мобильник выключенным, что-то подсказывало Сергею, что надо навестить его дома. Опера, дежурившие на месте взрыва, только что сообщили ему, что в саду главный блюститель порядка так и не появился и никому из сотрудников не давал о себе знать.

Астахов принципиально передвигался по городу на общественном транспорте. Зачем терять время в пробках? У него имелась не очень новая «девятка», но выезжал он на ней только в выходные или в праздники, и вовсе не по служебным поводам. Маму навестить,

с племяшами погулять и покатать их по первопрестольной. Неправда, что все сибиряки медлительные: Астахов прекрасно знал цену времени и считал его расчет правильный самым главным в профессии. Вот и сейчас он ехал в метро и читал отскерокопированное досье Синицына, которое еще утром захватил в прокуратуре.

За камеры наблюдения отвечал он, вот пусть и ответит... А заодно и куда делся дежурный пульта слежения. Кстати, имя у него уж больно экзотичное — Фрол Саулюс. Завтра объявим его в розыск. Может, получил деньги и где-то отдыхает, хотя, скорее всего, его уже грохнули, а тело на дне Москвы-реки гниет. Такой свидетель никому не нужен живым... Кроме следствия... А вот Синицын вполне может быть дома, вполне... Хотя... ну вот и проверю...

Астахов подъезжал к «Киевской» кольцевой. Вспомнилась давняя любовь — Анфиса. Их первое свидание, которое он назначил ей здесь, у глухой стены, там, где мозаичный Ленин лукаво смотрит на копошащихся в чреве подземки людей. Где она теперь? Так... прочь, посторонние мысли! Думать только о деле.

Астахов снова погрузился в досье Синицына. Он правильно охарактеризовал это сегодня утром: все будто в кино, будто срежиссировано, а потом кроваво воплощено в жизнь. И главное, что за цель у этого зверства? Бред какой-то... Ну, это уже Островерцев будет докапываться до сути. Мое дело — отработать свою следственную часть.

В досье Синицына ничего интересного не было. Да и вряд ли могло бы быть. У бывших гэбистов настоящие досье хранятся в других местах. По анкетным выходило: честный служака, звезд с неба не хватал, как рухнул СССР, сразу ушел в отставку, долгое время мыкался без работы на содержании у жены, потом жена его бросила. Спустя время работу нашел. И весьма непильную.

С фотографии глядел крепкий мужик с достаточно холодными глазами, раздвоенным подбородком, массивным, картошкой, носом. «Шестьдесят два года», — посчитал в уме его возраст Сергей.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Когда Астахов протискивался в вагон на «Киевской» радиальной Филевской линии, какой-то парень весьма нагло толкнул его вперед, чтобы успеть заскочить в уже закрывающиеся двери. А ведь он уже начал маневр к другому вагону, где, как ему виделось, народу чуть меньше. Какая наглость! Сергей развернулся, чтобы сказать ему пару ласковых или двинуть как следует, но увидел перед собой совершенно обескураженное, извиняющееся лицо. А на нем невероятное количество веснушек. Вид у парня был такой забавный, что Астахов внутренне усмехнулся: надо же, остались еще такие вот добрые, безобидные юнцы. Живут своей жизнью, спешат на работу, к любимым, а я еду не пойми к кому... Не такой я, как все. Может, поэтому Анфиса и не решилась жить со мной?

Парень прошел в конец вагона и пристроился около двери. Батюшки! А это кто? Астахов не поверил своим глазам: рядом с этим неуклюжим пареньком стояла знакомая ему коренастая фигура. «Не может быть... — Астахов засомневался. — Он или не он?» Сергей надвинул на брови бейсболку. Как хорошо, что он догадался ее надеть: есть возможность короткое время побыть неузнаваемым. А много времени и не надо... По поводу бейсболки Астахова просветил когда-то один футбольный фанат, которого ему пришлось допрашивать. Абсолютно, конечно, отмороженный парень. Он, нагло глядя ему, своему сверстнику, в глаза, сказал:

— Гражданин начальник, вы мне бейсболочку-то мою верните. Мне ее фанат «Челси» подарил, Джим. В курсе, зачем они бейсболки носят? Когда буржуйские супермаркеты громишь, там все камеры наблюдения сверху. Надвигаешь ее на глаза, и хрен тебя кто опознает...

Астахов встал так, чтобы разглядеть человека в отражении стекла... Так и есть... Амид Хумзаев собственной персоной! В белой рубашке, в галстуке, в темных ботинках. Похоже, сразу из офиса. «Что же произошло с тобой за это время, почему же ты, дорогой брат Амид, едешь на метро, да еще и по той линии, где живет начальник охраны сада, в котором рванули твой клуб? А

ведь договаривались, что будешь обо всем подозрительном сообщать мне?» Сергей занял довольно выигрышное для себя положение. Хумзаев никак не мог его увидеть, да и народу было полно. На «Кутузовской» Астахов на всякий случай перешел в соседний вагон, заняв там удобную диспозицию. Через стекло Хумзаев был виден как на ладони. А самому ему, похоже, было ни до чего — настолько озабоченным он выглядел. Астахов заметил, что руки у него подрагивают. «Так! При нашей недавней встрече он выглядел куда увереннее! Явно что-то произошло. Надо сказать, в метро он смотрится довольно чужеродно. Ведь человек он далеко не бедный: наверняка в распоряжении парк машин представительского класса и не один персональный вышколенный шофер. Однако, несмотря на это, томится в душном метро...»

На Филевской линии поезд довольно долго идет на открытом воздухе. В такую жару вагоны нагреваются моментально. После «Багратионовской», которая ассоциируется у москвичей уже больше доброго десятка лет не с именем мужественного грузинского князя, а с огромной ярмаркой электротехники, народ рассосался. Хумзаев сел на освободившееся место, посмотрел куда-то в сторону, после чего будто внутренне весь сжался, словно хотел защититься от чего-то. Несколько раз Амид доставал из кармана массивный мобильник, без всякого выражения смотрел на него и убирал обратно.

На станции будет трудно остаться незамеченным. Тут бейсболка не спасет. Ладно... чем черт не шутит?

В руках у Амида Хумзаева — увесистая барсетка. Что в ней? Деньги? Для кого? За что? Что-то слишком много вопросов... Едет расплатиться с Синицыным за услугу, за отключение камер. Скоро все выяснится. Правильно я сделал, что двинул по этому маршруту. Погнался за одним зайцем, а поймать могу даже двоих...

Ну вот и «Кунцевская». Лакец собирается выходить, кто бы мог подумать?

К счастью для Астахова, Хумзаев ни разу не оглянулся.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Походкой он напоминал крепко поддавшего и занемогшего в жару человека. Дагестанец поднялся по лестнице. Астахов — на солидном расстоянии за ним. «Если обернется, сделаю вид, что завязываю шнурок».

Хумзаев помедлил на пятачке около павильона станции: в ларьке купил банку фанты и залпом, закинув голову, ее выпил. «Не исключено, что он занимался борьбой. Ноги ставит широко, плечи развиты». Астахов делал вид, что ожидает кого-то, пристально вглядываясь в лица встреченных, а сам ни на секунду не выпускал из поля зрения объект. Амид же опять повертел в руках мобильный телефон, двинулся к проезжей части и поднял руку. Почти мгновенно около него затормозила задрипанная «девятка». Хумзаев нагнулся, что-то сказал водителю и сел на заднее сиденье.

Как только машина отъехала, Сергей проделал то же самое, что и совладелец взорванного караоке-клуба. Слава богу, в этом районе и в этот час с частниками, сшибающими свои законные рубли извозом, недостатка не возникало. Есть спрос, будут и предложения. Астахов сговорился по деньгам с «бомбилкой» и наказал ему неотступно следовать за указанным автомобилем. Шофер понимая кивнул.

Скрытая погоня продолжалась недолго. Обе машины вскоре затормозили около небольшого квартала, состоявшего из нескольких добротных кирпичных домов. В народе это место с советских времен прозвали «Царским селом». Здесь селились не случайные люди, а так называемая номенклатура. Именно здесь и проживал гражданин с безобидной фамилией Синицын, встреча с которым сейчас была нужна двум людям.

В руке у Хумзаева снова заблестел мобильник, и он в который раз весьма отрешенно посмотрел на него. Сомнений не было, он ждал какого-то звонка.

«Что ты маешься, брат Амид? Иди же скорее, куда шел. Не томи душу!» Астахов понимал, что на открытой площадке между домами, где кроме него и Хумзаева — всего одна женщина с коляской, ему остаться незамеченным нереально. Рано или

поздно Амид его вычислит. Во избежание такого поворота Сергей решил пока не выходить из машины, устроив в ней своеобразный наблюдательный пункт. Шофер, к счастью, не торопил, видимо, проникшись азартом слежки, и терпеливо ждал вместе с Астаховым.

«Опять полез в карман. Так! Ну наконец-то ты дождался заветного звонка. Да, и я вместе с тобой...» Хумзаев сказал в трубку несколько слов и куда-то быстро пошел.

Астахов спешно начал дергать ручку двери, чтобы бежать за ним, но шофер его остановил. Черт... Сергей судорожно полез в карман, сунул ему обещанную пятисотку и выскочил из машины, забыв в ней свою спасительную бейсболку.

— Ну хватит тебе рыдать, дуреха. — Прыгунов слушал в трубку счастливые всхлипывания внучки и сам готов был разрыдаться. Его обожаемая Машка была на седьмом небе от счастья: Прохор Черепицын жив — дед только что ей об этом сказал. «Мол, пляши, Машка!» — а она разревелась.

— Это ведь ты его спас? — Она в свои десять все-таки была ребенком.

— Конечно, я! — Детям врать не хорошо, но часто приходится.

— И что с ним? — все еще всхлипывала внучка.

— Да не реви ты! А то ничего не расскажу...

— Хорошо-хорошо, — просопела она в трубку. — Больше не буду.

— Прохор твой жив-здоров.

Умирать не собирается, чтобы не расстраивать таких вот глупышек.

— А его будут опять показывать по телевизору?

— А как же! Куда они денутся?

— И «Гном-5» опять откроют?

— Откроют, дорогая. Конечно, откроют. Или что-нибудь другое придумают. Никак без Черепицына твоего не обойдутся.

Рыдания на том конце трубки окончательно утихли.

— Скажи, милая, а папа далеко?

— Рядом. Сейчас я его позову...

Деда, — всхлипнула напоследок Маша, — а можно мне будет с ним познакомиться?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Конечно, моя хорошая, — успокоил внучку Тимофеич. — Уж мне он никак не откажет. Познакомлю. Обещаю.

Трубку взял сын Прыгунова.

— Спасибо тебе, батя, за Машку. Как же мы с Людой перепугались за нее. Сам знаешь, какая она впечатлительная.

— Знаю, конечно. Моя же внучка. Послушай... — помедлив, продолжил Тимофеич. — Как твоя машина? На ходу?

— На ходу, а что? — В голосе Прыгунова-младшего поубавилось благодарной бодрости.

— Да нужно мне съездить в одно место. Своим ходом трудно будет по такой жаре. Что-то сердце покалывает... Может, свозишь меня? Обратно я уж как-нибудь сам.

— Может, ты такси возьмешь? А то в такую жару неохота вылезать.

— Да деньги я как назло оставил в пиджаке.

— Займи у кого-нибудь. Потом компенсирую, обещаю...

— Пожалуй, ты прав. Так и сделаю...

В очередной раз Владимир Тимофеевич Прыгунов понял, что сына он воспитал неважно. Хотя он его и не воспитывал толком. До воспитания ли, когда на работе приходилось дневать и ночевать. В итоге носились с ним бабушки, разные тетки, иные родственники, а пацаны — народ хитрый, быстро понимают, что к чему и как свою детскую выгоду поймать. Его жена, Клавдия, рожала тяжело, после нескольких выкидышей, вот и готовы они были всей семьей с Димкой пылинки сдувать. Давно это было... Другая жизнь, другая страна. Слава богу, встретился на его пути Островерцев. А то торчал бы он сейчас на пенсии, выращивал огурцы с петрушкой на грядках и клял свою судьбу. Его ровесники наперебой жаловались на жизнь, ругали власть и все, что можно ругать. В душе, конечно, он был с этим согласен, но в то же время их пустая стариковская болтовня и апатия раздражали.

Снова зазвонил телефон.

— Бать, а куда тебе ехать-то?

— На Хорошевскую улицу. Там этот телеканал находится, на котором Черепицын обретался. Т1.

— Тебе это по работе?

— Чудной ты. Чего бы я по своей надобности туда поперся?

— Я тебя отвезу. Как подъеду к генеральной позвоню.

«И все же Димка хороший у меня. В выходной вырваться от семьи сложно. Тем более Люда вряд ли в восторге от этого. Наверное, пилит его сейчас всюю. А он молодец. Мужик».

Несмотря на все усилия Владимира Тимофеевича и его жены Клавдии, сблизиться с невесткой у них не получалось. Людмила не жаловала родителей мужа. История вполне обычная, но всякий раз очень болезненная. Усугубляло ситуацию то, что Машка больше всех на свете любила деда с бабкой, вызывая материну ревность. Машка в детстве очень болела, ей ставили диагнозы один страшнее другого, потом все обошлось, но след тянулся. Машку нельзя было расстраивать, необходимо было потакать всем ее капризам, не наказывать ни за что. В этом родственники словно соревновались друг с другом...

В ожидании сына Тимофеич заварил себе чайку, как он любил с давних пор, покрепче, прямо в кружку. Кружка, между прочим, стала его талисманом. Он принес ее с собой в первый день работы в прокуратуре. И с тех пор она так и служила ему верой и правдой. Нигде ни трещины, ни царапинки. Сколько же чая из нее выпито следователем Владимиром Прыгуновым?

* * *

Писатель никогда не читал и не смотрел телевизор лежа. Спальня — это спальня. В ней нужно спать. Он особо указывал домработнице, как содержать спальню в чистоте, сколько раз проветривать и как застилать постель. В столовой тоже никаких других дел, кроме еды, строгая сервировка, неизменно кипенно-крахмальная скатерть. Порядок, раз и навсегда заведенный режим спасали его от хаоса мира. Завтрак, обед и ужин в одно и то же время. А в остальном — мысли, одиночество. Редкие встречи с людьми радовали его все меньше. С каждым днем крепла уверенность, что ничего нового в жизни он не способен испытать. Сегодня

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

после завтрака он долго читал, читал свои книги, так внимательно, будто не вполне помнил, что он сам написал. Потом оглядывал их бережно, поглаживая корешки. Пора бы обедать. Но аппетит еще не разыгрался. Жарко!

Писатель взялся за пульт и включил телевизор. Новости он любил смотреть днем. Там можно было выловить информацию, которая потом исчезала из вечерних выпусков. Во весь экран показывали сад Вернисаж. Развернутый профессиональный репортаж о взрыве и гибели почти всех сотрудников бывшего шоу «Гнома-5» и сына Арнольда Матрасова.

Писатель смотрел в экран так, будто увидел там свою смерть.

Реалити-шоу на нашем телеэкране появились лет десять тому назад. В то время, когда облик телевидения стремительно менялся. Знаменитый анекдот о переключение программ в момент идущей по всем каналам программы «Время» и ответа «я тебе попереключаю» терял свою актуальность. Теперь везде и всегда шло разное. Однако далеко не все догадывались, что у этого разного есть и что-то очень общее. Новые властители дум, хозяева мыслей граждан «свободной страны», равно как и телеэкрана, выдохлись по части собственной фантазии весьма скоро. Поэтому уже к середине девяностых подавляющее большинство программ потеряли «местный розлив». Идеи и форматы покупались на Западе, коррелировались под нашу действительность — и готово дело. Никакого ума не нужно. Оплатил формат — и забыл про муки творчества. А зачем оно, когда «все до нас придумано»? Как говорится, из шашек в дамки. Отечественный российский человек тогда еще не выезжал в таких количествах за границу — удовольствие дорогое и мало кому доступное, а значит, не мог понять, что все, что показывают нам в телевизоре, — вторичный продукт, сделанный под копируку с западных программ. Сначала первенство по части рейтингов уверенно держали телевизионные игры, со временем на первый план выдвинулись разнообразные реалити-шоу. Каждый телеканал считал необходимым иметь

свое реалити-шоу. «Гном» был эксклюзивным проектом, самым первым, самым дорогостоящим и самым долгим. После информации о том, что в «Гноме» объявят имя преемника, интерес к программе подскочил до небес, рейтинги и цена рекламы чуть ли не каждый день били рекордные цифры. Когда обещанного не произошло (а ничего конкретного никто конкретный и не обещал) и информация появилась в тех источниках, в которых ей и положено было появиться, серьезным и разбирающимся в телебизнесе людям стало очевидно, что шоу скоро накроется медным тазом.

Владимир Прыгунов «Гном», конечно, не смотрел. Предположить, что это понадобится ему по службе, не приходило в голову. Но, проанализировав все, что успел почерпнуть из Интернета, нарисовал для себя весьма подробную картину того антуража, на фоне которого ему предстояло докапываться до правды. Простая логика подсказывала, что надо найти ответы на два вопроса. Первый: могли ли быть сотрудники шоу, почти в полном составе — а в клубе их погибло 32 человека, — объектом теракта в саду Вернисаж? Второй: можно ли верить Тимофею Брамборису? Но из опыта Тимофеич знал: чем больше даже самых малозначительных фактов о предмете, интересующем следствие, сможешь удержать в голове, тем быстрее решишь поставленную задачу. Только Интернетом ограничиваться — дилетантство. Надо ехать на канал и там, в ближнем бою, выуживать ту информацию, что не предназначена для широкой публики, а тем более для следствия. С сердцем у него было все порядке. Димка ему понадобился для того, чтобы понять, есть ли за ним хвост. Таксиста у прокуратуры поймать, конечно, можно... но мало ли что. С сыном надежнее, не надо объяснять, зачем нужно сделать парутройку проверочных маневров. Может, поэтому Димка и вырос таким, что отец всегда работу ставил выше даже самых близких? Хотя не стоит на него наговаривать... нормальный парень. У всех свои минусы. Ну не помчится он по первому зову отца на край света, зато честный, трудолюбивый, заботливый семьянин. Вся эта

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

риторика о служении Отечеству, о высоких целях его не шибко затрагивала даже в светлые годы юности, а тем более сейчас: «Моя хата с краю», — кудая как более понятный принцип. И не край важнее, а хата...

Звонок! Димка уже приехал.

Из-за угла дома Сергей Астахов увидел, что Амид вошел в подъезд. Он пулей побежал за ним! В мгновение проскочил необходимое расстояние, но как справиться с кодовым замком? Астахов взглянул на номера квартир. Так! Было бы странным, если бы это не оказался подъезд Синицына. Ну что ж, все сходится! Нечего раздумывать, надо звонить прямо в квартиру.

Открыли сразу, будто дежурили у двери. Ощущение, что гостей там ждали. Астахов двигался как можно тише, прислушиваясь к каждому шороху, всматриваясь в полумрак.

В подъезде после яркого солнца казалось очень темно. Лифт поднимался, шагов в подъезде не было слышно. Значит, Хумзаев в лифте.

Сергей прикинул, что квартира Синицына должна располагаться на пятом этаже. Перепрыгивая по три-четыре ступеньки, Астахов бежал вверх. Такого забега в его жизни еще не было. На пролете перед пятым этажом его сердце прыгало, как на батуте. На площадке он остановился, чтобы отдышаться. Пришлось зажать руками рот, дыхание вырывалось из груди практически с хрипом. Дверь лифта захлопнулась. Каблуки Хумзаева отчетливо застучали по кафельному полу. На больших лестницах всегда отличная акустика. Пусть Амид дойдет до цели первым, а мы уж посмотрим, что к чему...

Астахов затаился. Только бы никто из жильцов не вышел из соседних квартир.

Между тем Амид Хумзаев настойчиво жал на кнопку звонка. Ему не открывали. Отчаявшись, он стал колотить в дверь кулаком. «Странно, что по домофону впустили почти мгновенно, а теперь медлят». Тело Астахова напоминало сжатую до предела пружину.

Через непродолжительное время Хумзаеву надоело стучать. Все звуки прекратились, но Астахов все же

услышал легкий скрип. Видимо, дверь была открыта. Резко, как кошка, он бросился к двери. В это время из-за образовавшегося сквозняка эта самая дверь громко хлопнула. Дагестанец, входя, не прикрыл ее.

Астахов прижался спиной к стене, так, чтобы контролировать все пространство и застать выходящего из жилища врасплох. Несмотря на звукоизоляцию, Астахов слышал, как каблуки Хумзаева постукивают по полу квартиры бывшего майора Синицына. Туда-сюда, туда-сюда, то медленнее, то быстрее...

«Неужели там никого нет?» Размышления Сергея прервала возня Хумзаева с замком. «Как же так? В квартире никого? Кто открыл дверь по домофону? Чертовщина какая-то!» Как только Амид вышел, Астахов резко окликнул его:

— Хумзаев, дальше ни шагу!

Дагестанец вздрогнул всем телом.

— К стене, ноги шире...

Астахову нужно было убедиться, что у Хумзаева нет ствола.

— Ах ты сволочь! — Амид кинулся на Астахова. — Где моя дочь? Мразь! Убью тебя!

Волосатые кисти Хумзаева сжали горло Сергея, и тому пришлось сильно ударить его ребром ладони по шее, а ногой в голень. Дагестанец согнулся от боли, Астахов недолго думая добавил ему кулаком в солнечное сплетение. Амид упал и потерял сознание.

«Ничего... скоро должен очнуться. Что вообще творится? При чем тут его дочь?»

Астахов поздно заметил, что дверь квартиры Синицына снова открылась. Дальше он ощутил лишь глухой удар по голове, а потом пустота и ощущение невыносимой тяжести собственного тела...

Дмитрий Прыгунов водил машину хорошо. Правил никогда не нарушал, не лихачил, был аккуратен и даже зануден в своей правильности. За рулем мог говорить только о том, что этот баран не включил поворотник, а тот — повернул не с того ряда. Особенно сильно проклинал дам и молоденьких девушек, которым, по его мнению, «мужья или любовники купили

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

машину, а мозги купить забыли». Так он отыгрывался за свой подкаблучный характер в семье. Людмила полностью держала все семейные нити в руках и только в автомобильную судьбу супруга дальновидно не вмешивалась, полагая, что перегибать палку не стоит: должно же быть у мужика что-то свое — пусть лучше по машинам с ума сходит, чем по бабам.

Хвост Тимофеич заметил сразу. «Кто бы это мог быть? Служба собственной безопасности? Начальство подстраховывается и следит, чтобы следователи не нарыли того, что не нужно? Может быть... Может быть... Хотя у них репутация самой покладистой бригады. Островцев долго ее зарабатывал. Кто же? Другая сторона? Те, кто взорвал «Карт-бланш»? Ну это уж совсем маловероятно. Такое только в книгах да в фильмах практикуется. Ладно, пусть покатаются. Авось, утомятся».

Димка по дороге традиционно ворчал. Тимофеич слушал вполуха. Когда доехали до места, сын, пожимая морщинистую отцовскую руку, сказал:

— Ну, бывай, батя. И вот что... ты уж Машку не обмани. Познакомь с этим чертовым Черепицыным.

Прыгунов-старший давно заметил, что сынок с маниакальной настойчивостью вбивает себе в голову, что все, включая и родственников, и знакомых, и одноклассников, и дворовых ребятшек, только и думают о том, как бы обидеть его дочь. Это одна из форм любви в современном мире... Мнительность, замешанная на страхе рано или поздно потерять контроль над дитятей. Такая любовь когда-нибудь вызовет у Машки протест.

На стоянке возле многоэтажного здания, где в советские времена размещался один весьма секретный НИИ, несмотря на выходной, было припарковано в ряд довольно много дорогих машин, у входа — курильщицы. В наше время курящих женщин едва ли не больше, чем курящих мужчин. Начальство запрещает дымить в офисах, приходится выходить на улицу, и перекур затягивается. За болтовней время летит незаметно. Где одна сигарета, там и другая, где одно

праздное словечко, там и целая история...

— Какой ужас... Ведь мы тоже в этот «Карт-бланш» ходили... Там так пафосно было. Невозможно поверить, что ребят больше нет. Как же их похоронят? А для родственников — представь какой ужас...

— Да. Все до одного погибли... Вот и отметили, называется, коллективное увольнение. В голове просто не укладывается... Все... Все погибли.

— Ой, и не говори... Чтобы все это переварить, нужно время. Просто как снег на голову. В страшном сне не приснится. Кстати, сегодня-то что произошло...

— Что?

— Новая секретарша шефа... Половина силикона...

— Что она? Кстати, голос у нее мерзкий. Как с таким голосом вообще на секретарскую работу взяли?

Девушка усмехнулась.

— Ну ты скажешь тоже... При чем тут голос? Как Сонька Петрова говорит, двадцать пять девок пережили, и двадцать шестую переживем.

— Это она про нее?

— Да нет, давно когда-то сказала...

— Ну так и что секретарша?

— Что секретарша? В общем, сегодня первый день на работе, вся из себя фифа суринамская. В офис звонят. Она поднимает трубку, а там: «Добрый день. Это Прохор Черепицын».

— Да ты что?

— Да. Секретарша вся от злости покраснела. Наверное, подумала, что это кто-то из нас. Типа издеваемся над ней.

— Хм. Хороша издевка, ничего не скажешь.

— Ага. Тем более мужским-то голосом.

Курильщицы переглянулись.

— Секретарша с головой явно не дружит. А вообще жутко...

— Проща на том свете, а от его имени кто-то звонит... Ни стыда у людей, ни совести.

Дамы выкинули в урну окурки.

— Ну что? Пошли! А то с этими переменами и за перекур уволят в два счета.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Тимофеич, все это время стоявший неподалеку и делавший вид, что ищет в карманах пропуск, пошел вслед за ними.

«Не самое убедительное, конечно, доказательство, но похоже, в той части, что Прохор Черепицын жив, Брамборис не врал. Это и так было понятно. Слишком уж бессмысленна такая ложь... Но все же... Значит, Прохор звонил на канал. Зачем? Почему он не смог убедить секретаршу, что жив? Не очень хотел? Что-то помешало ему? Может быть, он сейчас сам себе не хозяин и кто-то руководит его поступками? Ведь не зная его голоса она не могла, даже и работая на канале первый день. Его голос надоед до коллик всей стране. И все же это хорошо. А то как бы я потом с Машкой объяснялся?»

На вахте дежурили бравые молодцы. Один из них, скорее всего, старший смены, по всему видно, очень гордился своей осанкой, усами, форменным беретом. Он строго оглядел пожилого мужчину, явно не имеющего пропуска.

— Без пропуска нельзя. Если забыли, звоните туда, куда идете, и пусть вам вынесут разовый.

Прокурорское удостоверение действовало моментально. Усатый изменился в лице, строгость куда-то испарилась, губы растянулись в улыбке, а глаз заговорщицки подмигнул. Еще чуть-чуть, и служака встал бы по стойке смирно.

Офис Т1 занимал несколько этажей. Все здесь было обустроено с размахом. Типично офисная девица уже от лифта окинула Прыгунова цепким взглядом. В ее функции, похоже, входило не спрашивать, кто куда идет, а только смотреть и оценивать входящих по своей зашпорирующей шкале. Немолодой следователь высокой оценки явно не заслужил. Во взгляде дивы сквозило легкое презрение, смешанное с разочарованием. По коридорам быстро передвигались какие-то люди, разговаривая по мобильным телефонам. Не телевидение, а прямо биржа какая-то. Стены, пол, светильники — все в стиле современного дорогого офиса.

У одного из пробегающих по коридору юношей Прыгунов

поинтересовался, как найти директора. Тот чуть удивленно посмотрел на него и махнул рукой в конец коридора.

Приемная директора Т1 Павла Петровича Аскользина была типичной приемной большого начальника, придающего огромное значение своему статусу или уверяющего всех, что он придает этому значение. Несколько секретарш, ковры, столы для посетителей, которые могут дожидаться высочайшей аудиенции за чашечкой скверного кофе.

«Любопытно, к какой из них подходит определение «половина силикона». Тимофеич быстро изучил девиц, уставившихся в мониторы своих компьютеров. «Пожалуй что ко всем. Но только одной из них звонил некто, представившийся Черепицыным. Будем пока говорить об этом так. Хотя, по всей видимости, это сам Прохор и был. Просто хотел сообщить на канал, что информация о его смерти преждевременна. Выходит, доказать, что ты жив не так уж просто».

В приемной Тимофеич не задержался ни на минуту. Ничего не спрашивая и не обращая никакого внимания на секретарш, он прошел прямо к большой двери, обитой мягкой, судя по всему дорогой, кожей. Девушки первую секунду застыли от ужаса, потом затягивали одна за другой:

— Вы куда?

— Павел Петрович занят!

— Это сумасшедший какой-то...

Тимофеич развернулся —

скорее, чтобы показать уже раскрытое удостоверение в руках, нежели что-то сказать в ответ на оскорбление.

— Занят? Мне это не важно.

Главное, что он на месте.

— Мы должны доложить о вас, так не положено...

Прыгунов открыл дверь в кабинет Аскользину.

Павел Петрович Аскользин весил больше ста пятидесяти килограммов. Для него по заказу изготовили специальное кресло, чтобы дражайшее тело чувствовало себя комфортно. Однако в такую жару и при сложившихся обстоятельствах о комфорте можно было забыть. Жара доканывала директора одного из самых крупных развлекательных телеканалов страны. Проблемы сыпались на блестящую лысеющую

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

голову Павла Аскользина одна за другой, да еще в такую погоду. Сначала перекупили канал. Появились новые хозяева. Потом закрылось самое рейтинговое реалити-шоу. Вчера этот чудовищный взрыв! И вот, пожалуйста: визит следователя прокуратуры, который довершил весь этот хаос, обрушившийся на вполне уважаемого человека, намеревавшегося еще пяток лет активно заниматься телевидением, а уж потом уйти на покой. Сколько теперь он продержится? А ведь было время, коллеги шутили по его поводу: такого, мол, уволить невозможно. Сядет в кабинете и выходить откажется. Сто пятьдесят килограммов без согласия вытащить сложно. Аскользину пересказывали все шутки по поводу его веса, но он не сердился. В них всегда сквозил оттенок уважения. Он действительно был одним из самых старых телевизионных монстров. Был! До недавнего времени...

— Вы, наверное, догадываетесь, почему я к вам пришел? — Тимофеичу Аскользин, как ни странно, понравился. В его глазах таилось что-то человеческое. Старая чиновничья школа — никогда не переходить черту в отношениях с людьми, держаться ровно, ни в коем случае не надменно, потому что пренебрежение когда-нибудь обязательно больно ударит по тебе же самому...

— Да уж догадываюсь. Вы что-нибудь хотите? Чай, кофе, минералку?

— От чая не откажусь...

Аскользин нажал какую-то кнопку.

— Верочка, один чай и мне минералки побольше.

Павел Петрович внимательно посмотрел на Тимофеича.

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что вы у нас по поводу «Гнома-5»? — В голосе Аскользина сквозила неподдельная усталость.

— Совершенно точно, — кивнул Прыгунов.

— Я сейчас вызову одного из исполнительных директоров, который курировал этот проект, и он вам во всех подробностях все опишет, даст все бумаги, документацию... Жаль, вы не предупредили о своем визите. Мы бы все заранее приготовили.

— Бумаги не помешают. Но мне бы обсудить кое-что лично с вами. Жизнь не в одних бумагах, так ведь?

— Пожалуй.

— И считайте мой визит, скажем так, полуофициальным.

— С вашим удостоверением вы можете ваш визит обозначать как угодно. Не обижайтесь, если буду не очень хорошим собеседником. У меня уже голова кругом от всей этой истории. Телефон не умолкает.

Одна из секретарш принесла на красивом небольшом подносе чай, воду, маленький кувшинчик молока. Тимофеич предположил, что это и есть «половина силикона». Губы девицы были неестественно пухлыми, а декольте довольно смело приоткрывало противоречащие общей худобе фигуры пышные груди.

— Не соединяйте меня ни с кем и найдите мне Григорьева срочно. По телефону сначала.

— Мы с вами, Павел Петрович, вероятно, ровесники, поэтому позвольте мне обойтись без обычных прокурорских прелюдий. — Тимофеич потрогал чашку, отдернул руку. Чай был слишком горяч.

— Ради бога, это только к лучшему. В последние дни много пришлось пережить, и со мной можно уже говорить безо всяких... — Аскользин устало откинулся в свое специальное кресло, потом вернулся в прежнее положение с таким видом, словно, облачиваясь, на что-то наткнулся, взял запотевшую бутылку «Нарзана», приложил ее сначала к щеке, затем ко лбу и наконец жадно припал к горлышку, решив обойтись без стакана.

— У меня гипертония, вы уж меня простите. Сейчас, думаю, верхнее за двести подскочило. При такой погоде да при таких обстоятельствах тяжело мне.

— Вы не шутите с этим, примите лекарство. Я подожду. Не переживайте, сбейте давление.

Аскользин вынул из внутреннего кармана полоску таблеток. Выдавил одну из тугой фольги и положил в рот.

— Почему закрыли шоу «Гном-5»?

— Я бы сам хотел знать ответ на этот вопрос...

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Да? Согласитесь, что от директора телеканала слышать это чудно.

— В наше время директор телеканала лишь выполняет требования акционеров.

— Вам приказали закрыть реалити-шоу акционеры?

— Да.

— Это, насколько я знаю, новые акционеры. Они вам что-то объяснили?

— Официальная формулировка, известная всем: шоу не отвечает новой информационной политике страны, разлагающе действует на молодежь, не соответствует... нет, сейчас не вспомню уже чему. Одним словом, обычный в таких случаях бред... А там — понимайте как хотите.

— А какова, на ваш взгляд, подлинная причина закрытия «Гнома»?

— Вы заставляете меня заниматься опасными домыслами. Я не должен вообще об этом думать. Вы же понимаете, до чего в результате можно додуматься.

— Понимаю, конечно. Но вы ведь думаете об этом, а, Павел Петрович?

— Мне сдается, что за новыми акционерами стоит некто могущественный или могущественные. Вот все, что я пока могу вам сказать. Да это и всем очевидно, кто следил за историей по перепродаже канала от начала до конца. Это единственный неоспоримый факт. Но для этого мои показания и не нужны. Все прозрачно.

— Давайте откровенно! Вы воспринимаете это как выпад против вас? Ведь всем известно ваше трепетное отношение именно к этому проекту. Те, кто работал на нем, имели на канале самое привилегированное положение, не так ли?

— С чего вы это взяли? И кому это всем?

— Нам платят деньги, чтобы мы изучали информацию.

— Плохо, значит, у вас поставлено с информацией... Или мало платят, — попытался связать Аскользин. — Я это реалити-шоу иногда ненавидел. Ненавидел как раз за его популярность. Но что делать? Оно нас кормило. Реклама на нем до последнего дня была самой дорогой на телевидении, и это не прайм-тайм и не центральный канал.

— Ну, так уж и ненавидели?

— Ну, это, может, слишком, конечно. — Аскользин тяжело вздохнул. — Да, пожалуй, это слишком сильно сказано. Надеюсь, на основании этих слов вы не сделаете вывод, что я причастен к смерти коллектива.

— Кстати, о коллективе... Он был на «Гноме» дружный?

— Обычный для нашего бизнеса. Хотя это вам лучше у Григорьева спросить. Он был ближе к проекту. Куда он подевался? Почему меня с ним не соединяют... Найти, что ли, не могут?

— Павел Петрович! А ничего такого странного в последнее время не происходило на шоу? Конфликты какие-нибудь, скандалы?

— Да нет. Вроде ничего такого не припомню.

— Кто-то мог особенно сильно не любить сотрудников реалити-шоу? Конкуренты? Завистливые коллеги?

Аскользин усмехнулся.

— Зависть и ревность в нашем деле чуть ли не обычное состояние человека. Но не до такой же степени, чтобы всех собрать и взорвать. Для этого нужны ну такие основания... — Павел Петрович затряс руками, будто пробовал воздух на вес. — Даже и представить нельзя какие.

Прыгунов понимающе кивнул.

— А можно теперь у вас, — Аскользин скользнул взглядом по визитке следователя, которую тот несколькими минутами раньше положил на стол, — Владимир Тимофеевич, кое-что спросить?

— Конечно.

— Вы полагаете, «Карт-бланш» взорвали потому, что там были наши ребята?

— Это одна из версий... Но вы наверняка слышали, просто не могли не слышать, что в «Карт-бланше» погиб сын Арнольда Матрасова?

— Да, я слышал. Это непонятно. Арнольд так чутко следил за ним. Как он такое допустил?

— А вы что, с ним знакомы?

— Теперь настала моя очередь удивляться? Вы пытались только что намекнуть, что странно, будто директор телеканала не может ответить на вопрос, отчего закрыли телепроект, а вы, расследуя это дело, неужели не поняли, что за прошлыми хозяевами Т1 стоял Матрасов?

Примечание [П1]: Ударение!

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Спасибо, что разъяснили. Знал, конечно. Но формально каналом владела медиагруппа «Бриллиант». У нас есть сведения, что Матрасов уже год как не является акционером этого бизнеса...

— Да бросьте вы! Просто обезопасил себя, передал свои акции подставному лицу. Очень прямое он отношение к Т1 имел. А вот почему не вмешался, когда совершалась такая невыгодная сделка, ума не приложу.

— Это уж мы узнаем...

— Узнайте, пожалуйста. Очень интересно.

— Я почему-то убежден, что вы человек порядочный. Опыт мне подсказывает. Поэтому я вас не спрашиваю, получал кто-нибудь из тех, кто работал на «Гноме», анонимные письма с угрозами. Полагаю, вы не утаили бы это от меня.

— А что, такое было? Вряд ли. Я не мог об этом не узнать. Мне сказали бы...

— Кто бы сказал?

— Не важно. Сказали бы — и все. Куда подевался Григорьев?

В кабинет Аскользина влетела секретарша.

— Павел Петрович! Я ему звонила-звонила, и в кабинет, и на мобильный. Он минут двадцать назад заходил к нам. Пошла за ним, а там... — Девушка испуганно всхлипнула.

Прыгунов все понял.

— Где его кабинет? Быстрее.

— Надо же, какое безобразие, как напились-то и набедокурили. Барсюша! Фу, фу, не лижи их, не дай бог заразишься! А на вид такие приличные.

— Надо вызвать милицию. Выкинуть их отсюда.

Два этих голоса, мужской и женский, Астахов слышал будто сквозь тяжелую завесу, из какого-то другого мира. Голова болела, особенно сзади, к горлу подкатывала тошнота, глаза страшно было открывать. Но надо сделать над собой усилие...

Астахов медленно приподнял голову, ощупал затылок. Рана, судя по всему, не очень глубокая, и крови уже почти нет. Рядом, на спине, беспомощно раскинув руки, лежал и стонал Хумзаев. Слава богу, жив!

На приличном расстоянии на Сергея пялились два божьих одуванчика в панاماх, а на поводке повизгивала и подпрыгивала крошечная собачонка. Пожилая супружеская пара не привыкла к тому, чтобы на их лестничной площадке валялись мужики.

«Сейчас они действительно вызовут милицию. И это будет совсем ни к чему». Астахов, преодолевая головокружение и слабость в ногах, как мог, спокойно заговорил, достав из кармана удостоверение.

— Я следователь прокуратуры. Не надо милиции. Здесь происходит спецоперация.

Недоверие в стариковских глазах поубавилось. Мужчина, как и предполагается, вышел вперед и хоть и осторожно, но весьма решительно подошел к Астахову и взял у него из рук корочку. Повертел ее и так и сяк.

— Лиза! Это правда следователь.

Старушка подошла ближе.

— А этот, что валяется, тоже из прокуратуры? — Женщину в любом возрасте не так-то просто убедить в чем-то...

— Боже, у вас же кровь! Зайдите к нам. Умойтесь! Вот молодежь!.. — заворчала она.

Минут через тридцать на уютной кухне четы Устюговых Хумзаев и Астахов спокойно и обстоятельно говорили. Хозяева пытались напоить их чаем и угостить заботливо, по-стариковски своим собственным вареньем. Но было не до еды. Минутами раньше Астахов сумел доказать Амиду, что никакого отношения к похищению его дочери не имеет.

На Амида страшно было смотреть. Теперь Астахову стало ясно, почему Хумзаев шел по этому адресу. Ни о каком бывшем майоре Синицыне он и понятия не имел. Оказывается, спустя короткое время после их встречи в офисе Хумзаева Амиду позвонили от имени Сергея. Звонивший ультимативно, голосом без эмоций сказал, что дочь Амида, Лейла, находится у них и он получит ее назад только в обмен на показания, что взрыв в «Карт-бланше» — его рук дело. Хумзаев не мог поверить своим ушам: Сергей только что вышел от него, они прояснили все, что можно

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

было — и такой удар под дых. Более того, звонивший сказал, что телефоны всей семьи запилированы и, в случае звонков, за каждый из них ребенку будут отрезать по пальцу. Ему приказали действовать четко по схеме, ни шага вправо-влево — все это будет трактоваться как попытка просьбы о помощи. Схема была предельно простой: написать заявление с признанием организации взрыва в «Карт-бланше», затем на метро приехать на «Кунцевскую», взять такси до указанного адреса, далее — ждать звонка.

— Вот хитрецы... — в который раз повторял за последние несколько минут эти слова Астахов. — Ты посмотри, как ловко все придумали. Значит, по их плану они нас сводят в одном месте, в одно время. Мотив меня убить у тебя железный. И ты меня убиваешь. Я выхожу из игры навсегда. Наша следственная группа разваливается. Тебя берут за мое убийство вместе с написанным уже признанием об организации тобой взрыва. Козел отпущения найден. Дело успешно раскрыто. И закрыто! Вот молодцы. Хитро, хитро... — Астахов о чем-то задумался. — Ты бы домой позвонил.

— Ты в своем уме? Они же сказали, что будет...

— По-моему, у тебя с умом плохо, ты еще ничего не понял?

Руки Хумзаева заметно дрожали. Он набрал номер телефона. На том конце провода ответили. Говорила жена. Как и предположил Астахов, Лейла была дома. Амид сделал все распоряжения, чтобы братья приехали к ним. Жене же и дочери запретил выходить из квартиры.

По щекам Хумзаева текли слезы. Астахов знал, что он единственный, кто их когда-либо видел и видит. Крепко сжав руку Хумзаева, он ни проронил ни слова.

— А где показания, которые ты написал? — Это сейчас для Астахова было самым важным вопросом.

— Вот они! — Хумзаев взял барсетку, расстегнул ее и вынул сложенный вчетверо лист.

— У вас есть спички? — обратился Сергей к хозяйке.

— Есть, сынок. — Старушка полезла в ящик кухонного стола.

— Не в службу, а дружбу — сожгите это прямо сейчас.

Пока признание Амида догорало в извлеченной из того же ящика, что и коробок спичек, пепельнице, лакец довольно эмоционально говорил по телефону на своем языке. Видимо, с кем-то из родственников-мужчин.

В дверь вдруг стали настойчиво и сильно стучать. Устюгов обвел всех удивленным взглядом. Астахов показал ему, чтобы он не подходил к двери...

— Открывайте, милиция...

Кто-то все же вызвал милицию? Или они вызвались сами? В любом случае придется открыть.

— Сергей Астахов?

Астахов спокойно кивнул.

— Пройдите с нами!

— Зачем, можно узнать?

— Вы обвиняетесь в похищении Лейлы Хумзаевой и подозреваетесь в убийстве Германа Синицына...

— У нас непредвиденные обстоятельства!

— Что еще?

— На лестнице неожиданно появились какие-то старики...

— Черт! Идиоты!

— Что делать?

— Все как и раньше. Они должны оказаться на объекте номер три уже сегодня.

— А если они начнут вести себя не по сценарию?

— Это уже не вашего ума дело.

Голиковой по запросу принесли все, что нашлось о Курганове. Что ж, есть над чем поразмыслить.

Биография довольно интересная.

Наше время заставило людей работать в самых экзотических местах. Ведь теперь как: окончил вуз — и тебе никакого распределения и работы по специальности. Те профессии, которым так долго и нудно обучают, в реальной жизни не нужны. В цене продавцы, менеджеры, те, кто ногами и руками заталкивают товар покупателям. А химики, математики, биологи, если не пристроились преподавать в школе, могут запросто умереть с голоду от большой любви к науке. Глядя сегодня на Курганова, она видела лишь довольно трусливого,

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

уставшего человека с не вполне чистой совестью, который чего-то в этой жизни достиг и теперь озабочен только тем, как бы это сохранить. Ему шестьдесят два года... Пенсионер уже. Значит, когда рухнул союз, ему было сорок с небольшим. Хотя при чем здесь это? Чтобы узнать человека, нужны все подробности его биографии с детства. Что у нас с детством?

Голикова вцепилась глазами в то скудное, что нашлось о детских годах Курганова. Скудное-то скудное, но кое-какие выводы можно сделать. Родился нынешний директор сада Вернисаж в Ставрополе. Голодное послевоенное детство? Не совсем. Отец Курганова занимал высокую должность начальника городской пожарной бригады, входил в номенклатуру, а значит, с голоду маленький Вовка не умирал. Братьев и сестер у него не было, а одного ребенка, даже в те тяжкие годы, при такой должности папаша легко мог прокормить. Идем дальше. Так... а вот и первое административное правонарушение юного Курганова. Драка на танцах! Ничего себе, ему тогда было всего тринадцать лет. Рано стал взрослеть пацан, рано. И маменькиным сыночком явно не был. Правда, и время надо учитывать: кругом полно шпаны — так ей по крайней мере ее собственный отец рассказывал, выросший во дворах Покровки примерно в те же годы, — едва ли в Ставрополе было по-другому. После драки тринадцатилетний отрок угодил в милицию, но принудительно перевоспитывать его не стали. Сказались, вероятно, связи отца. Скандала никто не хотел, и дело замяли. В школьном возрасте у Курганова открылись недюжинные литературные таланты. Он подавал большие надежды и стал любимым учеником местной знаменитости — писателя Леопольда Ставского, ведущего при Ставропольском отделении Союза писателей студию молодых талантов и пользующегося в культурной среде города большим авторитетом. Все складывается как нельзя лучше, и Володе прочат перспективное литературное будущее. В обкоме партии уже осведомлены о местном вундеркинде и готовы всячески содействовать в

продвижении. Однако семью Кургановых ждет неожиданный поворот. Однажды ночью в здании Горисполкома происходит сильное возгорание. Пожарные, увы, не успевают к месту происшествия: деревянными перекрытиями всласть полакомилось пламя, и номенклатурное хозяйственное логово полыхнуло, как спичка, зловеще почернев и обнажив остоу. Всю вину спихнули на шефа городских пожарных, Алексея Курганова. Он пишет рапорт за рапортом, пытается объяснить ситуацию, но партийное начальство ничего не желает слушать. Цифры ущерба слишком велики: Москва требует найти и наказать виновных. Самым лучшим исходом Курганова-старшего становится перевод на работу в город Лейнск, в холодную огромную Якутскую АССР, с большим должностным понижением. Это своего рода ссылка. Но все же лучше, чем суд и тюрьма. Репутация у Алексея Курганова до пожара была безупречной. И несмотря на смутное послесталинское время, это, видимо, учли принимая окончательное решение. Меры воздействия к проштрафившемуся начальнику ставропольских пожарных были приняты административные. Хотя могли и закатать по полной... Не закатали! Почему? Тоже вопрос. Школу Володя Курганов заканчивает уже в Лейнске. Об этом периоде жизни сведений совсем мало. Вот пометка о том, что его отец и мать развелись... интересно, из-за чего? А, все понятно! Вот копия справки о пребывании Алексея Курганова в вытрезвителе. Значит, не вынесла деградации любимого и прежде сильного человека... Или нет?

После окончания школы Вова Курганов с маленьким чемоданчиком поехал в Москву. Шаг решительный чрезвычайно и рискованный. Но здесь фортуна была благосклонна к юнцу. Его бывший литературный наставник Ставский к этому времени перебрался в Первопрестольную, вел курс в Литинституте и имел большое влияние. Экзамены превратились в формальность. И пошло-поехало. Стипендия, комната в общежитии, первые публикации в толстых журналах. Все как в фильме о советской мечте. Курганов учится,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

взрослеет, летом неизменно ездит в Лейпсиг навестить отца. Проходит пять лет. Курганов уже младший редактор крупного издательства. Должность на первый взгляд скромная, но выгодная для хорошего старта. У него выходит первая книга. Тираж разлетается почти мгновенно. Его имя начинают произносить в передовых интеллигентских компаниях. Готовится вторая книга. И тут вдруг... Курганова увольняют из издательства. Очень уж внезапно. А причина? Так! Это надо попробовать выяснить... Если причины увольнения не объяснены, значит, здесь что-то не так.

Голикова увлеклась биографией человека, который совсем недавно сидел перед ней. Что-то было в этих фактах важное... Вернее, не было чего-то... Той пружины, что, когда разжалась, сделала жизнь нынешнего директора сада Вернисаж именно такой, какой она являлась сейчас.

После столь неожиданного краха карьеры Владимир Алексеевич становится школьным учителем. Обычная советская общеобразовательная школа. Уроки литературы. Незаметная жизнь. В литературной богеме о нем быстро забывают. Многие даже полагают, что он умер. Так все бы и катилось в мирную гавань зрелости, но тут взрывает всю страну девяносто первый год. В его жизни — снова крутой поворот. Прямо из омуты школьного образования Курганов всплывает не где-нибудь, а в Министерстве иностранных дел, в ГлавУПДК. При министре Козырькове в МИД принимали на работу по весьма прихотливым критериям. Там мелькали люди совсем случайные, о специфике дипломатической работы ничего не знающие, зато направо и налево раздающие нелепые указания. Слава богу, карьера министра Козырькова не затянулась. После его ухода покидает дипломатическую синекуру и Курганов. Два года он пробует себя в качестве менеджера в российско-американской фармацевтической компании (через подобные конторы пропускали крупные суммы денег), а потом благополучно и надолго приземляется в сад Вернисаж, вначале в должности заместителя директора, а потом, после того как прошлый директор гибнет в

автомобильной катастрофе, занимает его пост. Отец Курганова скончался в 1995 году, о местонахождении матери ничего неизвестно. Никаких связей с мужем и сыном она не поддерживала. Сам Владимир Алексеевич Курганов никогда не был женат. Детей у него также нет.

Голикова перевернула последний лист досье. Потом взяла всю стопку, подержала в руках, словно пробовала на вес. Биография, с одной стороны, вполне обычная для человека этого поколения — все в эти годы стремились выжить, найти себя, метались, — и все же в этих фактах много как будто искусственного. Такое впечатление, что перед тобой не биография человека, а плод усилий некоего биографа, стремящегося выделить одно и тщательно скрыть другое.

«Да, он, может быть, сложнее и важнее для следствия, чем я предполагала». Голикова прикидывала, что еще можно успеть сделать до того, как вечером вся их группа соберется для разговора. Первый день расследования — самый важный. Как, интересно, у Астахова дела? Что там с начальником охраны? Надо еще зайти домой, позвонить собачнику с Петровки, договориться на попозже. Благо жара... позднее назначение встречи никого не удивляет в эти дни в Москве. Но это потом.

Лена включила мобильник. Несколько звонков от подруги и сообщение от нее же: «Позвони мне».

«Что же ты еще хочешь, голубушка? Не до тебя сейчас, дорогая. Раньше надо было».

Так... дальше. Курганов. Что может следовать из этих сухих фактов? Он человек с особой психологией. Когда мать уходит из семьи, это очень влияет на мальчиков. Недоверие к женщинам идет из юности, из глубины. Может, поэтому Курганов не женат?

Так! А вот его литературная карьера... У него же были публикации, одна книга вышла, надо поискать, сейчас он на писателя совсем не похож. Обычный делец средней руки. Позвоню кое-кому.

У Голиковой имелся один друг, большой книголюб, библиофил. Раньше они жили в одном доме. У него

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

действительно энциклопедические познания в литературе. Если уж и он не знает про Курганова... Лена виртуозно перебрала кнопки мобильного. Пока ждала ответа, поправила волосы, все-таки предстоял хоть и по телефону, но разговор с мужчиной.

— Сенечка, здравствуй, голубчик, это Лена!

— Какой сюрприз. Неужели ты вспомнила обо мне?

— Я бессердечная, знаю... вспоминаю о тебе, когда что-то нужно. Обещаю исправиться.

— Честность — одно из главных твоих прекрасных качеств...

— Тебе ничего не говорит имя Владимир Курганов?

— Постой-постой, что-то знакомое... Да, знаю. Был такой писатель. Одна книга рассказов у него вышла. Но зато какая! Очень яркая проза, светлая, прозрачная, легкая. Про детство, кажется. Точно-точно... Все ждали продолжения, очередных произведений. Так блестяще он о себе заявил. Но, увы, его звезда потухла так же неожиданно, как и зажглась. Ничего больше не написал. Кстати, Лена, я даже знаю, где он работал.

— Я тоже, в издательстве «Ровесник». Но ты все равно, Семен, гений. В который раз тебе это говорю. А можешь сделать доброе и очень нужное дело?

— Чем могу...

— У тебя куча знакомых в издательском мире. Выясни все что можно про Курганова, а? Позарез надо.

— Я тебе и так все скажу.

Повесился он, кажется. Давно уже.

— Уверен?

— А что? У тебя другие сведения?

— Абсолютно. Жив-здоров, дача на Рублевке. Час назад с ним разговаривала.

— Так. Все понял, писатель ожил и что-то натворил. Надо же... даже самому интересно. А что тебе конкретно о нем нужно?

— Все.

Лена положила трубку. Сеня сделает все. Плохо, конечно, так цинично эксплуатировать в своих целях влюбленного мужчину. Но, в конце концов, не она первая. Теперь надо идти дальше! Где-то совсем

недавно на глаза попадался телефонный справочник.

Лена перелистывала большим пальцем страницы, быстро перекидывая ненужные листы. Буква «С». «Ставский Леопольд». Ура! Есть. Ему должно быть крепко за восемьдесят. Год назад, когда составлялся справочник, он точно был жив. Хотя... человек известный, если бы умер, она бы точно узнала это из новостей. Еще года три назад его благообразная высокая фигура нередко появлялась в ящике. К нему приезжали на дом и брали интервью по всевозможным поводам. Он в неизменно аристократической манере давал туманные и глубокомысленные комментарии. Потом резко исчез с экрана. Видно, власть изрядно охладела к «инженерам человеческих душ», они так рьяно боролись за контроль над общественным имуществом, так много жаловались по старинке «наверх», беспардонно клеветая друг на друга, что отводить им в жизни страны прежнюю роль стало затруднительно. Любую трибуну литераторы использовали для сведения счетов. В СМИ просачивалась информация, что Ставский — один из тех, кто стоит за всей этой интеллектуальной и не только бойней, но ничего конкретного ему не инкриминировалось. Он никогда ничего не подписывал, стремясь оставаться в тени.

— Алло. Говорите.

Голос старческий, но отчетливый.

Леопольд Каземирович Ставский, выслушав Елену Голикову, сказал, что она может приехать к нему, поскольку он не считает возможным говорить по телефону о серьезных вещах. Сам же он слишком стар, чтобы бегать по прокуратурам.

Ну что же, каждая секунда на счету. Надо еще заскочить домой, принять душ.

У меня так закружилась голова, что я чуть не упала. Удержалась с трудом за спинку стула. Прохор погиб... Господи! Как же это могло произойти? Какого черта он делал в этом «Карт-бланше»? Совсем, выходит, не переживал, что я его бросила? О чем я? Какое это теперь

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

имеет значение? Легла на ковре посредине комнаты лицом вниз! Думала, от этого мне станет легче, и громко разрыдалась. Я много лет уже так не плакала. Хорошо, что никого нет дома и никто не пристанет с расспросами. После слез всегда лучше... Надо посмотреть еще... черт, все то же самое... *«Взрыв в «Карт-бланше», погибли все сотрудники шоу «Гном-5», среди них два известных телеведущих Тимофей Брамборис и Прохор Черепицын»*. На некоторых сайтах их фотографии. Молодые и веселые... Тимофей, как всегда, в темных очках. Прошка знакомил меня с ним. Он мне жутко не понравился, этот Брамборис, но, когда я сказала об этом Прохору, он, помнится, осек меня: «Не лезь не в свое дело, мне тоже много кто не нравится, и что с того?». Я почему-то решила, что этот Тимофей терпеть не может Прохора, чуть ли не подтрунивает над ним. А Прохор, хоть и давно на телевидении, по виду совсем не из их тусовки. Это в мелочах видно... поведение другое. Почему, собственно, мне и понравился. Никакого глянца в нем не было. Обычный простой человек. Без пошлой звездности. Такой же, как все, и не такой все же. Единственный... Мой.

Какая же я, что выдумала этот бред: полюбила «хорошего человека»! И дура. Он ведь мог из-за этого пойти в «Карт-бланш», чтобы отвлечься, забыться... Прошка — он ведь такой. Не будет сопли на кулак наматывать. Точно из-за меня. Вот идиотка! Он же корпоративы не переносил и старался смыться с них как можно быстрее. А тут пошел.

Боже, он умер из-за меня...

Бред какой-то, мысли путаются. Нет, такое в страшном сне не приснится... Господи, может, это «утка»? Может, надо гнать эти мысли куда подальше? Так... прочь, прочь! Кстати... однажды он взял меня на корпоратив. У одной длинной бабы — Зоя, кажется, ее звали, из их «Гнома», — был день рождения. Как же она нехорошо на Прохора поглядывала. Я не сказала ему об этом, потому что знаю, как он бесится, когда я что-то подобное говорю. Мы в тот вечер быстро смылись... Скука была неимоверная. Тосты один глупее другого, приклеенные улыбки, постные лица. Брамборис напился почти

моментально, сел рядом со мной. И, воняя водкой, все ногу свою к моей придвигал. Урод! Я об этом тоже промолчала... Если кто-то думает, что на телевидении работают особенные люди, то это не так. Преимущественно малообразованные пошляки. В тот вечер в постели Прохор очень грустно сказал: «Думаю, они меня все ненавидят. Хорошо, что я им не по зубам». Я спросила «почему». Он только улыбнулся и поцеловал меня крепко-крепко. Да, мне достаточно было одного раза, чтоб своими глазами увидеть, как эти «гномы» его ненавидели. Когда шоу закрыли, я даже обрадовалась...

Как хочется выпить! Водки, много-много. Упокой душу любимого моего.

У отца всегда есть заначка на антресоли. Я еще с детства это просекла. Матери не выдавала. Зачем? Папка хороший. Должны быть у всех свои радости. Отец вообще-то пьет мало, только когда какие-то проблемы на работе. Вот она, родимая. Теплая.

Надо положить ее в морозилку. Теплую пить нельзя. Хотя почему нельзя?

Давясь, выпила. Запила фантой из большой бутылки. Думала, вырвет, но ничего. Начала успокаиваться. Все же надо Эльке позвонить! Теперь уж какая Турция...

Номер не отвечает. Все понятно. На работе. Ладно, отправлю смс.

Так, а вдруг я правда беременна? Вот дура, зачем же пила? Опять легла на ковер. Хорошо... Только не плакать. Да где уж там!

Женщина спешащая — зрелище не для слабонервных. А Голикова торопилась. Дома, наскоро запихнув в себя пару бутербродов, и сладкий чай, она секунду размышляла, что надеть, потом кинулась к шкафу, вытащила строгое летнее платье, влезла в него и осталась вполне довольна своим выбором. В этой квартире раньше она жила с отцом и матерью. Но уже года три как родители почти безвылазно коротали пенсионерские будни на даче. Лена за все это время ничего не меняла, только иногда тщательно протирала пыль, особенно с корешков книг в книжном шкафу. Книги Ставского

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

в семейной библиотеке имелись. Неизвестно кто, когда и для какой надобности их приобрел, но тем не менее факт остается фактом. Лена чуть ли не с детства помнила плотные бордовые корешки его книг. Самое время полистать.

Обычные книги обычного писателя. Лена взяла в руки одну, потом другую. Все романы. Названия довольно претенциозные. Девушка пробегала глазами по строкам, сясь понять, что за человек их писал. Стиль был весьма боек, задорен, слог местами напоминал русскую классику... Да, ничего полезного из этого набега на книжные полки не вышло. Лена собиралась прочитать биографию Ставского в одном из томов, но ее отвлек звонок мобильного.

— Знаешь, дорогая Леночка, где я? — Голос приятеля Голиковой библиофила Семена звучал взволнованно и торжествующе.

— Ну откуда же мне, Сенечка, знать?

— Около твоего подъезда, и у меня есть для тебя масса интересного.

— А как ты догадался, что я дома?

— А что тебе еще делать в выходной? В прокураторе если только торчать? Но по служебному никто не взял, поэтому решил попытаться счастья, — я же Водолей, а для нас, как утверждают астрологи, семь верст не крюк. Ну так приглашаешь?

— Ты что, с ума сошел?! У меня бардак жуткий. Ты меня разлюбишь, если увидишь. Жди меня, я сейчас спущусь.

Лена еще раз глянула в зеркало, поправила волосы и улыбнулась своему отражению.

Через несколько минут Семен шел рядом с ней и говорил без умолку, разбавляя речь разными библиофильскими шуточками. Ничего особенного он не сказал. Уже у метро, прощаясь, Сеня вручил Лене пакет.

— Смотри не потеряй. Дали под мою личную ответственность.

— Что это?

— Рукопись второй книги Курганова. Позвонил одному знакомому из «Ровесника», поинтересоваться. И оказалось, что он как раз разбирал архив какого-то

покойного редактора и нашел ее. Так что тебе повезло...

Голикова скривила кислую гримаску, чмокнула своего обожателя в щеку, взяла пакет, сунула его в сумку и побежала в метро.

Через полчаса ее ждал Ставский.

Итак... сломанная ключица, три сотни рублей, чудом оставшихся в кармане брюк, ни одного документа (паспорт, права, удостоверение), да... еще и ключи от машины вытащили. У любого бомжа положение куда лучше, чем у него. Потому что он, бывший майор Синицын, после побега из милиции в розыске. И не дай бог ему быть найденным. На вокзал можно попробовать сунуться только поздно ночью. Но ждать нельзя. Нужно быть в Москве как можно раньше.

Выход один — искать попутку и сговорчивого водителя.

Все ли как надо? Уцелел ли Саулус? Не позволил ли он директору обыграть себя?

Леопольд Ставский жил в многоэтажном доме напротив церкви Большого Вознесения. Много лет назад в этой церкви венчался Пушкин своим единственным браком с обожаемой Наташей, которую потом все кому не лень стали называть Натали. Консьержка была уже осведомлена о приходе гости к Леопольду Каземировичу и, когда Лена назвала номер квартиры, широко улыбнулась.

— Заходите. Ждет-ждет вас Леопольд Каземирович.

Дверь в квартиру Ставского открыла женщина, как две капли воды похожая на консьержку, только что виденную Еленой внизу. Поймав удивленный взгляд Голиковой, она объяснила:

— Не удивляйтесь, мы с Машей близнецы. Живем в этом доме давно. Маша дежурит, я помогаю иногда старым жильцам. Люди пожилые. Все время чего-нибудь требуется. Да вы проходите. Меня Дарья Петровна зовут. Леопольд Каземирович в гостиной.

В гостиной все напоминало ушедшую эпоху: старинная мебель,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

скатерти постелены так, как полагалось в семидесятые годы, в углу проигрыватель и гора пластинок рядом с ним, на стеллаже книги, плотно прижатые друг к другу.

Завидев Лену, старик поднялся. По лицу было заметно, что ему больно, но он быстро овладел собой. Наверно, неважно с ногами...

— Что вы! Не вставайте! — опередила старика Голикова.

— Да нет уж, вы же дама, хоть и из прокуратуры, а перед дамой мужчина обязан вставать. — Ставский взял ее руку и тронул губами. — Елена? Правильно я запомнил?

— Совершенно верно.

— Присаживайтесь! Сейчас Дашенька чай нам принесет. Вы же не откажетесь от чайку?

— Мне неловко, что я вас побеспокоила. Я полагала коротко вас кое о чем расспросить и откланяться. А у вас тут церемонии...

— Ну что вы! Чай попить много времени не потребует, а на вопросы я отвечу, как прикажете. Ничего не утаю. Давненько меня не посещали должностные лица, тем более такие высокие.

У Ставского было благородное удлиненное лицо, вытянутый, придающий лицу резгливое выражение подбородок, холодноватые глаза, речь с чуть заметным грубированием, подчеркнутая манерность и строгость. Лена с любопытством разглядывала его самого и обстановку комнаты, пока Дарья Петровна расставляла на столе чашки из красивого сервиза и две старомодные, но милые вазочки с печеньями и конфетами.

— Надеюсь, вы не подвержены тяге к постоянному похуданию и уничтожению себя? Не сидите на диетах, о которых трещат теперь идиоты по телевизору с утра до вечера?

— Не скажу, что совсем не подвержена, но от ваших угощений не откажусь.

— Ну, вот и славно. Пейте чай, печенье очень свежее... Даша его только что купила.

— Спасибо. Только давайте совместим чаепитие с разговором. У вас хорошо, сидела бы всю жизнь, но времени действительно в обрез.

— Ради бога... Думаю, вас интересует Володя Курганов?

— Вы проницательны.

— Особой проницательности здесь не нужно. Ведь весь этот ужас произошел в саду Вернисаж. А он там служит директором. Наверняка вы узнали о нашем прежнем знакомстве, о том, что он мой ученик. Так ведь?

— Да. Узнали. Скажите, что он, по-вашему, за человек?

— Ну и вопрос! Ответ на целый роман потянет. Если вы торопитесь, то вам нужно спросить что-нибудь более конкретное.

— Хорошо. Буду откровенна. У нас есть подозрения на его счет. Не могу сказать пока — какие. Он, по-вашему, может быть связан с преступниками?

— А кто сейчас при должности с ними не связан? Пардон... Вижу, вы морщитесь. Простите мне стариковское ворчание. Я понял, что вы имеете в виду. Знаете, Володя мог бы быть очень талантливым писателем, у него живейший дар слова, достаточная трудоспособность и воля, но он, как бы это поточнее сказать, очень зависимый человек. От обстоятельств, от людей, с которыми рядом. Пока в его семье все существовало под знаком благополучия, он привлекал меня, как светлая точка, я думал о нем как о будущем нашей литературы. Потом в его жизни начался ад. Он чуть не сломался, но прошел по краю, выдюжил. И я так радовался, когда он вырвался из этой Якутии. Его отец, чтоб вы знали, был редкой порядочности человек, но тоже чуть слабоватый, трудно переносил неприятности. А на него свалили черт-те что. Вы ведь в курсе?

— Да. Я изучила досье Курганова. — Лена обратила внимание, что глаза старика стали чуть более внимательными и напряженными, словно он ожидал чего-то еще в ее ответе.

— Хорошо, значит, мне не придется вас мучить подробностями. Так совпало, что я переехал в Москву, стал преподавать и взял его в семинар. Ему нужен был шанс, понимаете, шанс... Но во время его учебы, наблюдая за ним, я, увы, осознал, что он чем-то одержим. И одержимость эта была отнюдь не

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

литературой. Он сочинял по-прежнему аккуратно и бойко, но та тайна, очарование, которые так привлекали в первых его вещах, исчезали. Я не мог понять почему, помногу говорил с ним, но он меня не слышал.

— А чем он, по-вашему, был одержим?

— Я не отвечу вам. Для меня это так и не открылось. Это не деньги и не карьера. Что-то другое...

— Честно говоря, ничего такого я не заметила. Но, видимо, действительно, для тонкого понимания человека нужны годы. А почему его уволили из издательства? Ведь он двигался прекрасно, вот-вот и стал бы директором.

— Его обвинили в домогательстве к секретарше директора.

— Это было правдой?

— Маловероятно.

— Почему?

— Он не из Дон Жуанов.

— Ну, ведь всякий мужчина иногда теряет голову?

Леопольд Каземирович молчал довольно долго. Пил чай.

— Это темная история. Мы тогда уже не близко общались.

— Между вами что-то произошло?

— Мне бы не хотелось об этом говорить.

— Что-то очень личное?

— Нет, отчего же... Ладно.

Теперь уж что скрывать? Скоро помирать. Его поймали на воровстве. Он крал редкие книги. А потом продавал их. В то время был букинистический бум, а значит — возможность заработать на этом большие деньги. Как это сейчас говорится, прибыльный бизнес.

— Как это вскрылось?

— Он украл у меня редкое издание писем Пушкина. Я заявил в милицию...

— Его арестовали?

— Нет. Я сам забрал заявление, но из литературы ему пришлось уйти. Это было моим условием. В нашем деле не должно быть негодяев... Гений и злодейство несовместимы.

— И он так покорно вас послушал?

— Представьте себе.

— И вы никогда не пытались объяснить? Может быть, он попросил бы у вас прощения?

— Вы очень молоды, Леночка! Есть вещи, после которых дороги назад не существует...

Почти весь сегодняшний день у Островерцева ушел на анализ политического расклада, который образовался после взрыва. Изучая высказывания политиков и комментарии прессы, он силился понять, на что похож этот информационный поток: на строго скоординированную попытку создать конкретное общественное мнение или все же господствуют во всем этом хаос и обычная в таких случаях растерянность. Пожалуй, присутствовало и то и то. По крайней мере пока. Либеральная пресса в один голос галдела, что спецслужбы никуда не годятся, что занимаются они только тем, что зажимают рты журналистам, а сами не способны ни раскрыть, ни предотвратить ни одно злодеяние. Далее приводилась ужасающая статистика нераскрытых преступлений. На этот счет Островерцев про себя усмехался: когда его картотека будет обнародована, показатели сразу же улучшатся. Но сколько еще ждать и что для этого должно произойти? И кто тогда будет эти показатели считать?

Он еще раз прокручивал в голове сегодняшний разговор с Матрасовым. Что Арнольд имел в виду? Никак не может забыть мне тот его сорвавшийся арест? Про картотеку он не мог пронюхать. Система конспирации строжайшая... Но очевидно, что Островерцев зачем-то нужен Матрасову в этом деле и Арнольд хочет контролировать его сам, без посредничества прокуроров с большими погонами. Особенно его волнует ситуация с камерами. Но это и неудивительно. Он надеется, как всякий дилетант, что в камерах весь секрет. Хочет увидеть убийц своего сына. Ничего, Астахов с этим разберется. Там, где нужно вытапывать сантиметр за сантиметром, ему равных нет. До вечера он успеет побывать везде. Так... только ли безутешное горе движет Матрасовым?

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

Арнольд весьма конкретно дал понять, что среди подозреваемых не должно быть никаких кавказцев. И пресса до сих пор за эту версию не уцепилась, даже предположений никаких не строила, вопреки ожиданиям. Кто-то, видимо, дал им команду, запретил даже думать в этом направлении, иначе бы уже верещали на все лады, им только дай палец... Кому же в нынешней игре выгоден это взрыв? Так выходит, что никому. Кавказцам он не нужен, ОПГ тоже не при делах, у идейных противников власти явно нет возможности организовать такое чудовищное преступление. Если только это противники внутри самой власти? Нет! Чушь! Сейчас это невозможно. Все зачищено. Малейшая неверность — и человек на улице. Хорошо если еще на улице, а то или в тюрьме, или без вести пропал. Для того, чтобы подготовить такой взрыв, должна существовать система, работающая без перебоев, если только это не дело рук камикадзе. Во втором случае кто-нибудь уже взял бы на себя ответственность. Какая-нибудь очередная Аль-Каида.

Теперь по поводу пребывания в «Карт-бланше» сотрудников реалити-шоу «Гном-5». И здесь загадка на загадке...

Островерцев во всех деталях и со всех сторон изучил сделку по продаже канала Т1, посоветовался с ребятами из отдела экономических преступлений и пришел к выводу, что и за прежними владельцами, и за новыми стоит один человек. И этот человек Арнольд Матрасов! Все сделано так, что не подкопаешься. Крупный бизнес всегда предполагает тайный маневр, чтобы потом ускользнуть от ответственности. Специалисты довольно быстро начертили Островерцеву схему подчинения разных фирм-дочек фирме-маме, своеобразную пирамиду, во главе которой все тот же Матрасов. Все сошлось. Но абсурд в другом. За предельно заниженную цену человек продает не что-нибудь, а телеканал, и продает фактически сам себе. Никакого коммерческого смысла в этом нет. Значит существует еще один смысл... Факты просты... Новые владельцы закрывают одно из самых популярных шоу, а затем все

сотрудники этого проекта погибают одновременно с сыном Матрасова. Вот это выверт так выверт. Все так и ничего не так! Однако есть тот, кто все это рассчитал и кому это выгодно. Кто он? Или они? Версию о соперничестве внутри властных элит не стоит сразу отбрасывать. Кризис много запутал наверху...

В кабинете не сиделось, а до встречи с ребятами еще достаточно времени. Петр Алексеевич вышел на улицу. Палило нещадно, так, что рубашка мгновенно взмокла. Хорошо, что до Совета Федерации недалеко. Там и с кондиционерами полный порядок.

Островерцев собрался навестить своего старого друга, Хурмаджана. Тот должен был быть на месте. У них сегодня как раз экстренные слушания по поводу теракта. Обычный бессмысленный маскарад для общественного мнения. Это мнение давно уже не может выйти из-под властного контроля, если только власть сама его не выводит.

Альберт Хурмаджан работал в Совете Федерации давно, и уже не все помнили, что начинал он в прокураторе. Вместе с Островерцевым. Теперь Хурмаджан в аппарате Совета Федерации ведал аналитическими вопросами и сам иногда посмеивался над своей должностью: мол, какая может быть аналитика в клубе миллиардеров. Изредка Островерцев кое-что узнавал у него о том или ином представителе власти. Нет, ни о каком компромате речь не шла, просто порой полезно улавливать новые тенденции в политической жизни элиты.

Позвонил Тимофеич. Вкратце, без деталей, с расчетом на прослушку, сообщил о визите Брамбориса. Не все, выходит, теледеятели взорвались. Один ожил и настаивает, что видел второго. Ладно, пусть едет на Т1 и крутит эту линию. За него спокоен. Приглаживать надо только за Ленкой, заставлять ее интуицию работать в нужном направлении, а то унесет красавицу бог знает куда.

Хурмаджан, невысокого роста армянин, обладатель традиционного носа с горбинкой, всю жизнь прожил в Москве. Армянином был только по отцу и порой нет-нет да и позволял себе пройтись по поводу отдельных

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

сторон кавказского менталитета. Он мог бы быть почти идеальным следователем: умный, бесстрашный, выдержанный, но, увы, время служения Фемиде выпало ему не идеальное. Вот и пришлось покинуть стены прокуратуры, дабы иметь возможность содержать большую семью относительно честным путем. Свое прокурорское время Хурмаджан вспоминать не любил. Из тех лет сохранил теплые отношения лишь с Петром Островерцевым, который как раз сейчас звонил ему в кабинет по служебной линии. Это между старыми товарищами означало, что дело важное и мобильные использовать опасно. Альберт снял трубку сам. Никаких совещаний, слава богу. Ничто не мешает Островерцеву подняться к нему в кабинет.

— Ты никак обладаешь способностями ясновидца? И как ты прознаешь, что я на месте?

— У прокуроров свои секреты.

Приятели обнялись.

— Ну так пошли обедать, секретный ты мой. Ничего особенного, как ты помнишь, в нашей столовой, вопреки мнению обывателей, нет, но точно не отравишься.

— Принято.

— Ты еще не понял, что в моей информации нет ничего эксклюзивного и ни к каким тайнам ясновидения, в отличие от тебя, я не причастен? Все тщишься выудить у клерка средней руки нечто сногшибательное? — Хурмаджан не оставлял шутиwego тона.

— Я хотел с тобой поговорить о Матрасове!

— Батюшки! Открой Интернет, и все узнаешь. Секрет.ру какой-нибудь. Я-то тебе чем помогу? Думаешь, что-то новое скажу?

— Алик, я серьезно...

— И я серьезно. А вообще-то Арнольд, я считаю, молодец. Мужик ушлый, хитрый и всегда на плаву. Активно пиарится. Завел дружбу с писателями, кинорежиссерами, спортсменами, творческой элитой. Около их имущества вертится, сулит им горы золотые по этой части. И никто ему не помешает. Видел, сколько официальных соболезнований разные творческие союзы ему сейчас посылают в связи с трагической гибелью сына? Будто роднее его сына

никого у них нет. Давай-ка лучше питаться...

Хурмаджан не собирался развивать тему и отчетливо дал это понять Островерцеву. Почему?

Компот в столовой Совета Федерации подавали как в старые времена, сладкий, с сухофруктами. Поели, подымили в курилке с широкими диванами и большими напольными пепельницами. Хурмаджан вызвался проводить Островерцева. В лифт они зашли вдвоем.

— Петя... я понял, что тебе поручено дело о взрыве. Не лезь глубоко, выжди. Сейчас наверху беспокойно. Новая метла метет мягко, незаметно и аккуратно. Матрасова все будут жалеть. У нас страдальцев любят. Скоро в администрации могут произойти перемены. Оцени их внимательно. На Арнольда их спроецируй. Ты же умный. Почти такой, как я. Догадаешься, кто его крыша и кому он сам крыша. И если что, я тебе ничего не говорил. — Альберт улыбнулся. — Ну бывай, дорогой.

Островерцев купил по дороге большую бутылку холодной минеральной воды.

Что имел в виду Хурмаджан? Позиции Матрасова усилятся или ослабнут? Похоже, точной информации нет. Все назначения в администрации уже много лет совершаются так, что предсказать ничего невозможно. Кое-какие сведения просачиваются предварительно в прессу, но они, как правило, служат только для того, чтобы отвлечь внимание от истинных кандидатур. Традиционно считалось, что Матрасов опирается в администрации на Хомякова. Неужели Хомякова снимут? Маловероятно. Или наоборот, повысят? И как все это связано с продажей канала и закрытием «Гнома-5»? Есть связь... несомненно, есть, и скоро мы ее найдем. Но зачем ему писатели и киношники понадобились?

* * *

Тело бывшего исполнительного продюсера бывшего реалити-шоу «Гном-5» Константина Григорьева беспомощно и грузно висело в петле.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Тимофеич остановился на пороге, преграждая путь Аскользину и его секретарше.

— Когда вы, говорите, видели его последний раз? — обратился Прыгунов к всхлипывающей девушке.

— Да минут двадцать назад... от силы полчаса. Он такой веселый был. Шутил, как всегда. А минут за пять до вашего прихода он к себе пошел.

— Господи, какой ужас! — бормотал Аскользин, прикладывая ладонь то к груди, то ко лбу.

— Какой телефон на вахту? — Прыгунов понимал, что уже поздно, но на всякий случай.

Аскользин продиктовал номер. — Говорит следователь Генеральной прокуратуры Прыгунов. В здании ЧП со смертельным исходом. Никого не выпускать и не впускать до моих специальных распоряжений.

Следующим звонком Прыгунов вызвал бригаду из МУРа.

— Павел Петрович, идите к себе. Примите успокоительное. На вас лица нет. А мы уж тут разберемся. Коллективу пока не сообщайте. Во избежание паники. Вы меня поняли?

Прыгунов посмотрел на Аскользина, потом очень внимательно на его секретаршу. Они оцепенело, как по команде, развернулись и пошли прочь. Аскользин очень сутулился при ходьбе.

«До приезда муровцев есть время. Надо понять, что здесь произошло, пока они все не разворошили и не наследили. Вот во время его молодости в милиции были профессионалы, ни одного волоска не пропустят на месте преступления, а теперь приезжают, топчут, как слоны в посудной лавке, и толку — ноль».

Потолок в кабинете Григорьева метра три с половиной. Тимофеич подошел ближе, оглядел труп. Да уж. Сам он повеситься не мог. Ему надо было бы подпрыгнуть для этого. Его убрали. Боялись, что он может что-то рассказать? И скорее всего, мне. Но что он мог выдать такого, чего не знает Аскользин? Они были в курсе, что я еду к нему. Но я и слыхом не слыхивал ни о каком Григорьеве. Ну да, конечно, за мной же был хвост. Машину для слежки выбрали очень подходящую — такую не заметит разве что слепой: огромная и с чем-то громоздким,

закрытым брезентом, на крыше в багажнике.

— Алло! Это снова Прыгунов. Скажите, сегодня в здании работали электрики, ремонтники какие-нибудь?

— Да. Были двое в синих халатах. Сказали по вызову. На Т1. Их встретили по звонку.

— Кто встретил?

— Я что, всех должен знать? Кажется, новенькая... Я ее раньше не видел...

— У них была стремянка?

— Да, я еще удивился. Длинная такая.

— Они в здании?

— Нет. Вышли буквально минуты две-три назад.

Тимофеич понял, что его обыграли как мальчика. Он во всю прыть метнулся к лифту. В приемную Аскользина почти вбежал. Стол, за которым совсем недавно сидела новенькая секретарша Верочка, пустовал.

— Где она? — взревел следователь.

— Павел Петрович ее отпустил! А что случилось?

— Когда он ее отпустил?

— Сразу, как они с Павлом

Петровичем вернулись. У нее началась истерика. Потом она зашла к нему отпроситься и через полминуты собралась и ушла. А что случилось-то?

Тимофеич снова набрал номер вахты.

— Кто-то пытался за это время выйти?

— Многие пытались. Но я выполняю ваши указания. Все здесь. Ругаются, скандалят, возмущаются. Вот, слышите? — Охранник, видимо, убрал трубку от уха и направил ее в сторону толпы. Тимофеич услышал неразборчивый гул перемешанных мужских и женских голосов.

— А секретарша с Т1, которая тех двоих со стремянкой встречала, не рвется выйти?

— Нет, ее не было.

— Не выпускать ни под каким видом.

«Скорее всего, она в здании. Черт, она же слышал, что я запретил выходить».

Дежурившая на этаже Т1 девица, что оценивающе-пренебрежительно смотрела на Тимофеича совсем недавно, увидев

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

удостоверение, долго хлопала глазами и, с трудом поняв, что от нее хотят, выдавила, что Вера спешно вышла и села в лифт.

— Она поехала вниз или вверх?

— Вниз... Кажется.

Хорошо, что Т1 на третьем этаже. Тимофеич пулей слетел с лестницы на второй этаж. То, что он увидел, заставило его громко выругаться. Окно было распахнуто настежь. А внизу на земле след протекторов шин, какой оставляет машина, если резко трогается с земли. Кусты вокруг поломаны. Вероятно, ехали через них. Опоздал...

Он сел на подоконник.

Отдышался. Позвонил в контору и сообщил номер машины, сопровождавшей его сюда. Надо было раньше. Но кто же мог предположить? Хотя так они и будут с этим номером теперь по городу с девицей разъезжать. Наверняка уже пересели. Вот наглецы! Фактически на глазах следователя совершили убийство. Ну что ж, господин Аскользин, теперь вы мне расскажете все, о чем умолчали.

Особенно откуда у вас взялась секретарша Верочка.

Как только Островерцев вернулся в кабинет после весьма загадочного разговора с Хурмаджаном, ему сообщили, что Бархатов просит его зайти.

Ну что ж, начальству не отказывают. Зачем-то он ему потребовался!

Заместитель генерального прокурора по следствию все еще не вполне обжился в новом кабинете. Складывалось даже впечатление, что он побаивается в нем что-то трогать. Просто примостился в суровом кресле, как неуклюжий, случайно залетевший сюда птенец-переросток.

— Садитесь, Петр Алексеевич. Кофе, чай или коньячку? Небось, не спали? Хотите взбодриться?

— В такую жару уж лучше чай.

— Правильно. В молодости я в Средней Азии служил, так местные жители там от жары чаем спасаются. Сидят в теплых халатах и прихлебывают в свое удовольствие. Чай утоляет жажду, а халат сохраняет температуру тела. Она у здорового человека тридцать шесть с

небольшим. А на улице там может быть и под пятьдесят. Так-то.

— Я тоже слышал об этом.

Островерцев терпеливо ждал, когда Бархатов закончит прелюдию. Принесли чай.

— Я хочу вас спросить начистоту, без всяких там прокурорских штучек и обходов. Вы действительно исполните то, к чему призывал вас, да и нас с генеральным, Матрасов? — Бархатов смотрел Островерцеву прямо в глаза, смотрел без выражения, почти обиженно, но его лицо даже при этом взгляде не теряло природной мягкости.

Островерцев не ожидал подобного вопроса. В памяти его еще был свеж разговор с Арнольдом в машине, и он теперь мучительно соображал, откуда Бархатову известно об этом. Но через секунду понял, что Бархатов, видимо, имеет в виду требование Матрасова повесить взрыв на ни в чем не повинного «психа». Он хочет прощупать почву? Что мне сказать? Похоже на провокацию. Он что же, думает, что я могу не исполнить приказ генерального? Вроде не был в этом замечен, а был бы — уж погон бы лишился. А если новый заместитель пытается играть свою игру? Но тогда он выбрал в моем лице не самого удачного партнера. Ладно, поиграем. Так уж и быть.

— А что мне остается делать? Мы служивые люди. Приказы не обсуждаются.

— Даже такие приказы?

— Не очень понимаю, к чему вы клоните. По-моему, ни вы, ни генеральный сегодня не оспаривали идеи Арнольда Сергеевича...

— Арнольд Сергеевич — влиятельный человек. Но не влиятельнее закона.

— А вы доложите об этом генеральному прокурору. Он у нас воплощение законности.

Бархатов хитровато улыбнулся в ответ. Островерцев никогда прежде не видел Бархатова улыбающимся. За все пять или шесть месяцев, что прошли с его назначения на столь высокий пост.

— Вы пейте чай, Петр Алексеевич, остынет. В холодном не много толку, вкус теряется.

— Да я пью-пью... А закурить у вас можно?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Курите! Кабинет большой. Не задохнемся. Да и мне, как бросившему, табачком подышать в удовольствие.

— Любопытно. Мне кажется, если я когда-нибудь брошу, буду кидаться с кулаками на тех, кто засмолит в моем присутствии.

— Это уж кто как. Вот я люблю подышать. Не полезно, говорят, но что делать, требует организм воспоминаний о том, чем его пичкали почти тридцать лет.

Островерцев вертел сигарету в пальцах, но не прикуривал.

— Мне и курить расхотелось после таких разговоров.

— Ну вот, ненадежный вы человек, Петр Алексеевич, — глаза Бархатова вдруг недобро сузились. — Может, хватит юлить, Островерцев? Вы же первоклассный следователь. А валяете целый день дурака.

Островерцев лихорадочно соображал, что надо Бархатову. Хочет вызвать его на откровенность, пронюхать что-то, а потом использовать информацию в своих целях. А что у него за цели? Вот вопрос-то! Подсигивает генерального? Не исключено. Но его такими дешевыми приемами не расколешь. Нет уж, меня им не впутать. Пусть сами разбираются.

— Вы можете написать рапорт о моем служебном соответствии.

— Насчет рапортов не беспокойтесь. Напишу, когда будет необходимость. Завтра я жду от вас письменный отчет о том, как идет расследование. Очень подробный отчет.

— Слушаюсь. Но я могу доложить и сейчас.

— В обычном стиле? Те-то допрошены, то-то изучено, выводы делать рано, но есть подозреваемые. Версии надо проверять.

— Вы хотите предложить другой метод расследования? Что ж, я с интересом отнесусь к вашему предложению.

Бархатов встал, тяжело вздохнул, не глядя на Островерцева, приблизился к окну. Взгляд его застыл на некой точке там, за стеклом. Петр Алексеевич допил чай. Вот теперь бы закурить! Чуть слышно щелкнула зажигалка, и тонкая струя дыма отправилась к потолку. Заместитель генерального прокурора по следствию

Лев Сергеевич Бархатов стоял не шелохнувшись. Островерцев кашлянул, звучно переложил ложку с одного края блюдца на другой.

— Петр Алексеевич, вас никогда не удивляло, что люди все время убивают себе подобных?

— Удивляло. Но ни от моего, ни от вашего удивления ничего не изменится. Мы слуги государства, исполнители его воли. И не нам решать, хорошо или плохо государство. В конце концов, насильно нас сюда никто не загонял. Впрочем, я не философ, а простой следователь, да и времени у меня сейчас нет. Мне надо взрыв расследовать... или, во всяком случае, делать видимость расследования. Искать виноватых.

— Виноватых или виновных?

— Не понял.

Бархатов раздраженно нахмурился. Обошел свой габаритный стол, сел напротив следователя, заговорил тихо и отчетливо:

— Вы продолжаете ломать комедию, остаетесь верны своей репутации. Ну что ж! Дело ваше. Но я все равно поставлю перед вами несколько вопросов. Надеюсь, что они вам пригодятся. Пусть следующий наш разговор не будет таким бесполезным. Найдите время пораскинуть мозгами.

Островерцев тщательно, будто сейчас нет ничего важнее, затушил сигарету, чуть не продавив окурком дно пепельницы, затем поднял глаза на Бархатова, давая понять тем самым, что он готов слушать, хотя и убежден в бессмысленности всего того, что сейчас последует.

— На том, чтобы это дело расследовали вы, настоял Матрасов. Как вы думаете почему?

— Прислушался к рекомендациям генерального...

— Чушь. В этой паре все наоборот.

— Тогда генеральный прислушался. А Матрасов считает, что я решу это дело как надо. Что еще может быть? Да и вообще это лучше его спросить.

— Вы в свое время чуть не арестовали его. Он должен вас ненавидеть. Не меньше, чем вы его. Его мстительность и злопамятность всем хорошо известны. Так почему?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Я же сказал вам, мне это неведомо. Я человек подневольный. Выполняю приказы.

Бархатов откинулся на спинку стула, покачал головой.

— Я в свое время расследовал дело о так называемой «узбекской мафии». В нем было замешано немало сотрудников местных правоохранительных органов. Так вот. Я тогда поражался, как люди, которые провели не один десяток допросов, когда попадали на место допрашиваемого, не могли применить ни одного приема, чтобы скрыть свою вину или хотя бы облегчить ее. Раскалывались, как орешки с тонкой скорлупой. Вы не из таких.

— Я просто не понял, что это допрос.

Оба принужденно засмеялись.

— О чем с вами говорил Матрасов сегодня после совещания? — Бархатов использовал легкое потепление для новой атаки.

— Вы уже в курсе...

— А вы сомневались? Так о чем?

— Просил довести дело до конца быстро и осторожно.

— «Просил» в том же ключе, что и на совещании?

— Да.

— А как вы собираетесь искать виновного, из кого будете его лепить? Ведь вы все-таки собираетесь его искать?

— Есть варианты. Директор сада, например. На «психа» он, правда, не совсем тянет. Но лучшего кандидата пока нет. Его разрабатывает моя лучшая сотрудница.

— Это Голикова?

— Точно.

— Симпатичная барышня.

Действительно лучшая?

— Действительно.

— А кто занимается всей этой неразберихой с камерами?

— Астахов. Арнольд Сергеевич, между прочим, очень настаивал на этом. Как вы думаете почему? — Островерцев решил позлить Бархатова неуместным вопросом. Но тот не успел ответить. На его столе затрещал телефон, и лицо искадила досада. Однако, пока он слушал звонившего, досада сменилась тревогой.

— У меня для вас новость, Петр Алексеевич! Одна и неприятная. Сергей Астахов обвиняется в похищении дочки Амида Хумзаева и убийстве начальника охраны сада Вернисаж Синицына...

Островерцев вскочил.

— Чушь какая-то!

— Однако это еще не все... При аресте он оказал сопротивление милиции и сбежал.

* * *

Разговор с Аскользиным пришлось ненадолго отложить. Прибыла бригада из МУРа. Тимофеич вкратце ввел их в курс дела. Старший группы капитан Корякин присвистнул и смачно плюнул в новейшего дизайнера урну.

— Ничего себе! Среди бела дня человека прикончили. У всех на виду.

К ним приближался один из экспертов.

— Товарищ капитан, у него на шее след от укола.

— Хм. Ну, все понятно. Сначала укололи, потом повесили. Все сходится, Владимир Тимофеевич?

— Так-то оно так. Да вот непонятно зачем... Если он кому-то мешал, можно было его кучей более безопасных способов убрать. К чему так рисковать? Какая-то грубая и бессмысленная работа.

— А это уж мы будем выяснять! То, что дело это к вашему взрыву имеет отношение, не факт. Далекие очень дела. Там взрыв, здесь труп. Мало ли за что этого субчика вздернули! Если соединят дела, милости просим. Но я врагу не пожелал бы, если честно. Классический висяк. Мне на такие везет... Ладно. Дождемся, чего начальство надумает. Может, еще встретимся, а может, и нет...

— Само собой, начальству виднее. Спасибо, капитан. — Тимофеичу не терпелось подняться к Аскользину.

— Да за что спасибо? Чудак вы! Это мы вам спасибо должны говорить за информацию.

Тимофеич донес до Корякина только то, что считал нужным. Про секретаршу и неудавшуюся за ней погоню умолчал. Сами пусть докапываются. Сейчас они все могут испортить. Но девка-то какова!

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Разыграно как по нотам. Даже он, следователь прокуратуры, им не помеха.

— А здорово вы этого дурика напугали, что внизу. Он и нас пускать не хотел. На ваш приказ ссылался.

Прыгунов усмехнулся и пожал капитану руку, желая как можно быстрее с ним распрощаться. Знал бы Корякин, сколько сегодня ошибок и промахов совершил старый прокурорский волк! Больше просто невозможно. Он исчерпал свой лимит.

Аскользин только что проглотил таблетку и теперь искал, чем бы отбить во рту вкус лекарства. Вода не помогала. Он позвонил в приемную и попросил принести чего-нибудь сладкого. Сладкого он в обычные дни избегал из-за повышенного сахара, но сейчас уже не до этого.

— Давайте выпьем... Я не могу прийти в себя. — Аскользин протянул руку к сейфу, достал пузатую бутылку и две стопки.

Свою разом проглотил и налил себе еще.

— Вы не пьете? Ну как хотите. Думал, мы помянем.

Прыгунов молча пригубил.

— Вы только что отпустили домой вашу новую секретаршу Веру. Она, если я не ошибаюсь, работала на канале первый день.

— Да. Верочка Игнатьева. Надо же, первый день на работе, и тут такое... Девочку можно понять. Она чуть жива...

— Как она попала к вам?

— Как и все. Через отдел кадров. У нее было отличное резюме. Большой опыт подобной работы.

— Вы сами читали резюме?

— Нет. Я доверяю нашим кадровикам. Да и не до этого сейчас.

— А зачем вам потребовалась секретарша? Освободилась вакансия?

— Нет. Все на месте.

Предполагалось, что в связи с переменами народу нужно будет больше.

— Кем?

— Что кем?

— Кем предполагалось, что нужна будет новая штатная единица в вашем секретариате?

— Я предположил. Пока еще я директор.

— Вызовите начальника отдела кадров.

— Она в отпуске со вчерашнего дня.

— Кто исполняет ее обязанности?

— Сейчас попрошу, чтобы ее позвали.

— Попросите все, что есть об Игнатьевой.

— Честное слово, я уже боюсь кого-то по вашей просьбе вызывать. А Игнатьева вам зачем? Может, позвонить ей и попросить вернуться, если уж она так вам нужна?

— Если бы я был любитель пари, я заключил бы его с вами. Номер ее не ответит и вы ее никогда больше не увидите.

— Что вы такое говорите?

— А вы наберите.

Аскользин нажал что-то в телефоне и поднес трубку к уху. В ответ он услышал механическое: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

— Вы правы, но это ничего не значит. Она, скорее всего, в метро.

В двери появилась женщина, высокая, средних лет, в больших очках, в строгом, несмотря на жару, офисном костюме.

— Павел Петрович, вызывали?

— Да. Пройдите. У товарища к вам есть вопросы.

— Это по поводу того, что произошло с Григорьевым? — Женщина явно была напугана.

— Где резюме Игнатьевой? — резко спросил Тимофеич.

— Вот, я все принесла...

Прыгунов подвинул к себе бумаги, но читать пока не стал.

— Кто порекомендовал вашему отделу взять ее на работу?

Кадровичка потупилась.

— Говорите! — Тимофеич повысил голос.

— Позвонили от имени новых владельцев. Просили убедить Павла Петровича взять эту девушку. Требовали ему не говорить, откуда просьба. А его и убеждать не надо было...

— Кто именно звонил?

— Григорьев. Покойный Григорьев...

Тимофеич понял, что, несмотря на его предупреждения, все уже знали о случившемся. Шила в мешке не утаишь. Менты заявили шумно, да и охрана переполох создала немалый.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Кому все это выгодно? Кто все время опережает его?

Встреча вместо жадного обсуждения принесла тяжесть. Снаряд не попал в цель, разорвался прежде, и теперь вокруг лишь дым. Они молчали, не глядя друг на друга. И эта кафешка, бывшая для них пристанищем не один год, теперь предстала во всей своей общепитовской пошлости. Тяжеловесные пепельницы, дым сигарет, разношерстные и торопливые даже в этот час люди. Одно слово — казенный дом. Да, казенный дом. Карточная примета гадалок? По Неглинной сновали дорожные машины, холодные и бездушные, как многое в этом городе, так мечтавшем быть имперской столицей и так больно разавшем свою тугую кожу осколками этой мечты.

Новость об аресте, а потом о побеге Астахова ошеломила группу. В самом этом факте было столько абсурда, все это так не вязалось с идеальным острожным Сергеем, что поневоле заставляло содрогнуться от силы, изобретательности и цинизма нынешнего их противника, пока еще неведомого, теряющегося во многих людях. И теперь каждый взвешивал внутри себя, правильно ли они делали, что вели все это время двойную игру. И хотя во все, что случилось с Сергеем, верилось все еще с трудом и можно было убеждать себя, что не пройдет и дня, как почти наверняка появится объяснение, но что-то надламывалось в них медленно и больно.

Никто не нарушал тишину. Кофе и чай стояли нетронутыми. Астахов... Астахов. Как же так? Не прошло и дня, а их группу уже пытаются парализовать. Два обвинения, каждое из которых тянет на немалый срок. Два. Никаких детей он, конечно, не крал и тем более никого не убивал. Однако маленький червь сомнения все еще размышлял: выползть или нет. Как он, опытный следок, смог это допустить? Почему так легко попался? Наверняка ведь классическая ловушка. Заманили и прихлопнули. Но он не мальчик. Он бы не сунулся в квартиру, все не проверив. На что же его поймали? И как ловко их всех взяли на

крючок. Всех! Кто-то умышленно вяжет их по рукам и ногам.

Безвыходная ситуация — это ситуация, из которой выход только один.

Островерцев не без труда начал:

— Предлагаю разделить наше совещание на две части. Сначала обсудим ситуацию с Сергеем, а потом обменяемся версиями в русле общего расследования. У нас очень мало времени. С разговорами надо уложиться не больше чем в час-полтора и продолжить работу каждому в своем направлении, — Петру Алексеевичу стоил немалых усилий спокойный тон. — Думаю, логично будет восстановить весь астаховский день вплоть до его исчезновения. Черт, вот где сто раз проклянешь его скрытность.

— Да, — подтвердил Прыгунов. — Серега — редкий в этом плане экземпляр.

Тимофеич после сегодняшних происшествий очень плохо себя чувствовал, сердце кололо не на шутку, и было больно дышать. Но раскисать нельзя. Все слепилось в кучу: и Аскользин, и секретарша, и разломанные машиной кусты, и стремянка, и Григорьев в петле, и Черепицын, и Машка, и телевидение это треклятое... Мешанина какая-то. А теперь вот Серега с убийством и похищением. Что-то больно крутовато для одного дня. А уж Серега — тертый волк, несмотря на молодость: и зубы есть, и хватка. — Весь день он был почти рядом, разрабатывал кавказский след, встречался с Хумзаевым, отработывал версию о выключении видеокамер. Перспективная версия. Можно даже сказать, ключевая. До этого разговаривал с Кургановым, как раз по поводу камер. Потом поехал искать начальника охраны сада Синицына. Кажется, он запрашивал его досье. Зная логичность Астахова, предположу, он не стал бы далеко отклоняться от одной разрабатываемой линии. Видимо, эти трое — ближайшие звенья одной цепи. Курганов, Хумзаев, Синицын. В любом порядке. Может, начнем с Хумзаева?

Голикову, слушавшую сейчас Прыгунова, терзали мрачные предчувствия. Причем это касалось не столько Астахова, сколько их общего

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

будущего. Кто-то всерьез, с силой наступил им на хвост, взяв след. Такого предупреждения у них еще не было.

— Прессовать Хумзаева сейчас опасно. Да и в милицию лезть за подробностями — глупо. Не для того Астахова взяли в оборот, чтобы нам доложить что, как, почему, и при каких обстоятельствах. Будут заматывать. Конечно, если его в итоге поймают, можно попытаться надавить на следователя, который будет вести дело. Но вряд ли это к чему-то приведет. Влипли, так влипли. Полезем к Хумзаеву — где гарантии, что он тут же не доложит куда не следует? Нет гарантий! Думаю, если Серега жив и действительно бежал, он найдет способ выйти на связь. Хотя наверняка уже в федеральном розыске. И уж искать-то его будут ой как тщательно.

— Из всего того, что мы знаем, подстава весьма тривиальна, но... — Тимофеич на секунду задумался. — Но очевидно одно: у них мощный административный и людской ресурс. Видимо, была подробная схема действий, раз сработали так слаженно. И закрутили все, и ментов вовремя прислали. Разыграли как по нотам.

— Все, кроме побега. Выходит, так?

Островерцев подозвал официантку, что-то тихо сказал ей.

— Сигареты кончились. «Важняк» посмотрел на Тимофеича и Голикову почти виновато.

Совсем молоденькая девчоночка в форменной одежде принесла на подносе блестящую пачку сигарет.

— Я предлагаю не торопиться... — Островерцев произнес то, что от него никак в данную минуту не ждали. — Не исключено: все, что произошло с Сергеем — это только повод заставить нас спешить... Кто-то очень хочет, чтобы мы засуетились, — он быстро щелкнул зажигалкой. Тонкая, сухая и сильная рука Голиковой нехотя потянулась к островерцевской пачке.

— Ты же бросила? — Прыгунов далеко не первый раз видел, как бросившая девушка «развязывала».

Голикова, морщась, закурила, выпустила дым.

Петр Алексеевич показал официантке жестом, что они желают рассчитаться.

— Да... — усмехнулся Хумзаев. — Утром мы вкушали напиток получше. Не люблю я водку, хоть и живу здесь давно, а не люблю. То ли дело наш кизлярский коньячок.

Амид налил до краев две стопки. Астахов не чокнулся с ним. Не за что было чокаться. За то, что раскидали оперативников? За это ответ впереди. Что они не в КПЗ? Тоже вопрос времени. За то, что им есть где отсидеться? Конечно, хорошо, что у Хумзаева оказалась эта вот «резервная» квартира в окраинном Бутово для всяких встреч, деловых и интимных, но стопроцентного доверия к Хумзаеву у него все еще не было, как, видимо, и у Хумзаева к нему. Но что делать, коли обстоятельства все решили за них? Оба они прокручивали в голове, как выбраться из переделки, и выхода не находили. Астахов десять раз бы подумал, бежать от оперативников или нет, но ему не оставалось ничего другого после того, как Хумзаев набросился на них. Изумленные Устюговы не проронили ни слова. Видимо, решили, что скрывали у себя все-таки бандитов. Ведь те, кто против милиции, это наверняка бандиты. А как же иначе?..

— Зачем ты это сделал? — спросил Амида Астахов. — Арестовывали ведь меня. Нашел себе неприятностей. Я бы как-нибудь выкарабкался. А теперь на нас сопротивление сотрудникам милиции. Заметь, не на мне — на нас.

— Да нет... Пришли не только за тобой. Пришли за мной и всей моей семьей. Первый раз я спасовал, а второй — сам Аллах велел ответить. Ты знаешь... — Выпив еще стопку и прищулив глаза, Амид медленно отдавал Астахову каждое свое слово. — Ты ведь прав был: там, в Кунцево, я мог тебя убить запросто. Слава Аллаху, этого не произошло. Видимо, это и была часть их плана. Кому-то не на руку расследование. Я бы пошел за убийство, причем с уже написанным признанием о совершении взрыва. Две статьи. Сколько там жертв-то в «Карт-бланше»? Десятки, по предварительной оценке? Ну вот...

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

с тобой — еще плюс одна. Пожизненное, я так понимаю. Или второй вариант: меня убиваешь ты. Тоже неплохо. Ты сидишь, дело раскрыто благодаря все той же бумаге.

— Резонно, — Астахов подцепил вилкой склизкий гриб. Он кожей ощущал, что они в большой опасности. Расслабляться спиртным было не время, но иначе от мандража не спастись. Что-то было не так в этой истории с их побегом. Сергею не давал покоя вопрос: почему не было погони и даже ее попытки? Не очередная ли это ловушка? Все же с какой стати кавказец так подставляется? Горячая кровь — понятно. Но здесь не горы, и кому как не Хумзаеву это знать? Он никак не мог отделаться от ощущения, что кто-то просчитывает их, и поступок Хумзаев просто отлично вписался в чью-то схему.

Астахов прикидывал в голове, на что рассчитывали оперативники, когда пришли арестовывать его? Как бы они доказали виновность? Выходит, начальника охраны Синицына они уже грохнули, раз пришли с обвинением. Правильный, значит, был след. Кто-то по нему шустрее меня продвинулся. Кто-то собирался убить всех зайцев одним залпом. Они с Амидом все же сорвали их план. Или нет?

— Пьем мы с тобой, Амид... пьем и не заметим, как нас здесь и накроют.

— Нет. Хвоста не было. А знать про квартиру — никто не знает. Даже мои родственники.

— И все равно, не изба же это в тайге. Долго оставаться здесь нельзя. — Астахов таким образом проверял Хумзаева: будет чересчур рьяно настаивать, что им нужно быть здесь, значит, надо рвать отсюда.

— Как скажешь... нельзя так нельзя, — устало бросил Амид. — Но куда идти-то?

Далеко внизу вздыхала после тяжелого дня московская окраина. Астахову не нравилась ни эта нежилая, неуютная кухня, ни эта квартира, ни этот безликий бутовский район.

В открытое окно слабо дунул ветерок, и рама скрипнула, поползла. Провод на потолке, державший лампочку, закачался. Абажур здесь посчитали необязательным. У Астахова побаливала рука: все же

один из тех, кто пытался его сегодня арестовать, дернул ее крепко.

В ярком электрическом свете волосы Астахова выглядели огненными.

Амид снова потянулся к бутылке, но Сергей прикрыл рюмку ладонью.

— И тебе не советую. Давай-ка лучше мозгами с тобой пораскинем, что нам делать дальше. Кто-то очень не хочет, чтобы мы мешались под ногами. Если решим отсиживаться здесь, это будет им на руку.

Амид в ответ кисло улыбнулся:

— Тебе виднее.

— Но сколько нам сидеть? И какой смысл в этом? Тебе надо возвращаться к семье, к бизнесу. У меня тоже есть кое-какие дела.

— Спору нет, — согласился

Амид. — Я пока вообще не соображаю, что делать. Думаю, надо...

— Что?

— Ждать.

— Сколько?

— Хотя бы до завтра. Телефоны отключить, чтобы по сигналу нас не засекли. Надо осмотреться, нет ли наблюдения за домом, а там — посмотрим.

Астахов понимал, что в словах лакца есть доля правды. Спешка сейчас слишком опасна, но и медлить было рискованно.

Сергей прокручивал посекундно все события дня. Странно, что, вырубив их на лестнице, они не вынули из барсетки Хумзаева признание — уж наверняка бы пригодилось. Амид считает, что хотели забрать потом, при аресте. Какая-то белиберда... Похоже или на непрофессионализм, или на изощренный расчет. Ведь только шеф и ребята могли быть в курсе того, что он едет к Синицыну. От них утечка исключена. И все же... Можно ли вообще их было там свести в одно время, или это еще одно совпадение?

Стоп!

А рыжий веснушчатый парень в метро, что толкнул его?

Точно, соглядатай. Ведь если бы не он, я бы не заметил Амиды. Он толкнул меня в вагон, видимо, до этого напирая на толпу, потом сделал так, чтобы Хумзаев вошел в мое поле зрения. Если догадка верна, то работали ювелиры.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Вот что, Амид... время — деньги. Давай-ка все же освободиться от этого.

Сергей поднялся с табурета и выключил в кухне свет, затем тихо подошел к окну и встал немного боком.

— Тебе нужно будет сейчас выйти из подъезда и пойти вон к той детской площадке. Видишь ее между домами? С собой возьми бутылку водки. Сядь на качели. Изображай, что очень пьян... Не теряй из виду окно. Если я зажгу свет, значит, нас вычислили и за тобой пошли. Не пугайся — вставай и иди. Вон в ту забегаловку. — Сергей показал рукой на магазинчик с горящими в красном круге цифрами «24». — Там обязательно будет народ. Нахами кому-нибудь, затей драку. Этим ты себя обезопасишь, в драку за тобой не сунутся. Это местная милиция, разборки, объяснения... Они выждут время и найдут способ нас взять в более удобной для себя диспозиции. Дальше сориентируемся. Если все будет чисто, значит действительно слежки нет, идешь обратно, и можно думать дальше, на время выдохнув.

Вечером у Москвы есть свои любимые сцены. Она в ложе, она смотрит спектакль сумрака в миллионный раз и может выбирать исполнителей и сюжеты по своей прихоти. Вот бомж, когда-то бывший младенцем, подростком, юношей, не исключено, что мужем и отцом, радуется лету и теплу, такому спасительному для его бездомной жизни; вот нищий пересчитывает собранные за день деньги и прикидывает, сколько оставят ему «хозяева»; вот издаваемые писатели распивают водку в дешевых пивных или просто в подворотнях и рассуждают о лучшей жизни; вот случайные, как любовь, пары выходят из клубов и баров, чтобы продолжить ночь, слившись в одну жаркую, стонущую, пульсирующую плоть. Но больше всего столица любит просто глазеть на то, как подрагивают листья на фоне сонного темного неба и как в некоторых окнах гасят привычным движением свет...

Они шли в сторону сада Вернисаж. Три их тени мягко ложились на асфальт.

С момента взрыва минули почти сутки.

Сад снова открылся для посетителей. Договоры, коммерция, лето в конце концов взяли свое. Правда, желающих тихого отдыха на недавнем пепелище, унесшем с такой легкостью столько жизней, было маловато. Но все же сад не пустовал. На открытых верандах сновали официанты, манил мягкий свет, падающий на маленькие столики с уютными глубокими креслами, доносились запахи.

— Как твой Курганов? Видать, он не очень впечатлительный: кровью и смертью его не запугаешь, быстро к делам вернулся. Что дало наблюдение? — Островерцев обратился к Лене таким тоном, будто его не особенно волнует, что она ему ответит.

— Ни с кем сегодня не контактировал. Из прокуратуры сразу поехал на работу. Вел себя очень хладнокровно и профессионально. Извинился перед всеми арендаторами сада, договорился о компенсации, быстро возобновил обычный порядок работы. В разговоре со мной все валил на начальника охраны. За безопасность, мол, отвечал майор Синицын и никого к этой теме не подпускал. Но один раз прокололся. Из прокола очевидно: тот факт, что камеры в момент взрыва кто-то выключил, был ему известен.

— В каком смысле?

— Утром Астахов говорил с ним по телефону, кассеты еще к тому моменту осмотрены не были. Он их только-только взял. То есть никто вообще не мог знать ничего про камеры. А Курганов проговорился, что в курсе про камеры и якобы ему об этом сказал наш Астахов.

— Это может быть случайностью. Просто перепугался, неточно выразился. Запись допроса есть?

— Само собой.

— Потом послушаю.

— Шеф, вы перестали мне доверять? — Голикова остановилась.

— С чего ты взяла? Просто разные нюансы, нужно самому

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

услышать голос, интонацию. Не бери в голову. Что еще по Курганову?

— Получается, он не очень полагался на своих сотрудников, стремился за всем следить сам, пусть и не особо афишируя это.

— Ну, это не криминал! Нормальное свойство опытного руководителя.

— Да, верно. Но слишком уж он напирал на то, что к безопасности сада отношения не имел, и упорно все валил на Синицына...

— Он всего лишь валил. Но кто-то его убил, этого Синицына? Так ведь...

Они медленно прохаживались по аллеям, наблюдая за причудливостью своих теней в свете фонарей.

Голикова схематично рассказала биографию Курганова. Большого воодушевления у Островерцева ее рассказ не вызвал. Да и сама она понимала, что все, часами ранее представлявшееся ей интересным, — всего лишь бесполезные факты обычной человеческой жизни, надломленной слишком большими амбициями. И что с того, что его отца сослали в Лейпсиг, а сам он был пойман на книжном воровстве? Что дает это раскопанное грязное белье, кроме чувства брезгливости?

— Значит, ничего серьезного у нас на Курганова нет, кроме того, что он отличный мужик, добропорядочный гражданин и хороший хозяйственник. У нас в запасе только завтрашний день. И все. А потом нас начнут рвать на куски.

Тимофеич все это время молчал. Сердце ныло все тяжелее. Хорошо, что по дороге им встретилась аптека, а то в суете он забыл дома лекарства.

— Ну что, Владимир Тимофеевич, вам лучше?

— С чего вы взяли, что мне плохо? — Тимофеич, стеснясь своего недуга, у аптеки сказал, что нужно купить лекарства для жены.

— Ну мне ли вас не знать. Нитроглицерин?

Тимофеич кивнул.

— Давайте присядем.

Троица расположилась в довольно неуклюжей на вид беседке. Тимофеич в деталях рассказал о визите Брамбориса, о смерти Григорьева, о разговоре с

Аскользиным, о секретарше Игнатьевой...

— А что сказал Аскользин про анонимные письма?

— Знать про них ничего не знал.

— Любопытно. И без этого «гнома» все выглядит так себе, а с ним еще хуже. Но главное, что погибли не все.

— Брамборис точно жив. По всей видимости, Черепицын тоже.

— Да, кажется, насчет Черепицына Брамборис не врет.

— В таком случае надо найти Черепицына и выяснить все про угрозы. Хотя Брамборис и говорил, что Черепицын, в отличие от всех, писем не получал. Занятно. И зачем Брамборису так его подставлять? Не по-мужски...

— Да, Черепицына нужно допросить. Тем более, не ровен час с ним что-то случится. Хотя это я уже от отчаяния. Он сейчас, наверное, с ума сходит от страха и счастья. Телевизионщики нам еще нервы попортят. Следите, как будет вестись дело об убийстве Григорьева. Любопытная ситуация складывается на канале Т1, — продолжал Островерцев. — По всему выходит, что Матрасов продал его по дешевке сам себе. Спрашивается, зачем такие сложности? А вскоре после продажи — закрыли самое рейтинговое и прибыльное телешоу. Сначала закрыли, а потом взорвали.

— Вполне возможно, что здесь нет связи. «Гномовцы» могли оказаться в «Карт-бланше» случайно, — вступила в разговор Голикова.

— Все возможно. И Григорьева — продюсера шоу — тоже случайно в петле могли вздернуть, и секретаршу, которая впустила «ремонтников», приехавших туда за Тимофеичем, Григорьев тоже взял на работу случайно. Есть связь, нет ее — вопрос. Возможно, тот, кто затеял все это, очень хочет, чтобы мы ее увидели и искали... а может, и нет. Ничего не знаем. Уравнение со всеми неизвестными. Одни иксы. Но в центре по-прежнему Матрасов. И «Гном», и «Карт-бланш», и мы — замкнуты на нем. Но погиб его сын, а это переворачивает и ломает все возможные схемы и предположения. И

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

кто был мишенью взрыва — вопрос вопросов.

— Да, фактов много, толку мало, — покачив головой, сказал Тимофеич. — И свидетелей толковых нет. Только Брамборис и Черепицын. Брамборис очень подозрительный, но, с другой стороны, можно понять парня, из такой переделки спастись: то ли жив, то ли мертв, да плюс у жены выкидыш. Пьяный, озлобленный.

— Ну, с Брамборисом вы, Владимир Тимофеич, сами разбирайтесь, а Черепицына, пожалуй, я возьму на себя. — Оба мужчины уставились на Лену вопросительно. — Не удивляйтесь, — продолжала она. — Мы с ним знакомы.

Тишину разорвал мобильник Островерцева.

— Это Бархатов... Могу вас поздравить. У нас еще один взрыв.

Когда Амид вышел из квартиры, где обычно занимался куда более приятными вещами, внутри что-то тоскливо оборвалось и упало и будто бросилась на него поджидавшая и уже озверевшая от этого ожидания тоска. Бросилась, обняла крепко, вцепилась, заставила остановиться. Как бывало хорошо дома! Уютно, мирно, жена, дочь, обычные будничные хлопоты. Вернется ли это в его жизнь? Жена, наверно, места себе не находит. Все как гром среди ясного неба из-за этого взрыва — будь он неладен. Почему для разборок выбрали именно его караоке-клуб? Сколько лет ему дадут — одному Богу известно. Да, сколько захотят! Это уж куда вывернет дело. Хотя и так ясно, что, куда бы оно ни вывернуло, прощай все!

Хумзаев жалел только о том, что не дал ему бог сына. После родов у жены возникли серьезные осложнения — операция, а дальше вердикт врачей: больше никаких детей у них не будет. Только Лейла... Как виртуозно кто-то сыграл на его чувствах, зная, что дочь — это все, за нее он в огонь и в воду. Теперь ничего не изменить... Да и не надо. Если бы время повернуть вспять, он сделал бы все точно так же.

Амида аж затрясло от этих мыслей, в животе стало непоправимо просторно, а в кончиках пальцев легко. Он всю жизнь стремился поступать как

мужчина. Так учили его отец и дед, вся история его народа, в горах и битвах познавшего свою правду. Быть мужчиной — это не только доблесть, это еще и плата за нее. И вот сегодня черед расплачиваться. И за себя, и за других... Окончательная цена еще не определена. Кто знает, что ждало бы его в случае, если бы он молчаливо наблюдал, как невинного человека увозят в тюрьму по липовому обвинению в похищении его дочери? Ждала бы только запятнанная по гроб жизни совесть. Небеса не простили бы его!

Хумзаев не привык кому-то доверяться, но Астахову он верил. Они единое целое двойной мишени. По самолюбию горца не ударило даже то, что Сергей явно взял себе роль лидера. В конце концов, он следователь со стажем. У него есть сомнения на счет Амида, и это понятно. А если Хумзаеву еще в нем сомневаться — обоим кранты.

Лифт открылся. Из него резко пахло мочой и еще какой-то дрянью. К горлу поднялась слизь. Сейчас его вырвет. В лифте Хумзаева действительно вырвало. Стыдно невероятно! Хорошо, никто не видел. «Когда все кончится, надо убрать», — решил про себя Амид. — Нельзя уподобляться свиньям».

Отплеываясь, он вышел на улицу. В животе все еще неприятно подсасывало, но самочувствие налаживалось. Хотелось просто холодной воды, припасть губами к краю кувшина, как в детстве...

Отчетливое синее небо продолжало ночную жизнь.

Амид несколько секунд постоял, придумывая, как будет изображать пьяного, расслабился, как учил тренер в Махачкалинской спортивной школе, куда его возили родители из села, и, чуть пошатываясь и что-то напевая под нос, зашагал. Переходя дорогу, он качнулся совсем артистически, так что из промчавшейся мимо него «ауди» донеслась нешуточная ругань.

Краем глаза Хумзаев оценил положение круглосуточного магазинчика-забегаловки, где ему нужно как можно быстрее оказаться в случае определенного развития событий. Толпы там не наблюдалось, но какие-то люди все же были — как

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

раз то что надо. Сергей сейчас смотрит на него, а может, и не только он.

Бутылка водки удобно села во внутренний карман пиджака. Он и забыл про этот пиджак, однажды оставив его в квартире, — настолько бурным было свидание. А вот сейчас сгодился, и бутылку было куда положить, хорошо, что она не выпала, когда случилась неприятность в лифте, да и зябковато — жаркий день не оставил ночи ни капли тепла.

Хумзаев, как и велел Астахов, сел на качели. Детская площадка несла запах сухой земли, под чахлыми деревцами пристроились два парня, у их ног стояли пивные бутылки. Они курили и недобро косились на поддатого кавказца. Пацанам от силы было лет по пятнадцать.

Амид вытащил из пиджака бутылку, осмотрел ее, подержал в руках, потом скрутил пробку, сделал вид, что приложился большим глотком, и громко ойкнул. Пацаны не сводили с него глаз. Только бы не началась ненужная потасовка. Но опасения оказались напрасными. Парни докурили, бросили на землю непотушенные бычки, которые на короткое время красными точками разнообразили ночной пейзаж, после чего забрали свое пиво и поплелись прочь.

А в кухне, где оставался Астахов, в это время зажегся свет. У Амида все сжалось внутри. Неужели все-таки их вычислили? Хумзаев с отвращением бросил водку в сторону. Его охватил некий ступор, смешанный со страхом. Вдруг возникало бешеное желание раскататься как можно сильнее, а потом оттолкнуться и улететь от всего этого кошмара, но он сжал кулаки и поднялся с качелей. «Так, иду в драку. Только бы никого не убить сгоряча», — настраивал себя Амид.

В магазине-забегаловке дым стоял до потолка. Тесно, кучно, рядом с витриной теснились «стоячки» без стульев. Предприимчивые хозяева решили совместить питейное заведение и нехитрый по ассортименту ларек. Все столы, кроме одного, за которым коротали время продавщица и двое завсегдатаев, были свободны. Вульгарная и изрядно поддатая девица с густо накрашенными губами,

что портило ее в общем неплохое личико, курила и громко хохотала. Вот он, праздник окраинной жизни. В такое время явно никто чужой сюда прийти не может, только свои, местные.

Хумзаев довольно бесцеремонно ввалился в дверь, чуть не высадив стекло, и вызывающе посмотрел на компанию.

— Икра есть? — почему-то спросил он.

— Обалдел ты, что ли? — ответила девица. — Какая еще икра? Если закусь нужна, смотри на витрину.

— Икру давай, говорю.

— Да пошел ты! — Девица была настроена агрессивно. — Что это еще за хрен с горы? Вали отсюда.

— Ты кого посылаешь, девочка?

Двое, стоявшие за столиком рядом с девицей, заметно оживились. Один из них с подобающей моменту лихостью сплюнул, угрожающе потер кулаком подбородок и выговорил:

— Тебе чего надо, джигит?

— Я сказал — икры.

— За икрой утром приходи. А

сейчас топай отсюда подобру-поздорову, а то ноги из задницы вырву.

— Зря ты это сказал, — выдавил из себя Хумзаев, и в эту же минуту в него полетела бутылка. Он вовремя успел увернуться. Через секунду в закуской началась драка. Столы летели в разные стороны, крик, мат, звон разбившейся витрины и летящих с полок стеклянных бутылок. Амида загоняли в угол... В дверь влетел Астахов.

— Ну что ж вы, твари, трое на одного?

Астахов бил так, чтобы никого не покалечить. Они ни в чем не виноваты, но шум должен быть сильный. Хумзаев в основном блокировал удары. Девица орала:

— Хватит, придурки! Кто мне заплатит за все? Мне же в жизнь не рассчитаться. Хватит! — но ее никто не слушал. Прекращать драку было нельзя до приезда ментов.

Девица только начала всех разнимать, как отчетливо завизжала милицмейская сирена.

— Уходим! — крикнул тот, что бросил в Хумзаева бутылкой.

Далее мощный толчок.

Показалось, что земле уходит из-под ног. Все... Чудовищный скрежет и отчаянный, густой крик.

Поверить в то, что этот чертов Синицын сбежал, он не мог. Где это видано, чтобы человек исчез, как сквозь землю провалившись, из обезьянника? Мимо камер и дежурных. Все на ушах — а толку-то? Роят носом землю, патрулируют улицы, шмонают прохожих — но это, видать, умелец. Рот провинциального милицейского начальника зло искривился.

— Как же так можно было сесть в лужу! Обделаться! — С его-то стажем! Как объясняться?

Он сидел в кабинете и смотрел на налитый вслянь стакан водки. Громко работал допотопный вентилятор. Водку выпил залпом. Закусил огурцом, достав его рукой прямо из банки.

«Все из-за Надьки, — уговаривал себя старый мент, — не пилила бы за безденежье, не повелся бы на московские барыши. И что теперь? Доложить? Вернуть бабки? А вот хрен им! Сами пусть разгребают. Его не предупреждали, что этот тип окажется таким шустрым. К черту все! Напьюсь, а там посмотрим. Всегда помогал...»

Сергей пришел в себя первым. Рядом, почему-то друг на друге, лежали Хумзаев и крикливая девица. Астахов подполз к ним — встать побоялся, — потрогал шею Амида, потом взял запястье продавщицы-официантки. Слава богу, живы. Он еще не вполне четко понимал, что делает: голова, как в тумане. Донеслись сигналы машин. Различалось не меньше десяти переливов разноголосых сирен. Что-то уж больно много. Что это было?

Будто совсем близко рвануло. Точно, был взрыв. Надо валить отсюда! Час от часу не легче. Драчуны смылись, а зря поторопились, менты, видно, развернулись на полдороге к ним.

Сейчас его план отвлечь соглядатаев дракой и возможным приездом местной милиции выглядел совсем по-детски. Однако что сделано то сделано.

Амид застонал, приподнялся на локте, непонимающе посмотрел вокруг себя. Сергей заметил, что весь рукав

Хумзаева в крови. Вероятно, задело стеклом. Кругом, действительно, все было устлано осколками. То ли от взрыва, то ли от драки.

Астахов встал, приблизился к девушке, приподнял ей сначала голову, потом туловище, наконец поставил ее на ноги. Но тело девицы было словно ватыным, и она, как гуттаперчевая кукла, стала сползать вниз. Тогда Сергей встряхнул ее что есть силы и шлепнул по одной и по другой щеке.

Девушка пришла в себя.

— Ну что, ожила?

— Не знаю еще... — ответила она.

— Ты где живешь? — спросил Астахов.

— Здесь, рядом. Через дом! А что такое?

— Идем к тебе.

— С какой стати? Я вас знать не знаю.

— Очень нужно. Я прокурор.

— Какой ты прокурор? Это кликуха, что ли, твоя? — Возмутилась девица.

— Пожалуйста! — взмолился

Астахов. — Очень нужна твоя помощь. Потом разберемся.

— Ладно, — ответила продавщица. Что-то подсказало ей, что это не треп. — Пойдемте, так уж и быть! — Она с сочувствием посмотрела на раненого Амида, потом обвела взглядом вверенное ей разоренное хозяйство. — С этим что делать? Я одна отвечать за все не буду, так и знай! Если ко мне придут, на вас покажу...

В воздухе пахло гарью. Из нескольких окон дома, где Астахов и Хумзаев совсем недавно распивали водку, наружу рвалось пламя. Одна за другой туда подъезжала пожарная техника и машины скорой помощи. Жители спешно покидали свои жилища.

— Это что, моя квартира? — чуть ни плача взревел Амид.

Астахов ничего не ответил. Все было очевидно. Жуткое зрелище. Когда же они успели заложить взрывчатку?

— Аллах мой, что же ты готовишь мне еще? — Хумзаев по-настоящему плакал.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Успокойся, Амид. Благодаря Его, что нас там не было. Но благодари искренне. И меня не забудь. Да... чуть-чуть вы, ребята, просчитались. Чуть-чуть. Что ж у вас за манера такая — взрывать? Могли бы и полюбовно договориться и с нами, и с теми, кто вам был нужен в «Карт-бланше». Не очень вы с людьми церемонитесь.

Амид шел тяжело, рана все еще сочилась. Сергей предложил ему опереться на свое плечо, но тот отказался.

— У тебя бинты дома есть? — Астахов нервничал. Уже дойти бы скорее.

— Есть, — отозвалась девушка. — Я вообще-то медсестра по образованию. Кончила медучилище.

— Отлично. Значит, окажешь первую помощь.

Астахов благодарил свою интуицию, хоть и полагал, что в данном случае не только она их спасла. Где, интересно, была взрывчатка? На лестнице? Впрочем, не все ли теперь равно.

В тот момент, когда Амид Хумзаев вышел из подъезда, весьма натурально изображая алкаша, с места стала трогаться припаркованная метрах в ста «ауди». Это настораживало. Автомобиль быстро набрал скорость и покатил прямо на переходящего дорогу Амида. Еще немного, и его собьют! У Астахова все сжалось внутри, но несчастья не произошло. Доля секунды отделила Амида от гибели. «Может, уедут подобра-поздорову?» — малодушно понадеялся Сергей, хотя уже всей кожей ощущал, что в автомобиле люди по их душу. Так и есть! Отъехав совсем немного, «ауди» притормозила, сидевшие в ней, видимо, наблюдали за ходом событий, и как только два крепких парня вышли оттуда, Астахов дал знать Хумзаеву, включив свет. У него оставалось немного времени, чтобы успеть спуститься на помощь Амиду в спонтанно выдуманной драке. Знать бы ему тогда, как сильно нужно торопиться! Он всего лишь рассчитывал на шум, возможный приезд ментов (что-то ему подсказывало, что те, кто пасет их, не захотят встречаться с местными милиционерами) или еще чье-то вмешательство, а тут такое.

Кажется, пришли. Амид постанывал. Девушка вставила ключ в замочную скважину и повернула его два раза.

Астахов тяжело опустился на пуфик в прихожей.

— Берись за него скорее, коль ты и правда медсестра, — попросил Сергей девушку. — Как тебя, кстати, зовут?

— Катя.

Кровь она остановила действительно профессионально. Из разбитной подавальщицы разом превратившись в заботливую медичку. Очевидно, Хумзаев ей приглянулся.

— Одна живешь?

— С подругой, снимаем... Мы в кафе работаем вместе, посменно.

— А подруга где?

— Не будет сегодня, не переживайте. Я понимаю, конечно, что вы прокурор, но ботинки все же сняли бы. Не знаю, как вам, а мне уборщиц не на что держать.

Сергей от этого вполне логичного требования нервно вздрогнул.

— Извини. — Краска залила его щеки. — Тапки есть?

Девушка снабдила Астахова домашней обувью.

Правда, по виду вовсе не мужской.

Островерцев заставил Прыгунова поехать домой: таблетки помогли только на время. После известия о новом взрыве и минуты их общей растерянности Прыгунов не удержался, схватился за сердце. Боль пронзила почти полгруди, дыхание будто кто-то крепко сжал в кулаке. Они вышли за ворота сада, Лена поймала машину. Тимофеич с трудом залез на заднее сиденье. Островерцев попросил водителя, как они приедут, проводить старого следователя до квартиры. Тимофеич нахмурился, ему было неловко оттого, что заставил и Лену, и шефа волноваться и хлопотать о нем. Машина уехала прочь, оставив Островерцева и Лену одних.

— Очень устала?

— Есть немного. Дайте еще сигарету...

— Ну вот! Чего тогда бросаешь, коли опять начинаешь?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Островцев достал из кармана пачку сигарет.

— Да что вы как сговариваетесь каждый раз! Что такого? Девушке позволена слабость.

— Откуда ты, слабая девушка, Черепицына знаешь и чего молчала?

— Да нечего особенно говорить. Мы с ним познакомились на дне рождения одного хмыря.

— Уж не Брамбориса ли?

— Нет, другого. Меня туда подруга вытащила. Сегодня она, кстати, обрывает телефон мне целый день, видимо, пытается что-то узнать. Вот ведь дела... Черепицын был ее бойфрендом, и, судя по ее рассказам, сволочь он еще та.

— То есть ты сама с ним не очень-то знакома?

Лена едва заметно вздрогнула:

— Да, видела один раз. В тот самый вечер. Ничего особенного. Мужик как мужик. Немного безвольный на вид. Вряд ли такой способен на преступление.

— Я понимаю, что ты вероятно хочешь спать и вообще хоть на несколько часов вырваться из всего этого кошмара, но у меня тем не менее другое предложение. Пойдем перекусим куда-нибудь, а?

Лена обреченно кивнула.

Сопротивляться воле шефе бесполезно. Он не отпустит ее, пока не сочтет нужным.

— Только не в кафе. Лучше зайдем в какой-нибудь круглосуточный магазин, купим чего-нибудь, а поедем у себя, в Генеральной?

— Отлично.

Они пошли к ближайшему продуктовому.

— Что ты вообще думаешь по поводу того, что в саду в момент взрыва не было ни души?

— Я ответа не нахожу, — Лена вспомнила про Спиридона, которому до сих пор не позвонила. — Который сейчас час?

— Около одиннадцати. А что?

— Вылетела у меня из головы одна вещь. Простите, я сейчас.

Лена отошла немного в сторону и набрала номер Спиридона, но ей никто не ответил. Спит, наверное, или с Чарли гуляет. Завтра найду его обязательно. Открывать перед начальником свою отчаянную попытку поиска хоть какого-нибудь свидетеля и

знакомство ради этого с жителем соседнего с Вернисажем дома Голикова сочла лишним. Если чудаковатый Спиридон расскажет что-то ценное — тогда да.

* * *

Как случается, что к человеку малознакомому неожиданно проникаешься таким доверием, что хочется выговорится, открыть самые сокровенные тайники своей души, поделиться тем, что глубоко-глубоко спрятано от всех? Мы склонны доверять самым близким? О нет! Не так это, дорогие мои друзья! Близких мы бережем, боимся их потерять, посему отнюдь не всегда бываем с ними откровенны. Те, кто нам дорог, знают о нас ровно то, что мы им про себя говорим, а говорим мы лишь то, что способно укрепить в их сознании наш светлый образ. Человеку же случайному, которого, скорее всего, больше никогда не увидишь, все выложить запросто: накопилось, требует выхода... отчего не воспользоваться возможностью? И для здоровья неплохо; те, кто много и долго копят в себе эмоции, — легкая добыча инфаркта.

Астахов и Амид пережили сегодня сильнейшие потрясения, не один раз были, как оказалось, на волоске от гибели, но думать об этом у них не было больше сил.

Хумзаев все еще был бледен, однако лицо его разгладилось, обрело спокойствие.

Сергей еще пять минут назад напрягался, расставляя в голове причудливую мозаику дня, — он знал в ней одно: расположение и движение их фигур. Все остальное тонуло в непонятном мраке неизвестности. Но потом на него навалилась такая усталость, что тело и мозг запросили спасительной передышки.

Катюха стояла к ним спиной, лицом к плите. Надо отдать должное: за короткое время она заставила ее кастрюлями, сковородками, и, судя по ароматам, всю компанию ожидал очень даже вкусный ужин. Амид и Сергей тесно сидели на небольшом кухонном диванчике и напоминали призывников на пересыльном пункте.

Катя со спины была очень даже ничего. Она легко передвигалась, создавала соблазнительные ракурсы,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

будто не замечая мужских взглядов. По ней совсем нельзя было сказать, что она меньше часа назад пережила такой шок.

— Твоя подруга не может неожиданно вернуться? — Сергей уговаривал себя все же не терять профессиональной осторожности.

— Не может. Я же сказала, не переживайте. Она сейчас в поезде. Едет домой, в Питер. Я ее подменяю. Мы с первого класса, между прочим, дружим.

— А какой смысл был сюда ехать из Питера? Что тут, медом намазано? Или там работы не хватало?

— Это вы по своей прокурорской привычке мне допрос устраиваете? Приехали и все. Я ж не спрашиваю вас, почему вы на драку навалились, а теперь отсиживаетесь у меня. Давайте лучше есть. Икры вот, правда, не могу предложить.

— Нравится нам у тебя. И деваться нам действительно некуда. Поэтому, даже если будешь нас выгонять, куда не уйдем. — Сергей попытался улыбнуться.

— После таких слов могу и выгнать. И утра дожидаться не стану. — Девушка облизнула каплю растопившегося горячего сливочного масла, которое чуть пролилось ей на руку из тарелки с дымящейся картошкой.

Посредине стола в высокой вазе доживал последние часы букет роз.

— Юльке ухажер на днях подарил, — пояснила девушка, открывая дверцу холодильника, откуда достала большую копченую рыбу. Она понюхала ее, поморщилась: — Хорошая. Но на любителя... Под пиво сойдет...

— Думаю, завтра нас могут отстранить от дела. Вот и на взрыв в Бутово поехала другая бригада. — Петр Островерцев жадно отхлебнул из стакана чуть приторный апельсиновый сок.

Они перекусывали в его кабинете, утоляя голод купленными в магазине суррогатами.

— Может, позвонить Бархатову? Все же два взрыва подряд. Хорошо бы держать нас в курсе, пока наша бригада не отстранена официально.

— Ты сама-то веришь в то, что говоришь? Держать нас в курсе! Да нас на пушечный выстрел к этому взрыву не подпустят. Это не наше дело. Взрывы разные... и точка. У нас нет причин их соединять. А если б и были, — Островерцев на секунду задумался, — я бы этого не допустил. Информация, кстати, о бутовском взрыве пока очень расплывчатая. Есть жертвы? Нет? По официальным данным нет. Бархатов, кстати, уже дал несколько интервью. Чего это он так оживился? Говорят, что очень профессионально сработали пожарные, даже слишком. Взрывная волна была сильная, но огонь локализовали рекордно быстро, жильцов эвакуировали. Это тебе не «Карт-бланш», где все подчистую, в пыль.

— А целью взрыва было что? Подъезд? Лифтовая шахта? Квартира?

— Предполагают, что взрывчатку заложили в квартире.

— А мы можем узнать точно в какой?

Островерцев ответил не сразу, поскольку дожевывал большой кусок бутерброда с сыром. Потом еще помолчал, будто прикидывая что-то в уме:

— Лет двадцать назад узнали бы легко в сводках. Теперь службы разделены. Но попробуем. В правильном направлении мыслишь, Елена.

Островерцев куда-то позвонил. Потом громко повторил за тем, с кем разговаривал, адрес взорванной квартиры, показав Голиковой жестом, чтобы она записывала.

— Что мы можем успеть до завтра вдвоем? — задумчиво произнес Островерцев, обращая этот вопрос не к собеседнице, а будто к самому преступлению, к тем фактам, которые они еще не оценили или до которых не докопались.

— Думаю, что ничего, — Голикова длинно, вовсе не со служебной вежливостью улыбнулась, — ничего из того, что нам надо успеть, чтобы завтра доложить начальству о раскрытом преступлении.

— А нам надо успеть, и выход у нас только один...

— И какой же?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Пиво пили из высоких чешских стаканов. Когда-то такие считались писком моды в квартирах отечественного среднего класса. В дружественную частичку соцлагеря, Чехословакию, наведывались большие группы советских туристов, и вожаки чешского стекла уверенно переключались в полированные шкафчики неброской советской роскоши.

— Красивая посуда. — Астахов засмотрелся, как плавно оседала пена в тонком импортном стекле. — С собой из Питера привезли?

— Да ну, — Катюха фыркнула, — кто ж такое стекло с собой таскает? Все здешнее, хозяйское. А квартира эта кстати, бабки, Сергеича. Она давно уже тут не живет, у дочки обосновалась, скряга ужасная: обязательно раз в неделю заявляется и чего-то кланчит. Надоела до черта.

— А кто такой Сергеич?

— Босс мой. Владелец магазина.

— А не нагрянет ли сей достойный муж сюда ночью? — Астахову надо было исключить любую случайность.

Сергей поймал взгляд девушки и задержал его в своем, чтобы понять, будет ли она врать. Однако возмущение от намека выглядело правдоподобным. Так не сыграешь.

— Ах, вот вы про что? Все о своем? Вам стол, пиво, а вы с сальными намеками. Так вот, это не твоё дело. Понял?

— А подруга твоя? Он ей, что ль, цветочки подарил? — Сергей не собирался отступать.

— И подруга моя, — Катя зло сощурила глаза.

— Да ладно тебе, — Астахов примирительно, но не очень ловко потянулся к ней через стол и дотронулся до плеча.

— Умеешь ты, Сергей, людей доставать, — покачал головой Хумзаев, все это время молча наблюдавший за ними.

— Зря я вас пустила. Надо было в милицию позвонить, и дело с концом. — Девушка еще не перестала злиться.

Астахов поднял бокал и призывно посмотрел на Катю.

— Мы тебе все объясним. Потом. Обещаю. А сейчас пойми, что мы все равно не уйдем отсюда.

Амида резануло, что Астахов говорит за них двоих, но он промолчал. Будь как будет.

Катя чокнулась с мужчинами и вздохнула уже кокетливо:

— Ладно. Ешьте уж, что ли...

Ели сначала потихоньку, преодолевая то состояние, когда кусок не идет в горло, но так или иначе обстановка расслабила всех, аппетит разыгрался, и Амид с Сергеем под внимательные хозяйские взгляды Катерины накладывали себе еще и еще.

— Может, солёнки быстро нажарить? Смотрю, не наелись? Или картошки еще сварить?

— Давай лучше еще картошки. — Астахов крепко хрустнул огурцом.

Катерина действительно была умелой хозяйкой. Нож буквально плясал в ее руках, и в считанные минуты в белую эмалированную кастрюльку улеглись желтоватые аккуратные картофелины.

Амид здоровой рукой разлил пиво из большой коричневой пластмассовой бутылки.

Катя открыла пошире окно, принесла пепельницу.

— Долго вы собираетесь здесь жить, ты и подружка твоя? — Сергей спросил это как бы между прочим.

— Как получится. А после того, что вы натворили в магазине, вообще не знаю, что будет.

— Ничего. Разберемся. Не дрейфь.

— Боюсь, зарплаты мне теперь год не видать.

— Успокойся, — вступил в разговор Амид. — Я все решу. Деньги — бумага. — Он налил себе еще пива и выпил. — Где у тебя можно прикорнуть? Глаза закрываются.

Катя проводила его в комнату Юльки.

Сергей остался один. Он оглядел кухню, — просто и чисто, — все это время не переставая прокручивать события дня. Он был убежден, что так или иначе выпутается из ситуации, но вопрос — переиграли ли они с Амидом противников. «Нас взорвали. Для них мы живы или нет? Бумаги с признанием от Хумзаева они не получили — ему взрыв не пришьешь. Что касается меня —

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

обвинение в похищении дочери, — это уже проехали. Девочка, слава богу, жива, и после звонка Амида с нее глаз не спустят. А вот Синицын... ау!!! На каком свете тебя искать, мил человек? Если жив — им меня не достать... так, стоп! — Сергея прошиб холодный пот. — Табличка «Вход закрыт». На ней мои пальцы. Какой же я дурак! Шеф, наверное, уже отдал ее на официальную экспертизу. То-то было удивительно, что оперативник, передававший мне ее, буквально вложил в руки и только потом, будто спохватившись, упаковал вещдок в целлофан. Значит, я теперь главный подозреваемый во взрыве. Был запасным вариантом, а стал главным. Так... Срочно разыскивать Синицына. Доставать из-под земли. Господи, пусть он будет не там!» Сергей быстро и мелко перекрестился, прижавшись взглядом к потолку.

Катя вернулась на кухню. Картошка на плите доходила в побулькивающем кипятке, источая родной домашний запах.

— Расскажи про себя, — попросил Астахов.

— Да нечего особенно рассказывать. Из Питера — это ты уже знаешь. Приехали с Юлькой. Работаем потихоньку — на жизнь хватает. Домой даже отсылаем что-то.

— А дома кто?

— Кто-кто! Родители. У меня мать с отцом. У Юльки только отец. Спивается. Мой тоже.

— А какие вообще планы на жизнь?

— Слушай! — Катя посмотрела на него почти с ненавистью. — Ты чего меня расспрашиваешь? Тебе-то что? За душу тебя, что ль, взяла или от нечего делать? У меня все в порядке. А будет еще лучше.

Потепление между ними вмиг растаяло. Сергей не торопился что-либо отвечать. Таких взглядов он за свою жизнь не смотрелся много. У женщин это способ воздействия. Думают, что мужики смутятся и выложат всю правду. Женщины патологически хотят знать правду и принимают за нее все, что им в данный момент выгодно и удобно. Сергей отпил еще пива, празднично осмотрелся. Он готов был к очередному словесному выпадку, как из Юлиной комнаты донесся ощутимый храп.

Картошка сварилась. Катя слила воду, сохраняя подчеркнуто напряженное молчание. Преимущество было на ее стороне.

— Есть расхотелось, — сказал Сергей.

— Что ж, дело хозяйское.

— Да не обижайся ты.

— А кто сказал, что я обиделась?

— Ну дуешься ведь?

— Ой, да больно надо.

Она стала быстро составлять тарелки со стола и наскоро прибираться.

— Пойду я тоже прилягу, если ты не против?

— Иди. Там диван. Разложи, а то он крошечный.

Комната Кати старомодно была спрятана в ковры. Ковер на полу с чудовищным оранжевым узором и ковры на стенах с похожей пошлостью в основе. Все это вкупе с чешскими бокалами — знак мещанской роскоши. Как же бабушка Сергеича рассталась-то с ней? Диван действительно был очень узкий. Астахов легко разложил его и лег как есть, не раздеваясь, подложив руку под голову.

Тьме сопротивлялся только слабый ночник. В его напряженном свете обычная комната в обычной квартире выглядела на удивление загадочно. Не хватало только медленной музыки. Астахов поискал глазами что-то наподобие магнитофона, но, видно, бабка не относилась к породе меломанов.

Слышно было, как Катя включила в ванной воду. Когда девушка в ванной, нормальный мужчина поневоле представляет себе ее тело.

Она вошла в комнату. Открыла шкаф, достала оттуда простыню, а из другой створки — подушку и одеяло.

— На, бери.

— А ты где будешь?

— Что ты переживаешь? На кухне, на диванчике.

— Нет, не пойдет, — возмутился Сергей. — Тогда на кухне я.

— Успокойся! Куда тебе на кухню, у тебя там только голова и поместится.

Астахов спокойно и прямо смотрел на Катю. В нем росло мужское желание, и он не очень понимал, как с ним бороться: заняться с ней сексом —

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

это просто-таки фантазмагорический финал сегодняшнего дня.

Катя собралась было выйти, как Астахов окликнул ее:

— Постой.

— Что такое? — Она устало посмотрела на Сергея.

— Побудь со мной.

Девушка не проронила ни слова. Астахов обнял ее. Хотелось куда-то спрятаться. Женское тело — самое лучшее убежище для мужчины.

На ночь глядя стали поступать первые результаты экспертиз, из архива принесли кое-какие запрошенные Островерцевым материалы. С момента взрыва «Карт-бланша» не прошло еще и суток, а вопросы по делу росли в геометрической прогрессии с каждым часом. Новые сведения были одно противоречивее другого: что-то обнадеживало, что-то, наоборот, пугало. Но самое главное — стремительно убывало время.

На Большой Дмитровке им больше делать нечего.

Когда они, взяв все, что им было нужно, собрались уходить, заверещал мобильный Островерцева.

Звонил Матрасов.

— Ну, что ты скажешь?

Обосрались совсем или еще есть шанс, что вас вытрут? Ты знаешь, мне ведь даже в гроб положить нечего. Эти твари его на микроэлементы разорвали... Может, тебя туда вместо него или кого из твоих подручных, а?

— Надеюсь, завтра будут результаты. — Островерцев сжал зубы.

— Что ж посмотрим, подождем завтра. А то я очень рассержусь на тебя. Давно есть за что...

Петр Алексеевич сбросил звонок и спрятал мобильник в карман.

— Кто звонил? — заволновалась Голикова.

— Арнольд... Похоже, здорово пьяный. — Островерцев пока не собирался посвящать Лену в подробности их утреннего разговора, поэтому ограничился дежурным ответом.

— Ну что? Спать? Или уже проснулась?

— Спать, спать и только спать! — подхватила шуточный тон

шефа Елена. — Хотя, шеф, если вы спрашиваете, значит, мой сон не входит в ваши планы. Так ведь?

— У тебя дома есть кто-нибудь?

— Хм... вопрос, не назовешь деликатным. Ну, положим, что нет.

— Тогда едем к тебе. Сейчас я только дам кое-какие указания экспертам. Жду еще одного очень важного заключения. Уже должно быть, но что-то тянут.

В машине Островерцев и Лена молчали. Она села сзади: очень не любила ездить на переднем сиденье, сама не знала почему. Нечто вроде суеверия. Со Спиридоном так и не удалось встретиться: не очень удобно, получается, что наврала, и теперь выглядела в его глазах обычной трепушкой... но ничего, успеет, объяснит все, в конце концов. И еще, надо позвонить Прыгунову, как там он? Оправился? Но мысль ее будто была прочитана: Островерцев уже набирал его номер.

Трубку взяла жена.

— Он спит. — В голосе пожилой женщины что-то дрогнуло.

— Ну что, Лена... Тимофеич в порядке. Отдыхает. Ты-то сама как? Протянем еще чуток?

— Да не сплю, не сплю, Петр Алексеевич, в порядке я.

— Как там наш Серега? — задумчиво спросил Островерцев. — Черт возьми, вот беда! Но то, что на связь не выходит, — правильно делает.

— Астахов умный. Думаю, он всех перехитрит.

Лена жила в районе Таганки, в массивном, по-советски красивом доме. Смотришь на такой, и не покидает чувство уверенности, надежности, былой гордости за страну. Дом остался, а страна — перевернулась с ног на голову.

Они никогда до этого не бывали друг у друга в гостях: дом — место священное, оно не должно никак соприкасаться с внешним хаосом мира, работы, а жить только внутренним своим смыслом, приумножая уют, спокойствие, тепло, чтобы хранить и оберегать своих домашних. Но сейчас правила нарушены. Сейчас все против правил. Хотелось чего-то надежного, уравновешенного, доброго, в конце

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

концов, — идея с квартирой была спонтанной.

Лена гостеприимно предложила шефу весь ассортимент своего холодильника, но Петр Алексеевич отказался. Он попросил включить компьютер, потом порылся в кармане и достал флешку со скопированными материалами по главным фигурантам дела. Нужно было еще раз все внимательно просмотреть, расшифровать психологию каждого и установить возможность их пересечения в прошлом. Только бы угадать, за какую ниточку потянуть, чтобы размотался, а не запутался весь клубок.

На большом диване, занимающем почти четверть гостиной, Голикова и Островерцев разложили документы, протоколы, экспертные заключения — все, что существовало только на бумаге.

Материала по делу собралось много. Островерцев спросил Лену, можно ли курить в комнате. Она принесла из кухни пепельницу. Петр Алексеевич внимательно всматривался в экран, перебирая файлы, что-то открывая, закрывая, быстро пролистывая страницу за страницей. Зажег сигарету и сильно ей затянулся. Комната начала набухать от дыма и будто уменьшаться в размерах. Лена открыла форточку, после чего придвинула табурет к стулу, за которым сидел Островерцев, и также уставилась в монитор. Петр Алексеевич попросил ее еще раз рассказать про встречу с Кургановым, равно как и все, что ей удалось по Курганову выяснить, а сам смотрел документы, так или иначе связанные с ним. Лена с прокурорской аккуратностью все еще раз доложила, новых деталей не было, она и в первый раз ничего не упустила, только более подробно описала их разговор со стариком Ставским.

Общие их выводы по делу не отличались сенсационностью. Директор сада фигура, спору нет, любопытная. Но ничего весомого, за что можно было бы ухватиться и выдвинуть против него обвинения, по-прежнему не находилось. Беспокоило то, что никаких архивных свидетельств книжного воровства Курганова, о котором в таких густых красках поведал сегодня Ставский, нигде нет,

хотя запросы на заявки были отработаны. Везде один результат: пусто. Не существовало дело, выходит, или замято крайне аккуратно и своевременно? Кто тогда постарался, чтобы все следы были уничтожены? Сам ли Курганов? Для этого необходимо иметь влияние недюжинное. Надо еще раз походить вокруг да около этого Ставского: зачем ему компрометировать Курганова?

— Ты говоришь, он сказал о книжном воровстве очень корректно? — уточнил Островерцев.

— Ну он вообще человек осторожный, старой закваски. Кстати, наружка за Кургановым окончательно отчиталась.

— И что там? Что-то новое?

— Ничего. Все очень пристойно, чисто, никакого дергания, рывков и нервов. Весь день был строго в работе. Звонки исключительно деловые.

— Он или невиновен, или крайне опытен. И все же маловероятно, что сад очистили от людей без его хотя бы косвенного участия, а вот понимает ли он сам, во что его втянули? — Островерцев на секунду поставил локоть на стол, сжал кулак, приставив его к губам. — Постой-постой, в каком городе в Якутии он жил?

— В Лейнске, — ответила Голикова.

— Так... ах вот оно что!

— Что?

— А то, что Матрасов наш именно оттуда, из Якутии, и конкретно из Лейнска. Может быть, совпадение, тем более — город был немаленький. Но что-то мне подсказывает, что знают они друг друга, и знают очень хорошо.

Материала по Матрасову было навалом. И хоть Островерцеву казалось, что изучил его наизусть, он еще и еще раз щелкал мышкой по монитору. Никакой тайны из своей биографии Арнольд не делал, понимая, что шила в мешке не утаишь, однако на поверхность почти не всплывало никаких компрометирующих его фактов из прошлого и настоящего. Журналисты понимали, насколько высокое покровительство имеет этот человек, и связываться с ним откровенно избегали. Специального заказа на него не было, а подставляться за идею — это давно уже архаика. Девяностые годы

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

показательными убийствами отбили всякую охоту лезть на амбразуру, да и времена изменились. Теперь все просто: деньги — товар — деньги.

— Так. Ладно, пока ничего из того, что я ищу нет, но сдаваться рано. Это след. А сколько у нас сейчас в Якутии времени?

— Думаю, рановато, чтобы звонить. Там все спят.

— Ради такого дела не грех и разбудить.

— Что, у вас есть кто-то в Якутии? — удивилась Лена.

— Наши люди, к счастью, есть везде. Надеюсь, старый друг на меня не обидится?

— Не знаю, не знаю. Ваш же друг.

Островерцев набрал номер. На том конце провода долго не отвечали. Наконец трубку взяли.

— Привет, дорогой. Это Петр.

— Привет... Какого черта в такую рань? — пробурчал сонный голос.

— Толик, подъем! — уже смеялся Островерцев, вспоминая студенческую общагу и все тот же сонный голос своего друга, а ныне якутского прокурора Толи Габричевского. После учебы он вернулся домой, на север, хотя у него были реальные перспективы остаться в столице.

— Что случилось?

— Помощь нужна.

— Говори, что надо. — Голос почти полностью стряхнул с себя крепкую дрему.

Островерцев изложил суть дела. Габричевский пообещал перезвонить, как только что-то узнает. Петр Алексеевич откинулся на спинку стула, расслабился.

Голикова ждала, что он что-то скажет, но не дождалась.

— Шеф, выходит, что все-таки Матрасов...

— Звучит прям философски.

Куда же без него! Не сомневаюсь, он в этом деле — ключевая фигура, но вопрос в том, какой именно замок этот ключ открывает. Замков пока навалом. А вот ключа ни одного. Так что и подбирать бесполезно. Понимаешь, влияние Арнольда в последнее время падает. Неизвестно, с чем это связано. Кризис ли привел к новому переделу, или просто наверху меняются

фавориты... Ему смерть как нужно набирать очки в глазах власти, отстаивать право на свое место и доказывать незаменимость. В прошлые годы все выходило на ура. А сейчас начались непредвиденные сбои. Это можно заметить, если внимательно проанализировать некоторые газетные публикации, намеки в интервью первых лиц. Что же делать Матрасову? Поднять лапки вверх и сдать? Но это не в его правилах. Его план действий вполне может быть таков: он организывает взрыв, кулуарно заявляет о своей ответственности за раскрытие (ведь клуб подконтролен ему), потом с помощью прокуратуры, которая, по его указанию, стряпает расследование, в кратчайшие сроки предъявляет виновных. Матрасов наверху рапортует об успехе, намекая, что без его координирования прокурорские в очередной раз бы осрамились. Ему, само собой, верят. Верхушка в гневе на генпрокурора и в восторге от советника министра. Все становится на свои места. Из генерального готовы сделать козла отпущения, свалив на него все неудачи по раскрытию громких дел, а из Матрасова — героя, нового суперборца за правопорядок. Но благородный Арнольд под свою ответственность просит оставить генерального на должности, и если раньше его влияние на него определялось их личными взаимоотношениями, то теперь оно чуть ли не узаконено. Генеральный — вечный должник Арнольда. Мы с тобой лучше других понимаем, что такое быть генпрокурором в отставке. Отныне Матрасов имеет возможность через прокуратуру расставлять все политические фигуры в том порядке, в котором ему необходимо. Борьбу с коррупцией ведь никто не отменял. А это великолепный рычаг! Но в этой версии есть одно очень слабое место, которое перечеркивает все.

— Только одно?

— Одно очевидное. Это его сын. Не мог он не предотвратить даже случайного его там нахождения! Не мог! Случайность почти исключена. Может быть, что-то не сработало? Или вмешались какие-то другие игроки... В общем, очень жирный знак вопроса в этой версии.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Да, тем более что и еще одно слабое место есть.

— Что ты имеешь в виду?

— Зачем ему было взрывать штат «Гнома»? Или здесь, на ваш взгляд, случайность более вероятна? Тем более что канал Т1, как вы сами сказали, Матрасов перепродал сам себе.

— Думаю, Арнольд замечает следы. Хочет канал сделать средством политического влияния. Сдается мне, шоу скоро возобновят в другом формате. Оно ведь было невероятно популярным, и какое-то время после закрытия след этот будет густ. Массовых технологий сейчас предостаточно, специалистов тоже хватает. И вот Матрасов всей этой мощью будет пользоваться. Представь, и силовики под ним, и массмедиа, и серьезный сегмент оргпреступности. Кто еще более влиятелен, чем он? Несколько человек в государстве. А у него амбиции на серьезную роль в стране. Новый Мазарини, ни дать ни взять. Из одного из выживших ведущих можно запросто сделать героя, жертву реакционных сил, олицетворения победы света над тьмой, чистоты над безнравственностью, знаменосца новой политической силы. Сюда и письма укладываются, если они вообще были... Пойми, для таких, как Матрасов, нет преград для осуществления своей цели. Положить на алтарь жизни каких-то телевизионщиков? Да раз плюнуть!

— Кто из уцелевших будет вести новое шоу? Брамборис? Черепицын?

— Это мы скоро узнаем.

— Ну а Астахов? Вся эта история с его арестом и побегом? — Лена взяла сигарету из пачки Островцева и лежавшую рядом зажигалку.

— Ну что Астахов? — Петр Алексеевич на секунду задумался, но было очевидно, что за это время в его голове пронесся вихрь связанных друг с другом мыслей. — Обрати внимание, возня с Сергеем вроде бы не имеет на первый взгляд прямого отношения к взрыву в караоке-клубе. Единственное, что связывает, — это Хумзаев. По этой ниточке можно повесить взрыв на Сергея.

— Кому это можно?

— Много кому. Думаю, что не только мы занимаемся расследованием, генеральный наверняка перестраховывается, страшится за лавры. И как знать, может, Матрасов ему указал на Астахова. Меня же он просил сориентировать Астахова на выяснение ситуации с камерами наблюдения. Вопросы еще есть? Вписывается Серега в это дело. Борьба за чистку рядов опять-таки сейчас что-то вроде моды. Им же не нужно это всерьез, нужна имитация и козел отпущения. Но нельзя не учитывать, что генеральный тоже далеко не прост и способен выполнять указания не только Матрасова. Одна надежда, что Серега жив и знает, что делает. Верю, что это так, и хватит об этом.

— Уж больно все сложно! — Лена прикурила и сильно затянулась. — А если Сергею мстит какой-то его враг...

— Враг внутри прокуратуры, ты имеешь в виду?

— Ну да...

— Маловероятно. Такая сложная комбинация не может быть реализована одним мозгом и одной парой рук. Тут, определенно, группа. Только кто ее возглавляет? Скорее всего, тот, кто с большими звездочками... и, бесспорно, под серьезный заказ. Но в любом случае без Астахова не разобраться. Эта нить в самом центре клубка, чтобы добраться до нее, надо разматывать и разматывать. Возможно и то, что они хотят по каким-то своим причинам бросить нас на выручку Астахову и в итоге дискредитировать всю группу. Они рассчитывают так или иначе, что мы начнем выяснять все про Синицына, затем примемся тормозить Хумзаевых и в итоге и Сергею не поможем, и время потеряем.

— А я уж собиралась предложить пощупать эти линии. Как-то нехорошо мне оттого, что мы бездействуем.

— Мы действуем. До утра все решится.

— У Астахова каждая минута на счету.

— Я что, не ясно объяснил? Главное — не утопить его окончательно. А на это как раз и рассчитывают. Ценю твои

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

благородные чувства. Свари-ка кофе, что ли?

— Сейчас. — Лена прижала недокурленную сигарету плотно ко дну пепельницы, пока слабый огонек, задохнувшись, не погас. Только бы Островерцев не раскусил подлинных причин ее разочарования.

— Что ты так поникла? Все в порядке, толькождемся нескольких звонков, покрутим мозгами, и свет забрезжит... или не забрезжит.

— Нет уж, — отрывисто произнесла Голикова. — Я на второй вариант не согласна.

— Нам куда никто не предлагает никаких вариантов.

— Вот чего я не пойму и что совсем не укладывается ни в одну из версий — так это второй взрыв.

— Трудно что-то внятное сказать, но возможно — для той же цели: отвлечь нас от главного. Если все так, как я предположил, то они должны всеми способами заставить нас пойти в прямо противоположном от Матрасова направлении, и желательно, чтобы мы шли очень-очень быстро и ушли очень-очень далеко, откуда уже не вернешься, потому что все следы будут слишком сильно затоптаны. Второй взрыв пусть расследуют те, кому поручено, а мы потом посмотрим, до чего они там доскребут. Других вариантов здесь как раз нет... Так ты кофе-то сварь?

— Да, иду. — Лена пошла в сторону кухни, захватив с собой целлофановую пленку от сигаретной пачки. Иногда она до неприятия поражалась, как шеф достигал состояния полной убежденности, хотя только что уверял всех, что ничего конкретного нет и следствие кормится всего лишь домыслами. И в речи он зачастую употреблял слова, оставляющие некий флер сомнений, неопределенности, немного неуверенного топтания вокруг да около, но глаза сияли решительностью, что означало: инициатива крепко и надежно перехвачена и партия переходит в эндшпиль. Сейчас он в таком состоянии — зверь, вышедший на тропу. Перекусит любого, и своего, и чужого. И в жертву принесет все. Без разбора. Все же он фанатик. Так ли он отличается от ненавидимого им

Матрасова? «Нет, что-то не туда меня завело. Это от усталости...»

Пока девушка суетилась на кухне, Островерцев уткнулся в компьютер.

Кухню Лена обустроивала довольно долго, продумывая детали до мелочей, чтобы все было удобно, под рукой и драгоценное время не тратилось на ненужную возню в поисках подходящей посуды: мисок, кастрюль, сковородок и прочего. Полка для чая-кофе — отдельно, у столовых приборов, чашек, тарелок, кухонных полотенец — тоже свои места. Когда все организовано, жить намного легче. Кроме того, здесь благодаря цветному, похожему на корабль абажуру был очень приятный мягкий синий свет, и вечером кухня становилась особенно уютной. Сидеть бы тут вечность за чаем и приятными разговорами. Только, к сожалению, сидеть не с кем. Спутника жизни найти все еще не удалось. То ли требования у Лены чересчур высоки, то ли не пришло еще время. Возможно, мужики просто боялись ее красоты, да и характер у молодой прокурорши был покруче иного мужского. Нет, она не мужланка, конечно, очень даже женственна, кокетлива, и хитра, и даже роскошна, но волю никуда не спрячешь: она все равно пробьет любую маскирующую ее женскую мишуру. Мужики боятся, что рано или поздно будут оттеснены с лидирующей позиции в паре и переложены ее изящной женской ручкой в дальний ящик, к вещам, которые, в общем-то, нужны, но приносятся время от времени. А тогда какая в них надобность?! А между тем время идет, скоро и от красоты мало что останется...

Надрывно задремала кофемолка. Через полторы минуты Лена щелкнула переключателем, и звук стих. По кухне разнесся аромат кофейных зерен. Она достала из ящика симпатичный пятнистый, коровьей расцветки кофейник для капучино. Как долго она просила подругу привезти его! Когда-то увидела в гостях, и жутко захотела себе такой же, но у нас таких не продавали. А в Европе — в любом супермаркете, в котором есть отдел товаров для дома. Подруга Таня — конечно, всего лишь номинально подруга. Неприятно было,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

что попеняла она все-таки за то, что пришлось идти, нести, везти и так далее, но зато вожденный милый кофейничек радует ее каждое утро приличным кофе. Кстати, ее с Татьяной познакомила Ирка: они вместе учились в музыкальном училище, только теперь Таня разъезжает по всему миру с хором, а Иркой дирижируют клиенты в турагентстве. Не смогла выбиться? Странно! Образование прекрасное, глупо с ним сидеть в затхлой конторе и жать на клавиши компьютера. Не фартовая она, что ли? Хотя в любви ей, впрочем, везет... Прохора буквально из-под носа увела. Вот, кстати, были бы дела, если б тогда в «Карт-бланше» у них все сложилось. Страшно представить: он известный телеведущий, она прокурорша, его взрывают, она на грани помешательства, расследование поручено их группе, долг превыше... тфу. Надо все же завтра Ирке позвонить, сказать, что ненаглядный ее жив-здоров. Можно представить, что с ней творится: эти маменькины дочки обожают пострадать. Да им и полезно... Ничего, закончим это дело — и в Турцию, отдыхать. Все же есть от них польза, от дурочек этих: одна путевки подешевле делает, другая кофейник подогнала.

У Лены случались бурные романы, но в долгие отношения они никогда не перерастали. Отсутствие опыта совместной с мужчиной жизни добавляло ей оптимизма: уж мои-то отношения будут честными, настоящими и подлинными. Без нытья, жалоб подругам и прочей дребедени.

Когда кофе до полной готовности оставалось совсем немного, Лена услышала, что Островерцев говорит с кем-то по телефону. Она поставила на поднос тарелку с печеньями, две чашки на блюдцах, сахарницу — все как полагается, вошла в комнату, приоткрыв дверь ногой. Шеф сидел неподвижно, будто застыл.

— Есть новости из Якутии? Габричевский что-то нашел для вас?

— Пока нет. Но есть другое. Я связался с одним из своих старых агентов. Его показания не пришьешь ни к одному делу, он от всего откажется, но вся информация достоверна и бесценна. У него

феноменальное чутье. В общем, настоящий борец за идею. Так вот, что он сказал... — Островерцев тянул слова, видимо, продолжая что-то обдумывать. — Твой аристократичный старичок писатель...

— Ставский? — Лена стояла с подносом в руках, так и не поставив его.

— Да. Леопольд Ставский, живой классик. Писатель. Властитель дум.

— Что он? — Голиковой хотелось как можно скорее услышать то, что собирался сказать Островерцев, и она пыталась его поторопить.

— Ставский, оказывается, не только писатель, он еще и один из самых крупных в стране собирателей книжного антиквариата, и по некоторым данным — его продавец. Причем не куда-нибудь, а на крупные книжные аукционы мира и в частные коллекции. Ты понимаешь? Такие люди хоть раз в жизни, но сталкивались с криминальными деятелями... Не связан ли он со всем этим делом? А?

— Трудно предположить, слишком уж он стар. Некое двойное дно в нем есть. Я прямо кожей его ощущала. Но привязать его к взрыву? Пока он связан только с Кургановым, а на него у нас ничего нет, кроме безосновательных подозрений. — Лена восстановила в памяти обстановку квартиры Ставского. Квартира с ощущением второго слоя, неких тайных комнат. В ней он, что ли, хранит свои фолианты?

— Курганов выбрал правильную жертву: у такого одну книгу стащишь, и живи себе припеваючи. Редкие книги в те годы стоили сумасшедших денег. А что он конкретно рассказывал про эту историю с кражей? Курганова поймали с поличным? Кто? Сам Ставский поймал?

— Он только намекнул, что как-то выяснил про кражу. Я бы расспросила подробнее, но он схватился за сердце, сказал, что до сих пор ему трудно вспоминать это, и попросил сменить тему. Я никак не ожидала, что следов этого дела нигде не обнаружится. Может, вызвать его как свидетеля?

— Вызовем. Всему свое время. И в каком еще качестве неизвестно.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Ставский, говоришь, знал Курганова еще со Ставрополя? Был его учителем, даже опекуном. Потом после всей этой истории с пожаром, преследованиями отца и негласной ссылкой Курганова-старшего из его жизни исчез и объявился уже в Литинституте? Подозрительное совпадение. Кто тут жертва, а кто хищник, надо еще посмотреть... не так, сдаётся мне, безобиден Леопольд Каземирович! Так ведь его, кажется, величают?

— Да, именно так. Сразу запоминается. Экзотичное имя. А что касается их связи, то можно сделать вывод, что появление Ставского в судьбе Курганова очень его изменило. До этого тот рос настоящим шпаненком, однажды даже угодил в милицию из-за потасовки на танцах.

— И чем кончилось это опасное приключение?

— Все обошлось — вероятно, отец выручил. Больше некому. С его тогдашним влиянием это вполне можно было.

— Ты так полагаешь?

— По-моему, это очевидно.

— А мне не очевидно. Отец ли?

В те времена на милицию куда больше воздействовали писатели, нежели пожарники. Уж не Ставский ли его спас?

— Мне не приходило в голову. А ведь...

На лице Островерцева мелькнуло и пропало торжествующее выражение.

— Как тебе показалось, он действительно давно прекратил отношения с Кургановым?

— Ну, говорил он об этом весьма убедительно. Хотя меня насторожило, что он будто сразу понял, ради чего я пришла.

— Готов, значит, был. Это хорошо, хорошо. Все теплее и теплее. И говорил так, будто заранее подготовил, отрепетировал даже свой монолог?

— Точно. У меня неотступно это мысль была. Говорил как по написанному.

— Ну так писатель ведь.

Лена поставила поднос на столик. Разлила кофе в чашки.

— Вам не кажется, Петр Алексеевич, что это дело разрастается в разные стороны и двух голов до утра

не хватит, чтобы что-то свести. — Она вдруг ощутила тягучее отчаяние. Островерцев светился от предчувствия удачи, а она теряла силы и понимание. Будто села батарейка, и впору только разрыдаться. Курганов, Ставский, Матрасов... Каждый из них в кольце каких-то тайн, загадок и сгустков нерастворившейся во времени, темной, желающей быть скрытой лжи. И каждое кольцо кружило, кружило, кружило и словно затягивало ее в какую-то черную воронку. В голове ничего не складывалось. Сергей, Островерцев, ночь, они роятся в биографиях, какой-то старик писатель, вор, книжные аукционы, деньги, деньги, деньги, вранье, Прохор, Ирка, Турция... бред какой-то.

Петр не сводил с Голиковой глаз. Он подошел, взял свою чашку с кофе, потряс Лену по-дружески за плечо.

— Ничего-ничего, все не так плохо. Ты устала. Но все же еще поработаем. Эх, женщины...

— Мне кажется, мы в какой-то трясине, идем не зная куда, авось кривая выведет.

— Ну-ну-ну, — протянул Петр Алексеевич чуть укоризненно. — Нет, голубушка, можно сомневаться, правильно ли мы идем, главное — не сомневаться, ради чего.

Островерцев отпил кофе.

— Я никогда не говорил, что думаю о тебе. А сейчас — момент более чем подходящий. Ты очень красивая женщина, у тебя в хорошем смысле небабий характер, но юрист ты, прямо скажу, невыдающийся, таких много. В следственном деле ты тоже разбираешься на уровне средней студентки. И зачем, казалось бы, ты такая нужна нашей группе? Но твой конек, козырь — как угодно это можно называть, — это твоя интуиция. Она у тебя от Бога. Ты угадываешь что-то, что никак не вытекает из профессиональной логики. И чем больше фактов, разрозненных, непривязанных, далеких друг от друга, даже непроверенных — тем лучше. Это твой материал, из которого ты, сама иногда того не понимая, создаешь истинную картину преступления. Думаю, твой непрофессионализм здесь тебе в помощь. У профессионалов логика

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

слишком зашоренная, они на прозрения почти не способны. Часто именно твои парадоксальные, ни на чем не основанные догадки наталкивали меня на верные решения. Отчаиваться нельзя. И не время. Пойми, аналитическая работа — далеко не все. И если сложишь руки ты, да еще когда мы без Сергея — можно забыть про все наши планы. Я не уговариваю тебя, нет, — понимаю, что предел возможностей есть у всех и слабость — это дело естественное. Мужики ломаются, что уж о вас говорить. Но ты не как все. Попробуем так... — Островерцев взболтал в чашке остатки кофе и сделал последний глоток. — Я задам тебе вопросы, и ты на них ответишь. Только соберись.

— Конечно, шеф... — Она устало провела рукой по волосам, чтобы убрать челку со лба. В комнате, несмотря на ночь, было жарко.

— Мы должны дойти в этой истории до конца. Ставка слишком высока. Если я не ошибаюсь, — Петр Алексеевич подошел к Лене и поставил пустую чашку на поднос, — а я, вероятно, не ошибаюсь, — речь идет о попытке изменить структуру власти в стране. В условиях кризиса это не кажется таким уж несбыточным, как еще год назад. Проходимцы, которых и так хватает наверху, теперь не останавливаются ни перед чем. Тем более их капиталы частично под угрозой! Мы почти вычислили их, теперь нужно только понять схему. Понять, чтобы разрушить.

Лена зло блеснула глазами.

— Нашими-то силами?

— Ну не зря же мы работали все эти годы. Ты, кстати, не обижаешься на меня?

Лена сделала вид, что не услышала вопроса. Она не обиделась — она была шокирована, поражена до колючего переворота всего внутри. Обвинить ее в непрофессионализме — это так беспардонно. На секунду ей стало тяжело вздохнуть, будто кто-то сжал рукой горло. Шеф никогда так с ней не разговаривал, наоборот, всегда хвалил и ставил в пример. Она так гордилась, что причастна к этим захватывающим параллельным делам, когда можно не бояться условностей... Врал, выходит!

Островерцев понял, что цель достигнута, и ловко сменил тему:

— Кофе что надо. Еще дашь?

Получается у тебя отлично.

— В отличие, как выяснилось, от прокурорской работы.

— Ну вот, хотел тебе сделать комплимент, а ты все переиначила. Что вся прокурорская работа в сравнении с твоим чутьем? — Петр грамотно давил на Голикову, слово за словом добываясь своего.

Необходимо, чтобы Лена включилась.

— Там еще осталось. Я подогрею...

— Если не сложно. А я посмотрю еще кое-что, есть у меня одна догадка. Придешь с кофе, поделюсь ею с тобой.

Лена быстро вернулась с двумя чашками в руках, из которых спешили раствориться в воздухе теплые змейки пара.

— Может, что-то приготовить? А то печенье — это несерьезно. — Она пыталась задавить в себе мысли о наездах шефа.

— Спасибо. Я не голоден. А печенье с удовольствием пожую. — Островерцев взял с тарелки пару печенюшек. Он все еще щелкал мышкой, внимательно вглядываясь в монитор. — Кое-что проясняется. Явно не обошлось без большой и грязной политики. Что мы имеем? В настоящем — некую политическую комбинацию, началом которой стал теракт в саду Вернисаж. Ее причины? В Администрации зреют перемены. Причем ожидаются они со дня на день. Я сегодня заходил в Совет Федерации, и один надежный человек подтвердил это. Предполагается, что почва начала усиленно ходить под теми, кто явно и неявно покровительствовал Матрасову, а значит, у них очень мало времени. Или пан, или пропал — третьего не дано. Только в том случае, если они перехватывают инициативу, они в выигрыше. Наверху, как ты понимаешь, нет того единства, которое они пытаются всем внедрить. Баланс кланов очень хрупок. В стабильные времена они еще способны были договариваться, в момент кризиса — нет. Стало тесно, и кто-то должен уйти. Теракт — проверенный в мире способ дестабилизации и путь к смене элит. Вспомни взрыв на вокзале в Мадриде и на его фоне приход к власти социалистического правительства. Ну

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Мадрид Мадридом. А у нас сад Вернисаж! Теперь смотри, что получается: Матрасов хочет, чтобы мы расследовали взрыв быстро и нашли виновного. Арнольд прямо и резко в присутствии генерального и Бархатова требует с меня, чтобы мы слепили дело. Но «заказчик» взрыва ни в коем случае не должен быть из кавказцев. Значит, Матрасов понимает, что противоборствующий политический лагерь может активизироваться и давить на прокуратуру с целью развития именно кавказского следа. Кавказский след — конец Матрасова и его людей. Все усилия насмарку. В этой связи Астахов, якобы похитивший дочку дагестанца, становится в деле фигурой почти ключевой. Но самое любопытное, что самому Матрасову это не выгодно. Значит, с Астаховым ведет игру кто-то другой? Так? Или покровители Матрасова играют против своего протеже? Для того чтобы выяснить это, надо воплотиться в какой-нибудь древний дух, обитающий за кремлевской стеной. Мы в мясорубке. И наши жилы вот-вот намотают на винт. Те, кто против нас, тоже способны проследить эту логику. Исходя из нее, мы должны вцепиться в Хумзаева и его семью. Но этот ключ поддельный. Им ничего не откроешь. Это лишь ускорит нежелательную развязку. А нам надо довести все до конца. Кавказский след — это неотразимый удар по Матрасову, имидж которого держится на успокоении Кавказа. Верно? А если Матрасов бьет сам по себе?

— Я опять не в состоянии разобраться. Наверное, вы правы по поводу моих юридических талантов. Однако замечу, что чего-то все же не хватает...

— Много чего не хватает. Не хватает еще информации. Но прогресс заключается в том, что мы уже знаем какой. Будем ждать.

За окном еле белело. Скоро рассвет. Ранний рассвет зрелого лета. Есть в летних ночах такой час, когда до солнца еще далеко, даже его краешек прочно прикрыт могучим круглым земным телом, но мрак уже слабеет. Что-то белое и таинственное на время приходит в мир. А ведь белый цвет содержит в себе все остальные...

Островерцев и Голикова погрузились в работу, теперь они не

разговаривали друг с другом, каждый смотрел что-то свое. Лена быстро пролистывала принесенные с работы подшивки, Петр Алексеевич уткнулся в монитор, открывая все новые и новые файлы.

Тишину разорвал долгожданный звонок. Нет, это был не Габричевский. Кто-то на том конце провода, видимо, знал, что его ждут в любое время суток. А по виду Островерцева — так и было. Он очень внимательно выслушал звонившего, почти не проронив ни слова. В конце разговора поблагодарил.

— Вот черт! — Островерцев стукнул себя по коленке. — Каков Бархатов!

— Что случилось? — Лена тревожно посмотрела на шефа.

— Даже не сказал мне, что Хумзаев тоже в розыске.

— Как?

— Вот этот вопрос я и задам генеральному. Завтра. Но есть еще новость... И браво твоей интуиции! Второй взрыв...

Лена напряглась.

Вопросительное выражение лица сменилось растерянностью.

— Мой человек выяснил, кому принадлежит взорванная в Бутово квартира. Некому мелкому дельцу. Но! — Островерцев сделал многозначительную паузу. — Сам он не жил в этой квартире ни дня. Там время от времени видели кавказцев, причем очень респектабельных, подъезжающих к дому на дорогих машинах и часто с дамами.

— Что?

— Да-да, опять кавказцы.

Кавказский след прямо сам жаждет, чтобы мы на него ступили. Не много ли во всем этом Кавказа? Второй взрыв — это удар по кому? И чей? Матрасова или по Матрасову? Все перемешалось. Ведь «Карт-бланш» крышевал он. Кавказцы — его люди. Клуб кавказский взорван, квартира тоже... Смысл второго взрыва? Либо просчет — неточный прицел по мишени, либо что-то другое.

— Петр Алексеевич, погодите. — Глаза у Лены горели. — А что если это не абстрактные кавказцы, а кто-то из семьи Хумзаевых? Они вполне подходят под описание «респектабельные». Если смотреть на эти взрывы в связке, то, может быть,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

целью был Амид? А что если они вместе с Астаховым? Оба в розыске, от обоих хотят избавиться. Астахов подозревается в похищении дочери Хумзаева, но никакого похищения не было, — во всяком случае Астахов никого не похищал, — это и ежу понятно. Обвинение предъявлено, а основания для него нет. Значит, убрать обоих — единственный вариант отмазаться.

Островерцев задумался:

— Слишком уж фантастично. Как они могли оказаться вместе?

— Ну я, хоть и невыдающийся юрист, — Лена метнула острый взгляд в Островерцева, — не стала бы сбрасывать это предположение со счетов.

Островерцев мысленно похвалил себя за правильный психологический ход: теперь Голикова из кожи вон полезет, а будет раскапывать дело своей интуицией — очень честлюбивая девица и сейчас сильно задета.

— Не будем сбрасывать, не будем. Но есть кое-что поинтереснее. — Петр Алексеевич неожиданно подмигнул Лене. — Ставский — это не настоящая фамилия Леопольда.

— Откуда вы узнали?

— Сказали только что.

— Да-да, Ставский — это псевдоним. Мастерски придумано, а? Звучит натурально. Польское все, панское, чопорное.

— А настоящая какая?

— Пока вопрос.

— Да уж... у писателей это нередко: Бубенчиков превращается в Звонарева, а Пискунов в Громова. Что тут криминального?

— В случае со Ставским это не просто прихоть и дань оригинальности. Тут что-то явно кроется. Видно, не хотел, чтобы настоящую знали почитатели таланта. Почему? Неблагозвучная? Или?.. Он ведь даже в паспорте изменил настоящую фамилию на нынешнюю.

— Но какая же у него настоящая фамилия? Он ее скрывает, что ли?

— Не знаю, но знать хотелось бы. Мой человек как раз сейчас это и выясняет. Я же тебе говорю, будем ждать.

Наконец позвонил Габричевский.

— Толя, мне спать пора, а тебя не дожدهшься, — пошутил Петр Алексеевич. На том конце ответили нечто в таком же тоне. Габричевский изъявил желание пообедать по приезду в Москву за счет Островерцева в самом дорогом ресторане.

— Сейчас сбросит на почту все, что нашел. Так, — Островерцев вслепую набрал пароль своего ящика, — пришло.

Он открыл письмо, вложенный файл, но никакой тени оживления его лицо не изображало. Напротив, оно будто хмурилось. Ничего не сходилось. Все предположения ломались, комкались, летели в мусорное ведро.

Матрасов и Курганов учились в разных школах, ни в каких кружках, секциях не пересекались. Версия об их давней связи лопалась на глазах. Ничего не было об их возможной дружбе или вражде, о каких-либо даже минимально возможных соприкосновениях. Два разных человека жили в одно время в одном небольшом городе. И все. С таким же успехом можно всех москвичей из одного микрорайона обвинить в преднамеренном сговоре.

Островерцев приуныл и потянулся за пачкой сигарет. Но не успел Петр Алексеевич сделать и пару жадных затяжек, как мобильный его заверещал. Повисла тревожная тишина. Опять говорили только на том конце провода, Островерцев лишь слушал. Сигарета дымила, и Лене казалось, что от дыма ее вот-вот вырвет. Наконец разговор закончился.

— Голикова, ты гений! — неожиданно сказал Петр Алексеевич, расплывшись в невероятно обаятельной улыбке. — Ведь именно ты вышла на классика, фамилия которого... попробуй-ка еще раз свою интуицию?

— Матрасов?

— Так точно! Наш престарелый классик — родной дядя Арнольда Матрасова.

Олег потратил немало сил и красноречия, чтобы уговорить свою супругу Алису Васильевну Черепицыну выехать куда-нибудь поужинать. Вообще-то они выезжали вдвоем редко: Алиса не очень любила

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

рестораны, неизбежный людской шум вечерней Варны, но сегодня она, хоть и не спешила признаться себе, нуждалась в чем-то подобном. Час, конечно, поздний, но летом на море жизнь в это время кипит. Особенности климата сказываются. Алиса так была огорчена двумя сегодняшними разговорами с сыном, что ее привычное чуть меланхоличное хладнокровие уже не могло погасить того, что бурлило внутри. С одной стороны, ее обижало отношение Прохора, в его голосе она неизменно ловила небрежную враждебность, с другой — мальчик явно в беде (мать не обманешь), и она ничем не может ему помочь, ведь он так далеко и, несмотря на всю браваду, такой уязвимый и несамостоятельный. И что это за идиотская история с его мнимой смертью? А теперь, после закрытия шоу и всего этого ужаса, как у него все сложится? Ему же жениться. Хотя при чем здесь это?..

Трудно было представить, что она пережила бы, если бы узнала о смерти сына прежде, чем он позвонил ей и сообщил обо всей этой кошмарной истории. Бог хранит ее? Ведь она рожала его в таких муках. Это справедливо... От расстройства мысли путались, и она, чтобы отвлечься, стала смотреть в окно. Сегодня город не вызвал у нее обычного бешенства. Или Олег специально выбрал такую дорогу? Он такой заботливый и чуткий. Жалко, с Прохором у них так ничего и не сложилось, кроме холодной вежливости.

Олег оставил машину в одной из примыкающих к Приморскому бульвару улиц. Сероватым, выбрасывающим свет окон прямоугольником над старым низким городом высилась гостиница «Черное море».

Отелем владел друг Олега. Всегда приятно ужинать с женой в ресторане, где тебя знают. В «Черном море» — ресторан на последнем, двадцать четвертом этаже. В выходной день в разгар сезона не так-то просто добыть там себе места. Но только не Олегу Камолову, которого так уважает болгарская бизнес-элита. Они поднимались на лифте, Олег заметил в глазах жены слезы.

— Что ты, дорогая?

— Хорошо, что ты у меня есть. И Прохор...

Они расположились у самого окна, внизу выстраивались в причудливые фигуры огни, обнимая громаду моря полукругом берега. В ресторане звучала народная болгарская музыка, в которой невероятным образом смешаны дикий задор и стойкая непереносимая тоска.

— Что теперь будет с Прохором после закрытия шоу? — Ей почему-то не хотелось говорить мужу о том, что рассказал ей Прохор сегодня о своей мнимой информационной смерти. Потом как-нибудь. Сейчас о другом.

— Зря ты так за него волнуешься. Он самостоятельный мужчина. Что-нибудь придумает.

— Но как ты не понимаешь? На нем теперь может быть черная метка. Тем более что все его коллеги взорвались. Ты же слышал? Он чудом избежал смерти. Его даже преждевременно похоронили. Он и так нервный мальчик, а тут такая травма. Ты не можешь через свои связи в Москве помочь ему?

— А примет ли он мою помощь?

Алиса Васильевна приуныла. Ей никак не удавалось свести Олега и Прохора. А ведь они могли бы так здорово вместе вести какое-нибудь дело, и она была бы спокойна. Покой для нее теперь и есть счастье.

— Это не повод, чтобы бросать мальчика в беде. Ты старше... да и тебе не за что на него обижаться.

— А ему, ты полагаешь, есть за что? Любопытно.

— Не придирайся к словам.

— Хорошо! Завтра я что-нибудь придумаю.

«Завтра она может и забыть, — успокоил себя Камолов, — приступы материнства у нее регулярны, но не часты».

Алиса благодарно погладила мужа по руке.

Им принесли большое блюдо овощей, национальный суп шкембе чорба, который не относится к числу вечерних блюд, но Алиса Черепицына могла есть его всегда. Больше за ужином судьбы Прохора супруги не касались.

Когда Олег уже собирался расплачиваться, на его телефоне засигналила смс. Он прочитал ее.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

«Так скоро? Я как чувствовал, что все эти московские дела неспроста. И еще сынок в это втянут. Пропади все пропадом!»

Как ни стремился Синицын избегать путешествий в поездах, однако сегодня не до жиру. Из Тамбова на попутке он за пару часов добрался до города N, а там уже сел на скорый московский. И в первом, и во втором проводники пускали его легко и за плату вполне умеренную. Кризис как никак. Люди любой копейке рады. В московском поезде проводник — прелюбопытный типаж. Проводник словно искал чьи-то уши, чтобы выговориться. И вот наконец нашел: такой попутчик никуда не денется. Будет слушать. Меньше всего Синицыну сейчас хотелось выслушивать обывательский бред, но ничего не поделаешь.

— Что они там думают в правительстве? Опять взрывы. И это в центре Москвы. Все делят — никак не успокоятся. Мало все им.

— Да уж, — вздохнул Синицын.

— А газеты взять — одно вранье сплошное. В одной одно, в другой другое, и как простому человеку узнать, где правда?

— А какие газеты читаете? — Синицын принял вид крайне заинтересованный.

— Да вот они, все туточки.

Проводник сунул руку под столик.

Синицын попросил разрешения почитать их.

— Читай, читай, а я пойду пока проверю, не нужно ли чего кому-нибудь, чайку-кофейку.

Газеты пестрили сообщениями о взрыве. Упоминаний о себе он нигде не нашел. Это только утвердило его в неутешительных прогнозах. Скорее бы доехать до Москвы. Там есть связь, и он получит новые инструкции.

Прыгунов был доволен, что отговорил шофера провожать его до самой двери, как на том настаивали Островерцев с Голиковой. Водитель, освобожденный от тягостной миссии, радостно посигналив кому-то неведомому, уехал... Это к лучшему. А то жена, не дай бог, обморок бы

затеяла. Она и так, увидев побелевшее лицо Владимира Тимофеевича, ужаснулась. Для Клавдии Матвеевны все сошлось! Она так и думала, что в эдакую жару с мужем может что-то случиться. Давно пора на пенсию, а он все таскается на службу. Хватит уж! Женщина запричитала, всплеснула руками, бросилась к мужу (ей вдруг показалось, что он сейчас упадет), но он привычно, как делал это всегда, отстранил ее:

— Все хорошо. Не волнуйся. Сообрази чайку, а я отдохну немножко. Что-то устал за день. Димка не звонил? — Ему нужно было во что бы то ни стало отвлечь жену, чтобы она не догадалась, как ему скверно. У него уже зрел план, но необходимы силы. Жара всерьез измотала его. А дома работал кондиционер. Димка в свое время, когда еще жил с ними, уговорил их на это дорогостоящее приобретение. Прав был, с кондиционером куда как лучше.

— Нет, не звонил. А почему он должен был звонить? Что-то случилось? Ты с ним говорил сегодня? — При упоминании о сыне Клавдия Матвеевна неизменно тревожилась. Трудные отношения с невесткой усугубляли ее волнения.

— Нет, не должен. Просто вдруг звонил, мало ли?

Рассказывать об их сегодняшнем вояже не стоило, Клава не успокоится, будет щебетать без умолку о чем-то бессмысленном, будет просить подробностей, пытаться что-то узнать, к чему-то подобраться. Не до этого сейчас.

— Он теперь редко звонит. — В голосе жены все отчетливее слышались жалобные нотки. — Только если надо что-то.

Прыгунов до смерти не любил этих разговоров. Он был сыт ими по горло и ничего нового сказать не мог, как не мог и обидеть жену молчанием.

— Клава, ну опять ты начинаешь. Мужик всегда сам выбирает и строит свою жизнь. Нечего нам, старикам, в нее лезть. Я пойду полежу. С тебя чай, как я люблю, — покрепче и послаще. — Тимофеич прижал седую голову жены к груди и погладил ее волосы.

Клавдия Матвеевна ушла на кухню, Тимофеич остался в спальне.

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

Он боготворил их спальню, зависел от нее, не любил уезжать из дома надолго. Хватало и того, что он день-деньской пропадал на службе и поздно возвращался. Прежде, во время традиционных семейных вылазок на советский юг, считал дни, когда вернется в привычный уют. Клавдия была чистюлей. Могла производить уборку по несколько раз в день. Наверное, коротая время за наведением порядка и чистоты, ей легче было переносить отсутствие мужа днем. Ночью она иногда просыпалась и подолгу смотрела на него, будто силясь запомнить каждую черту, отмечала новые морщинки и горестные складки. Клава часто говорила, что жить без него не собирается. Он все понимал, видел, как она переживает за него, и платил ей огромной преданностью, любовью ко всему, что она делала.

В спальне пахло чистой, постиранная и сложенная пижама лежала в изголовье. Летом в комнате особенно хорошо, со двора, где буйствуют тополя, тянет свежим воздухом. Лежи, отдыхай, поправляйся. Но нельзя, нельзя.

Супруга в чем-то очень своевольна. Он просит чай, но Клава наверняка принесет какой-нибудь отвар. Кстати, на почве лечения у них разгорались с невесткой нешуточные бои: та — поклонница современной медицины, при любом чихе пичкала Машку антибиотиками, на что Клавдия смотреть спокойно не могла.

Прыгунов удобно устроился на их двуспальной кровати, под голову и спину положил пару подушек, включил телевизор. Машинально стал переключать канал за каналом, наткнулся на новости. Какой-то политолог с круглой лысиной и аккуратной бородкой глубокомысленно рассуждал о том, как может измениться политическая ситуация на фоне пика экономического кризиса после двух терактов в Москве. По его мнению, часть электората на этот раз не простит власти нестабильности, возможен всплеск социального напряжения, а там не за горами и новые выборы, новые люди, новые методы. Вот дураки! За что только им деньги платят? Тут люди погибли, а они молотят черт-те что... Тимофеич с отвращением переключил на «Спорт».

Теннисисты методично перебрасывали мяч с одной стороны на другую, издавая при этом каждый раз чуть ли не первобытные выкрики. Лица их были полны невероятного сосредоточения.

В спальню вошла Клавдия.

— Выпей сперва вот это! Тут на основе граната, а то бледный уж очень. Станет лучше, тогда чай. И поешь обязательно. Довел себя!

— Так жара-то какая! Набегался, как заяц. Сейчас уже ничего себя чувствую, так что не волнуйся. И гранат твой выпью. Только принеси-ка мою сумку из прихожей.

Клавдия покорно ушла. Потом из прихожей раздалось ворчливое:

— Может, я достану тебе то, что нужно? А то грязь в спальню тащить! Куда ты ее ставил, что вся в пылице? У вас там в прокуратуре из-за кризиса уборщиц, что ли, сократили?

— Посмотри, там папка такая, канцелярская, черная, не очень толстая.

— Да, нашла.

Она принесла папку мужу и вернулась на кухню.

Между тем Владимир Тимофеевич опять стал листать личное дело Игнатъевой, той самой секретарши, что сегодня днем организовала убийство продюсера. Днем кадровчика Т1 так и не смогла сказать что-либо определенное про принятую работницу. Твердила одно: оформила из-за Григорьева, он требовал ее взять. Но Григорьев мертв, и проверить, правда это или вранье, невозможно. Единственно, кого еще имеет смысл попытать, — Аскользина.

Про Игнатьеву известно было лишь, что училась в театрально-цирковом училище. Понятно, откуда ловкость. Со второго этажа упорхнуть для этой птички не проблема. Сноровка, группировка, правильная работа мышц. Был у него один знакомый циркач, очень склонный к выпивке, который за водкой убежал из запертой снаружи квартиры с пятого этажа по водосточной трубе. Неясно одно: за что убили Григорьева и почему никто не знает об анонимных письмах, о которых ему твердил Брамборис? Может быть, Григорьев был в курсе ответа на последний вопрос? Девчонку теперь найти все

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

равно что иголку в стог сена, наверняка новые документы, а машиной, уж конечно, больше не воспользуются. Надо встретиться с Аскользиным. И прямо сейчас.

Прыгунов крикнул жену, попросил дать чистую рубашку, оделся, оглядел себя в зеркале, велел в случае звонков говорить, что спит, и вышел на лестничную клетку. Оттуда он набрал номер Аскользина, который моментально дал согласие на встречу.

Сердце отпускало, а в ногах оживала молодая решимость. Пистолет приятно тяжелил брюки.

— В конце концов, у всех есть родственники, — пожала плечами Голикова, делая вид, что не очень впечатлена; ей до сих пор были обидны слова Островерцева о непрофессионализме. — То, что иметь такого родственника, как Матрасов, криминал, — надо еще доказать.

— Конечно. Но это далеко не все. Мой человек сообщил не только о родственной принадлежности: старший брат Ставского, отец Арнольда, Сергей Каземирович Матрасов, был далеко не последней фигурой в Якутии в советские годы. Я ведь все это время, после того как ты про свой визит к Ставскому рассказала, кожей чувствовал, что какая-то связь есть, но никак не мог понять какая. Я сразу обратил внимание, что отчество у них одинаковое, у Ставского и отца нашего любимого Арнольда. Но не сопоставил. А теперь все и прояснилось. Сергей Матрасов был директором крупнейшего в республике конезавода и близким другом первого секретаря обкома партии. Мой информатор утверждает, что силу его влияния на территории края трудно описать. Авторитет нарастил такой, что не каждый представитель всесильной центральной партийной власти решился бы отказать Каземировичу в просьбе. Считалось, что покровительствовал ему кто-то очень весомый, чуть ли не сам Андропов, но слухи это или правда, никто наверняка ответить не брался. Очевидным для всех оставалось одно: Матрасов может договориться с кем угодно и решить почти любую проблему. Телефонное право в те годы считалось едва ли не

единственным механизмом по реальному управлению государством. Взятка? Это почти смешно. У тех, кому могли дать, и так все было, да деньги и не играли решающего значения. А вот личная дружба, человеческие отношения, ты мне — я тебе, баланс интересов, услуга за услугу — это то, что было нужно. Теперь ты понимаешь, к кому обратился Ставский, когда отец его любимого воспитанника попал в сложную ситуацию?

Лена кивнула.

— Да, он попросил похлопотать за Курганова старшего своего брата. Тем более что Якутии «уесть» Ставрополье едва ли не дело чести, регионы скрытно и беспощадно соревновались между собой и не упускали случая по-советски, но очень жестоко укунить друг друга. Особенно недолюбливали северные южных, и наоборот. Одним словом, хлопоты стали даже приятными.

— Это ясно. Но что плохого в поступке Ставского, по-моему, это очень похвально — так заботиться о семье своего ученика. Сколько других примеров, когда люди, попавшие в беду, становились в момент никому не нужны!

— Не впадай в излишнюю сентиментальность. Слушай, брат подсобил брату. Да еще как! Пожарника перебросили с семьей на Север, к нему, в Якутию. Все логично. Но! Эта история имеет, оказывается, серьезную подоплеку. Папочка нашего нынешнего всесильного Арнольда использовал все свои связи, — а ситуация была далеко не из легких: Курганов-старший чем-то сильно раздражал тогдашнего ставропольского партийного босса, — чтобы провинившийся пожарник избежал ходки. И у него все получилось. Причем получилось дьявольски успешно. Удалось добиться перевода семьи не куда-нибудь, а в Якутию, туда, где все схвачено. Ставский-Матрасов был благодарен брату, все закончилось тихо. Зачем, спрашивается, так уж лезть из кожи вон и радеть за пусть и талантливого своего ученика, но фактически чужого человека? И видимо, были у него на паренька серьезные виды. Какие? Кто же теперь разберет. Но ясно, что глядел наш Ставский далеко вперед. Курганов-

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

младший давно должен был чувствовать себя обязанным: Леопольд был теперь для него не только человеком, отмазавшим его в свое время от тюрьмы для малолетних преступников, но и учителем, гуру, своего рода ангелом-хранителем. Ставский грамотно вел по жизни Вову Курганова. Согласен заранее, что в моей логике много предположений, но без предположений нет ни одной верной догадки. Даже если допустить, что в чудесном спасении юнца от тюрьмы роль Ставского не так значительна, как я только что представил, это мало что меняет. Леопольд Каземирович крепкими нитями привязал в себе Володю. Кто-то скажет, что картина чуть ли не идиллическая! Почти американская мечта советского разлива. Но есть одна деталь. Из твоих первичных погружений в биографию Курганова ты, а потом и я не смогли пройти мимо того, что переведенный в Якутию Курганов-старший неожиданно для всех запил, да так, что не просыхал неделями, и как раз тогда, когда его ждало повышение. Он ведь первоклассно реформировал пожарную службу Лейнска, которая была до него в плачевном состоянии. Оказывается, у этого страшного запоя была причина.

— Нервы не выдержали? — напускное безразличие Лены растаяло, будто его и не было.

— Можно и так сказать. Но был толчок. Жена ушла от него. И не к кому-нибудь, а к брату Ставского, отцу Арнольда.

— Вот это да!

— Ушла ни с того ни с сего, без видимых причин. Она славилась яркой красотой, а семья у них была образцовой: жили душа в душу. По городу пошли слухи. якобы это плата за то, что главный конюх Якутии помог пожарнику избежать тюрьмы. И сдается мне, что это тоже часть плана Ставского — разбить эту благополучную семью. Он знал, что брат равнодушен к красивым женщинам, а жена Курганова, как я уже сказал, была редкой породы дама, ну и расставил ловушки, силки или что там делают изощренные манипуляторы, чтобы все сложилось так, как нужно. Володя, по его замыслу, в Москву придет нахлебавшись несчастий, а

Ставский примет на себя роль избавителя. Но это мои предположения. Представляешь, как мрачно и одиноко жили сын и отец в этом огромном северном краю. Ни малейшего шанса разорвать круг. Время тянулось. Давай представим, пофантазируем... Володя возненавидел весь мир, стал замкнутым, нелюдимым, мечтал вырваться. Отец был уже не в силах уделять сыну внимание, он медленно и неодолимо ломался, погружался в дурман тоски и пьянства. И тут звонок Ставского. Жизнь Володи поменялась, как в сказке. Блестящее поступление в Литинститут. Элитарная учеба — предмет зависти многих. Не за горами первые публикации. Его отмечают. Маячит, а вскоре становится реальностью престижная перспективная работа, и вдруг, как гром среди ясного неба, скандал в издательстве, вынудивший его уйти не только с работы, но фактически из литературы. Ставский уверял тебя, что суть этого скандала — история с книжным воровством? Может быть, может быть... Криминальные наклонности, проявляемые в подростковом возрасте, могли вновь проявиться. Однако циничному «классику» это только на руку. Курганов теперь еще и на крючке. У старика имеется нечто неопровержимое против него. Они не поссорились, нет. Ничего личного. Могу поспорить, Ставский-Матрасов не бросил своего подопечного и в этот раз. Возмущение и обида, которые этот тип разыграл сегодня перед тобой, насквозь лживы. Ведь Курганов не остался без работы. Вспомни биографию! Короткое время учительствовал, потом неожиданно МИД, а МИД — это возможность выхода на границу для торговли антиквариатом. Тут не обошлось без племянничка, то есть Арнольда, уже окрепшего за это время. Убежден, что дядя и племянник делили этот бизнес по долям, а Курганов беспрекословно выполнял все их деликатные поручения. Ему пришлось забыть детскую обиду. Да, Арнольд — сын того, к кому ушла мать. Но это все быльем поросло. Во взрослом возрасте деловые отношения превыше всего. А какая великолепная крыша — авторитет Ставского! Как такого

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

человека в чем-то заподозрить? Чуть ли не совесть нации! Второй Дмитрий Лихачев! Со временем Курганова устраивают на выгодную и непыльную работу — в сад Вернисаж, где он вскоре стал директором. Такой комплекс — вообще изумительное место для всякого рода афер: центр, рестораны, аренда. Вряд ли Матрасов заранее знал, как ему пригодится Курганов на этом месте, но карты легли как легли. Теперь ты понимаешь, почему взрыв произошел именно там? Курганова могли использовать и втемную. Возможно, поэтому он так испуган и растерян, боится друзей и врагов. Вернее, не знает, где друзья, а где враги. Из него мы должны сделать главного нашего свидетеля. Но это потом. На большем процессе.

— На каком еще процессе? — удивилась Голикова.

— Потом, потом... Сейчас меня беспокоит сын Матрасова. Он никак не должен был пострадать от взрыва. Здесь неувязка. Со временем выясним и это...

Островерцев говорил так долго и возбужденно, что слегка запыхался.

— Это все вам рассказал ваш человек?

— Он мне дал факты. А я их выстроил в гипотезы. Как мог. Теперь полагаю, твоя очередь?

Лена ничего не ответила. Она еще раз представила весь сегодняшний день, восстанавливая его детали. Да, она не смогла сегодня толком ничего полезного сделать, ничто не доведено до конца. Поход на место взрыва, чудной Спиридон, спасший ее от обрушения штукатурки на голову, допрос Курганова с его двойными смыслами, влюбленный Семен... Так... О боже! Как же она могла забыть? У нее в сумке рукопись второй книги Курганова, которая так и не вышла. Хоть пролистать, что там.

Шеф в этот момент вышел из комнаты.

Она достала из сумки увесистую потрепанную папку «Дело», на которой размашистым ровным почерком было написано «Владимир Курганов» и строкой ниже «Откровение убитой мечты», развязала матерчатые завязки и извлекла пожелтевшие страницы машинописной рукописи. Лена пробежала глазами первую страницу, вторую, третью и вдруг...

«Что такое? Дежавю! Так это же текст книги Ставского «Приговор». Вот так да. — Лена почувствовала мелкую дрожь во всем теле. — Что же такое получается? Нет, не может быть!»

— Петр Алексеевич! — крикнула Лена. — Где вы там? Идите сюда!

Островерцев вошел в комнату, откусывая толстый бутерброд с докторской колбасой.

— Что случилось? Прости, я у тебя похозяйничал на кухне.

— На здоровье! Петр Алексеевич, будьте добры, вон ту книжечку достаньте из книжного шкафа.

— Какую?

— Ну вон ту, — Лена указала на бордовый корешок.

Островерцев взял книгу, протянул Лене. Она открыла первую страницу и взяла первый лист рукописи. Так и есть — слово в слово!

Лена выдержала паузу.

— А вам не кажется подозрительным, Петр Алексеевич, что в год, когда у Ставского перестали выходить новые произведения, а последовали только переиздания и какие-то пустяковые книги статей и интервью, совпадает с годом скандала в издательстве и ухода Курганова из литературного дела?

— Ну-ну, продолжай.

— Ведь главные и самые популярные романы Ставского, когда его причислили к ряду серьезных творцов, живых классиков, приходится как раз на период его активного «кураторства» талантливой ставропольской отпрыска...

Островерцев буквально выхватил из рук Лены лист рукописи и книгу. Голикова торжествовала.

— Ленка, ты гениальная девушка. Значит, вот она какая — плата за благодетельство. Курганов писал за Ставского. Сначала он держал его той дракой на танцах, а потом, когда Курганов решился сбросить эти оковы, спровоцировал того на кражу или просто кражу подстроил. Кто не поверит живой легенде литературы? Гениально! Ты умница! Хотя это ничего не объясняет нам про взрыв, но делает понятным взаимоотношения в тройке. Взрыв и все дальнейшее — их рук дело. Я уверен! Вот увидишь, на днях они сделают из Курганова главного

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

виновника: недосмотрел с охраной, преступная халатность, возможный сговор и т.д. Ох, ловкачи! А они чисты! Но мы попробуем их опередить.

— Может, еще раз допросить Курганова?

— Не успеем. Да и не скажет он нам ничего.

Их разговор снова прервал звонок.

Островец удивленно посмотрел на дисплей мобильного: все звонки, которых он ждал, уже случились.

Лицо Петра Алексеевича было, как всегда, спокойным. Выслушав звонившего, он присел рядом с Леной, как-то ближе, чем это предполагали их отношения:

— Звонил Панкин, один из экспертов, которого я просил подстраховать с экспертизой, чтобы наши там не начудили.

— И что он?

— Ничего не могу понять.

— Да что случилось? Что сказал Панкин? — Лена не на шутку разволновалась, и медлительность шефа сейчас ее сильно нервировала.

— В момент взрыва людей не было не только в саду... Их, оказывается, не было и в «Карт-бланше».

— Как? Как такое возможно? Ведь обгоревшее мясо, останки...

— Там взорвали почти целый табун лошадей. Нет там человеческих останков. Белиберда какая-то... Бред!

Опять звонок. На экране высветился номер Прыгунова.

Аскользин назначил Тимофеичу встречу на Патриарших прудах. Выяснилось, что телевизионный босс живет в одном из соседних с Патриаршими переулков и по вечерам выгуливает своего терьера среди чахлах городских насаждений. Старый служака про себя посетовал: телевизионный люд в жилищном плане устроен куда как лучше, чем они, служители правопорядка. Простым следователям в таком районе и раньше ничего бы не дали, а уж о том, чтобы купить, и речи быть не могло и не может!

Патрики, как называли пруды москвичи, — место, располагающее к неформальной беседе. Вроде бы и на

виду, но при этом весьма уединенно... Одиночество в толпе — особенность парков больших городов.

То, что директор Т1 так легко согласился на встречу, могло означать только одно: ему есть что сказать и он не в силах более таиться.

Прыгунов поехал на такси. Павел Петрович предлагал ему свою служебную машину, но следователь отказался по причине того, что так быстрее: пока машина доедет до его дома, пока вернется... Тимофеич прибыл чуть раньше назначенного и, чтобы не мозолить никому глаза, пустился в путь вокруг пруда. На лавках много молодежи, группки, стайки, парочки, кое-где слышна нестройная гитара, почти все курят и сорят чинариками. У воды тоже полно народу. Пьют пиво, веселятся, глазят друг на друга. Юность хороша тем, что ничего не видит, кроме себя. Все остальное для юности — пустой звук. Машка вот чуть подрастет и тоже будет где-нибудь так сидеть. Неизбежно. Романтика... Только бы не курила. Девушкам это ни к чему.

Который час? Что ж! Его визави пунктуален. Аскользин шел тяжело, а терьер на поводке извивался, фыркал, вилял хвостом. Если бы мог говорить, визжал бы от радости, мол, вывели меня наконец. Смотрите все, каков я, самовлюбленный капризный породистый красавец! Однако глаза по-собачьи несчастные. Может быть, мы приписываем животным разные состояния, а ничего такого нет и в помине, только обманчивая игра света в их глазах? Кто знает, кто знает...

На Павле Петровиче была белая футболка, просторные полудомашние брюки, легкие шлепанцы.

— Владимир Тимофеевич! Хорошо, что позвонили, а то так скверно на душе после всего этого. Не знаю, какая у вас цель: допрос или дружеский разговор, но все равно рад. Я человек старомодный и все еще верю, что правоохранительные органы смогут навести порядок. Зря?

— Если бы все так считали, глядишь, и навели бы порядок.

Тимофеич улыбнулся, протянул Павлу Петровичу руку, крепко пожал. У Аскользина была большая, мягковатая, не совсем мужественная ладонь, но пожатие достойное. Терьер тонко залаял и попробовал на зуб ботинок

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Прыгунова, но, услышав весьма грозный окрик хозяина, успокоился и принял вид смиренный и даже обиженный. Отбежав чуть-чуть, нервно помочился.

— Сердитый он у вас.

— Скорее, бестолковый. Собак дрессировать надо, а мы все больше нянчимся. Его тоже можно понять. Псам бы бегать, мышцы тренировать, на просторе, без поводка! А здесь разве отпустишь? Он гавкнет на кого-нибудь, а ему бутылкой по морде. На выходных вывожу его на дачу, да последнее время со всем этим бардаком и выходных-то нет. Вот он и закидает здесь.

Вне кабинета Аскользин не был похож на начальника — обычный человек, продуманный, уравновешенный, которому не нужна напускная солидность дорвавшихся до мало-мальских постов надменных выскочек и нет необходимости маскироваться и замуровывать себя в латы неприступности, солидности и прочего. Всем, чем нужно было на его должности, он обладал: спокойный, умный, хитрый. Хотя не все так однозначно. «С ним нужен тончайший хирургический скальпель», — подумал Тимофеич. И в ту же секунду лицо Аскользина попало в свет фонаря. Глаза его были красными.

— Как ваше давление? —

Прыгунов давно усвоил, что, если хочешь добиться от собеседника правды, войди в его положение. Когда люди на нервах, их успокаивает забота, пусть и пустяковая.

— Таблеток наглотался! Вроде получше. Хотя голова как ватная. Жара еще...

— Да, жара доканывает. Меня самого сегодня прихватило...

— А у вас какая ахиллесова пята?

— Все банально: сердце.

Они не торопясь шли вдоль пруда. Успокоившийся терьер семенил рядом.

Павел Петрович ступал по земле осторожно, будто боясь оступиться. Волновался.

— Хорошо, что вы мне позвонили. Понимаете, спать невозможно! А задремлешь, кошмары наступают. Шум, кровь, перекошенное лицо Григорьева. Врагу не пожелаешь. Но едва ли я смогу быть вам полезен.

Скорее вы полезны мне. Для успокоения, уж извините! Вы, вероятно, ждете от меня чего-то, что может пролить свет на смерть... На убийство Григорьева и на весь этот сегодняшний ужас. Но тут я, — Аскользин осекся, закашлялся, — но тут я бессилен.

— Григорьев давно работал с вами? — Тимофеич больше не собирался играть в игру «взаимная вежливость пожилых мужчин».

— Он появился у нас два года назад. Раньше был собкором в Америке на СТВ.

— Вы его сами взяли или по чьей-то просьбе?

— Сам. Он профессионал. С большим опытом и телевизионным чутьем. В нем достаточно здорового цинизма, что в нашей профессии необходимо. «Гном-5» — такой проект, который требовал все время чего-то нового. Я полагал, что Григорьев это новое может внести. И он мои надежды оправдал. К нему не было никаких претензий по работе. Он грамотно реорганизовал все внутри проекта: оптимизировал штат, придал процессу большую эффективность. А для переговоров с рекламщиками более успешного человека не найти! Во время кризиса таким цены нет! Башковитый был парень. И очень работоспособный. Умел организовать людей, если надо — построить. Не мог терпеть медлительности.

— Может, это не нравилось кому-то? Знаете, как люди обычно: привыкнут работать в одном темпе, и не сдвинешь их, даже на пол-оборота быстрее не заставишь двигаться. Может, уволил кого? С кем-то поскандалил?

— Ну, конечно, не без этого. И увольнял, и полно обиженных. Штат он очень серьезно перетряс и действовал жестко, не оглядываясь, что у кого-то семьи, дети и прочее. У него была полная свобода действий, — иначе нельзя, не будут слушаться. Но так, чтобы убить, — нет.

— А как у него складывались отношения с ведущими?

— Нормально. Он ладил со всеми. А почему вы спрашиваете? — Аскользин насторожился.

— Так, кое-что проясню для себя.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Жутко все это. Говорим о людях, которых уже нет на свете. Царствие им небесное, — он зажмурился, словно сдерживал слезы, потом мелко, словно кого-то стесняясь, перекрестился.

Некоторое время они шли в молчании. Справа возвышался баснописец Крылов, всем своим каменным сытым видом выражая безразличие к мелким проблемам потомков. Тимофеич наконец решил, что бессмысленно держать карты в рукаве.

— Павел Петрович! Убийство — самое страшное, что случается среди людей, а особенно массовое убийство.

— Да-да, — закивал понимающе Аскользин. Собака семенила рядом, приостанавливаясь около редких прохожих, чтобы для порядка обнюхать.

— Мы не знаем, что будет дальше. Ведь это, согласитесь, не шутки — рвануть в центре Москвы заведение, битком набитое людьми, и остаться ненайденным. Группа это? Маньяк-одиночка? Никому не ведомо. Известно только, что ваш телеканал в центре всего происходящего. А значит, без вас следствию не продвинуться.

— Так в чем же дело? — искренне удивился Аскользин. — Я готов помочь чем могу. Просто не имею права этого не сделать — в память о ребятах.

— Что ж, охотно верю. Помните, Павел Петрович, на чем мы закончили наш с вами разговор?

— Конечно. Про угрожающие письма сотрудникам.

— Да. И вы сказали, что вам бы доложили, если бы этот факт имел место быть.

— Безусловно.

— Хорошо, я не буду больше спрашивать, кто бы доложил, но, поверьте, сейчас любая информация на вес золота.

— Владимир Тимофеевич, — с некоторой неловкостью сказал Аскользин, — забудем об этом. Ничего существенного. Просто редакция — это такой котел, в котором новости, даже мало-мальски что-нибудь значащие, распространяются со скоростью пикирования мухи на мусорный бачок. Поэтому маловероятно, что такие письма были.

— И все-таки, скорее всего, они были.

Аскользин пожал своими толстыми плечами:

— Нет, не верю в это.

— А если бы это сказал Тимофей Брамборис, поверили бы?

— Ну, Тимофей был парнем деловым.

— Почему был? Есть.

— Как? — Аскользин остановился и вопросительно посмотрел на Прыгунова.

— Брамборис жив. Как, впрочем, и Черепицын.

— Что? — Лицо Павла Петровича передернулось от неожиданности и даже несколько театрально просветлело. — Это точно?

— Абсолютно.

— Боже, вы не представляете, что это для меня значит. — Аскользин достал платок из кармана, чтобы вытереть выступившую слезу. — Я целый день сегодня на успокоительных. Нет, я не верю.

— Да-да. Только они и живы. Чудом спаслись. Но каким? Вот странный вопрос. И после такого чудесного спасения один из них, а именно Брамборис, пришел в прокуратуру. Заметьте, сам пришел. Без вызова. Пришел и сообщил о письмах с угрозами. И сказал, что единственный человек, который не получал эти письма на вашем телеканале, был Прохор Черепицын, а значит — он их и писал.

— Бред какой-то... Уж точно Прохор Черепицын был не один, кто их не получал, я тоже никаких писем не получал. И что же? Меня тоже давайте тогда подозревать.

— А ведь Прохор Черепицын звонил вам сегодня.

— Вы не перестаете меня удивлять. Как звонил?

— Нет, не вам лично. Он звонил на телеканал. Видимо, сказать, что он жив. Но ваша новая секретарша ни с кем его не соединила, а пристыдила, что он самозванец, потому что настоящий Черепицын мертв.

— Ничего не понимаю. Хотя... ну все правильно. Вера Игнатъева первый день сегодня на работе, не вычислила Прохора по голосу.

— Помилуйте, Павел Петрович. Его голос отличала вся страна, а новая

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

секретарша — нет? Такого не бывает. Видимо, кому-то все-таки было не на руку.

— Может, перестанете говорить загадками.

— Рад бы, да много больно загадок вокруг вашего телеканала. Хотелось бы знать о ваших личных отношениях с Григорьевым.

— Ах вот вы к чему! Ну а что можно сказать о наших отношениях? — Было видно, что Аскользин немного смутился. Его грузное тело как-то тяжелее стало дышать. — Нормальные, скажем так, рабочие отношения. Он, как я сказал, очень хваткий, перспективный.

— Да-да, перспективный, — Прыгунов чуть приостановился, — и, видимо, новое руководство тоже так посчитало?

— Что вы имеете в виду?

— Не готовило ли оно вам замену?

— Было дело. — Мясистая рука с едва заметной дрожью положила таблетку под язык. Собака рвалась с поводка.

— Вам плохо, Павел Петрович? Может, присядем?

— Пожалуй.

Они сели на лавочку. Вечерний покой и умиротворение московского тихого центра окончательно сворачивали свой душный дневной шатер, уступая законное место мрачной и непредсказуемой мгле ночи, чье бархатное обволакивающее обаяние таит столько же опасности, сколько и любви.

— Вы правы, Владимир Тимофеевич, он не говорил об этом, но мне было очевидно, что его прочили на мое место.

— И что же вы, так просто пустили бы этого мальчишку в свое кресло?

— У меня не оставалось выхода.

— Даже так? — Прыгунов немного удивился. — Быстро сдаваться не ваш стиль, насколько я понимаю. Неужели он вас шантажировал или собрал компромат?

— Ценю ваше умение вести беседу. Но на эту провокацию мне ответить легче легкого. Вот чего невозможно на меня найти, так это компромата. Я не играл ни с кем в азартные игры, не транслировал голых ваших бывших начальников, не

связывался с грязными делами и не подписывал сомнительных бумаг. Вам достаточно?

— Поменьше пафоса, Павел Петрович.

— Ну как вам угодно. Только компромат как раз был у меня на Григорьева. Не спрашивайте откуда. Этого я вам не скажу. Но компромат серьезный...

— Вы держали досье на всех ваших ведущих сотрудников?

— Да. Так я подстраховывал себя. Подрезал им крылышки. Позволял себе оставаться честным.

— Да вы, батенька, моралист. — Тимофеич предвидел, что решающий поворот в их разговоре близок. Не вспугнуть, ни в коем случае не вспугнуть... — Арнольд Матрасов был в курсе ваших ценных знаний?

— Да. Часть информации шла непосредственно через него. Он безмерно доверял мне, фактически был моим гарантом и ни разу не потребовал сделать что-то минимально противозаконное.

— Вы догадывались, что Матрасов перепродал Т1 сам себе?

— Я не мог об этом догадываться, потому что эта полная чепуха. — Терьер опять оживился, стараясь отбежать от хозяина подальше, отчего поводок туго натягивался.

— Почему чепуха?

— Потому что чепуха. Такого не может быть! Это со всех точек зрения бессмысленно, да и не в стиле Арнольда. Сейчас у канала совсем другие хозяева и у них иные планы. А после моей беседы с Григорьевым могу в этом поручиться на все сто.

— У вас была какая-то особенная беседа? — Прыгунов насторожился. — Вы расставили с Григорьевым все точки над «и»?

— Да, нам пришлось поговорить. Я понимал, что за моей спиной ведется некрасивая мышиная возня, и вызвал его для разговора. Он был сложным, даже можно сказать, тяжелым.

— Для вас или для Григорьева?

— Для обоих.

— И что же? Вы открыли перед Григорьевым, что вам известно о его предстоящем назначении? Пригрозили ему вашим коронным компроматом? Или что?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Такими темпами вы скоро найдете для меня железный мотив для убийства Григорьева, — Аскользин сделал паузу, ожидая реакции собеседника, но ничего не дождался. Пришлось продолжить. — Не совсем так. Сперва это никак не походило на разговор врагов. Мы с ним все обсудили, как могли в такой ситуации, доверительно. Он был достаточно адекватным человеком, не стал ничего от меня таить, даже поделился тем, что реалисти-шоу скоро будет возобновлено, более того — он отстаивает меня перед новыми хозяевами, но мои шансы невелики. Обидно, не правда ли?

— Обидно, да. Но, — прикидывая вслух Прыгунов, — вас лицедейством не проведешь, Павел Петрович, так ведь? И тут вы намекнули ему, что у вас есть на него компромат и что неизвестно еще, кому и кого придется отстаивать. Я прав?

— Он не оставил мне выбора.

— Ну это спорно. Однако что же было дальше? Как он на это отреагировал?

— Старался держать удар. Сначала посмеялся, а потом пообещал сделать все, что я его попрошу. Нехотя. Будто одолжение делает. А просьба у меня была только одна. Но, прежде чем рассказать о ней, я должен вам открыть одну тайну. Не думал, что о ней кто-то узнает до конца дней моих, но, видимо, не судьба... Дело в том, что Прохор Черепицын — мой сын.

Кто-нибудь когда-нибудь пытался объяснить себе, что такое правда, а что такое ложь? С раннего возраста нам внушают: говорить правду хорошо, врать плохо. Правда — это то, как было на самом деле, а ложь — то, чего не было. Казалось бы, все предельно просто. Будь правдивым, и будешь прав. Прimitивный детский дидактизм. Но чем дальше живешь, тем сильнее понимаешь, что не так уж очевидно знание и домыслы чаще более реальны, чем факты. И почему тогда появилась ложь во спасение, а правды во спасение нет? Правда более естественна? Нет. Дело в том, что есть правда и ложь, а между ними — хитрая, беспринципная, циничная логика, которая с усердием продажной

девки будет служить только той, кто извернет ее ловчее. Увы, но именно логика — главный инструмент юриспруденции, а значит, правда и ложь в ней не абсолютны.

Народу на Патриарших прудах становилась меньше. Молодежь спешила на последние поезда метро, те, кто постарше, отправлялись по домам или по клубам, чтобы в неандертальских танцах доказать всему миру свою человеческую состоятельность.

Два пожилых человека молчали. Разговор как-то не продолжался. Но всегда кто-то начинает первым. Обычно тот, кому тяжелее.

— Владимир Тимофеевич, еще кружок? — Аскользин тяжело, по-стариковски, с усилием вздохнул.

— Да, пожалуй. — Прыгунов протянул руку к терьеру и почесал у него за ухом.

— Не балуйте его. Такой подлиза, сил нет! Утомитесь. Не отстанет.

— Как скажете.

— История моего тайного отцовства вполне банальна. Начало семидесятых. Вы помните, конечно, то время. Я был почти в таком же возрасте, как Прохор сейчас. Думаю, что перед тем, как прийти ко мне в кабинет, вы изучили мою биографию и осведомлены, что в те годы я работал в ЦК партии, ведал культурой. У меня ведь образование театральное, я артистом собирался быть, причем только великим. Как и многие мальчишки моего поколения. Болезнь это, что ли, какая? Ведь профессия трудная, зависимая. Впрочем, может, это я от старой досады. Экраны мне не покорились. Но лакомый кусочек все-таки я у жизни урвал будь здоров. Кусочек в виде невесты, а потом жены. Пусть земля ей будет пухом! Да... Я не достоин был ее, но тогда, конечно, так не считал. Представьте, полагал себя немного пострадавшим от брака. Раиса не была ни красавицей, ни пылкой барышней. Походила на школьную учительницу. Очки, маленький носик, изрядная доля занудства. Но существовало одно обстоятельство, делавшее ее одной из самых завидных невест того времени. Папаша. Крупный работник

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

московского горкома партии. Верите, сейчас вспоминаю об этом, и тошно от себя самого. Но это сейчас. А тогда я пользовался, пользовался... Тесть-то меня и продвинул так высоко. Аж в ЦК! Сладкая жизнь, закрытые распределители, заграница! В постели, простите за подробности, моя Раиса никогда не удивляла, да и выяснилось, что родить никогда не сможет. Трагедия? Нет. Ну не может, так не может. Мир от этого не рухнет, равно как и ЦК партии. Вот жили мы довольно складно. И тут угораздило меня влюбиться. По-настоящему. Всерьез. Открылась лучшая страница жизни. Я буквально летал. И, как водится в таких случаях, потерял осторожность. Все вскрылось. Раиса на нервной почве попала в больницу. Тесть в ярости. Я твердо решил: черт с ней, с карьерой, развожусь, женюсь по любви. Но увы, мечты остались мечтами. Тесть резко перекрыл кислород. Начались проработки, причем на всех витках партийной спирали, и все как один: «Товарищ Аскользин, мы вынуждены будем вас отправить...» В общем, туда, куда Макар телят не гонял. Тогда же время было какое — партия приказала — все, будь добр, получи билет в один конец и поминай как звали. В общем, спасовал я. Та женщина рождает от меня ребенка, а отцом он называет совсем другого человека. Раиса через семь лет умерла от рака. В семью сына — никак, да и не имею права разрушать их жизнь: там все было, слава богу, ровно. Но Прохора я, конечно, вел. Помогал ему как мог, а когда он вырос — сделал все, чтобы парня протолкнуть на телевидение. Мямлей он никогда не был, язык подвешен, соображает быстро. Конечно, молодой, ранимый, но в общем и целом — парень порядочный. А порядочному как в такой молотильне, как телевидение? Вся эта телесвора его не переваривала. Не понимали, за какие-такие качества его сделали ведущим. Чувствовали чью-то протекцию и злобой исходили из-за того, что никак им было с места Прохора не скovyрнуть. Я это все видел. И как ни странно, такая ситуация была мне удобна. Очень уж явно просвечивала она людей и позволяла владеть ситуацией.

— Он так и не знает, что вы его отец?

— Нет, Прохор был в порядке, пока не началась чехарда с перепродажей канала. — Аскользин чуть приостановился. — Владимир Тимофеич, я вас не утомял? Может, зря я рассказываю все это?

— Нет-нет, продолжайте-продолжайте.

— Так вот, началась чехарда с перепродажей. Все делалось молниеносно быстро. Я чувствовал, что место мое уходит.

— И вы предложили Григорьеву в обмен на компромат, чтобы он поставил ведущим нового реалити-шоу Прохора.

— Так точно. Вы прозорливы. — Аскользин внимательно посмотрел на Тимофеевича, задержав взгляд на его лице, будто пытался заглянуть в то, что кроется за глазами. — Григорьев хотел меня переубедить, говорил, что новое реалити-шоу никак не должно ассоциироваться со старым, что герои должны быть олицетворением нового, посткризисного человека. Должна продаваться новая мораль, упакованная в идею создания нового молодого общества, что-то вроде комсомола в прошлом — участники добрые, честные, никакого секса и прочей муты.

— Но вы были непреклонны...

— В нашей жизни по-другому нельзя. В результате Григорьев обещал сделать все. А дальше... дальше его убили.

Лицо Аскользина приняло слабое, старческое выражение. Он глубоко вздохнул:

— Владимир Тимофеевич, я устал. И, в общем, сказал все что мог и даже то, чего не мог.

— Да-да, Павел Петрович, и все же... все же что вы думаете про анонимные письма с угрозами?

— Да не было никаких писем. Чепуха все это. Большая чепуха, чем продажа Матрасовым телеканала самому себе. Все это выдумка Брамбориса. Наверняка решил таким образом избавиться от Прохора. Расчистить себе путь. Негодяй он. Вообще неприятный тип, но часть аудитории его любила. Они вообще работали с Прохором на контрасте. Кстати, как же они спаслись?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Они ушли, прежде чем произошел взрыв.

— Судьба. Да. Судьба. Уже совсем поздно. Да и чувствую я себя неважно. — Павел Петрович мельком посмотрел на часы. — Надо уже идти в сторону дома.

— Я вас провожу.

— Отлично. Тем более что дом мой в двух шагах буквально.

Терьер под стать хозяину устало семенил рядом.

Малая Бронная натягивала на себя одеяло сумрака, готовясь ко сну. Людей, практически не было, и так как дачный сезон был в разгаре, свет горел лишь в очень редких окнах. Тимофеич любил центр Москвы и всегда, когда выпадала такая возможность, наслаждался его спокойным вечерним уютом.

Павел Петрович жил недалеко от гостиницы «Марко Соло», в прошлые времена называвшейся вовсе не так загадочно — «Краснопролетарская» — и служившей приютом маргинальной диссидентщины, которую не пускали в элитные Дом актера, ЦДЛ, Дом кино.

Они уже собирались прощаться. Аскользин уговаривал Прыгунова все же воспользоваться своей служебной машиной, а Тимофеич настойчиво отказывался. Шеф канала не отставал, утверждая, что его шоферы работают посменно и всегда дежурят в гараже и если следователь опасается, что, согласившись на машину, он причинит какие-то неудобства, то это заблуждение. Но Тимофеичу хотелось еще пройтись. Они уже почти было попрощались, как вдруг рядом с ними резко притормозила машина. Тимофеич мысленно наградил лихача матерком, — терпеть не мог подобных выкрутасов: наверняка молодежь развлекается на папенькины деньги. Дверь иномарки открылась, и из нее выпорхнула девица. Юбка чуть прикрывает пупок, высоченные каблукки, лаковые туфли, а грудь-то... и как только расфуфыренная фифочка повернулась, чтобы захлопнуть дверь, Тимофеич резко отвернул голову. Он не поверил своим глазам — секретарша Игнатьева собственной персоной. Прыгунов очень крепко сжал руку Павлу Петровичу и очень тихо произнес:

— Не оборачивайтесь. Идите домой и звоните в свой гараж. Срочно нужна ваша машина. Пусть шофер поставит ее здесь, а сам выйдет и оставит ключи в замке зажигания.

Каблукки девушки быстро застучали, переноса ее легкое тело ко входу в гостиницу. Аскользин кивнул. В глазах его мелькнуло подобие страха.

— Ничего не бойтесь. Сейчас в гостиницу вошла Вера Игнатьева — ваша несостоявшаяся секретарша.

Павел Петрович хотел обернуться, но Прыгунов очень быстро его остановил.

— Не оглядывайтесь. В машине, скорее всего, сообщники, и меня знают в лицо. А может, и вас. Старайтесь, чтобы нас оттуда не увидели. Вы понимаете меня?

— Конечно-конечно. — Аскользин был напряжен. — Что делать дальше? О машине распорядюсь. Я буду нужен?

— Да, нужны. Будьте рядом. Для подстраховки.

Аскользин с совершенно обессиленным от прогулки терьером пошел в сторону своего подъезда. Тимофеич направился к сияющим дверям отеля.

Внутри гостиница давила, сжимала неожиданных посетителей своей надменной учтивостью: здесь все только для дорогих, — в смысле небедных, — гостей. Прыгунов осмотрелся. У стойки стоял портье и настороженно наблюдал за ним, а со стороны лестницы уже спешил охранник.

— Чем могу помочь, уважаемый? — В его тоне смешались издевка и превосходство. Невысокий, коренастый, лет под пятьдесят, ментовская выправка. В этот момент Тимофеич увидел Игнатьеву в отражении зеркала, которое давало обзор части ресторанного зала. Девица села за столик, достала из сумки пачку сигарет. Видно, ждет кого-то.

— Можешь помочь, — довольно сухо ответил Прыгунов и раскрыл свое удостоверение. — Прокуратура.

Охранник довольно холодно посмотрел на Тимофеича, но все же наклонился, чтобы изучить корочку.

— Да-да, почитай внимательно. Владимир Тимофеевич Прыгунов.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Старший советник юстиции. Сюда вошла дама только что. Знаешь ее?

— Нет, в первый раз вижу. —

Охранник старался казаться спокойным, но в глазах появилась робость. Спесь сошла, будто ее стряхнули.

— Прекрасно. Дама в розыске.

Сейчас сюда придет группа захвата. Готовится передача крупной партии наркотиков, — насколько мог убедительно врал Тимофеич. — Давай сделаем все грамотно. Кто ты по званию-то в прошлом?

— Капитан.

— Так вот, капитан, где камеры внутреннего и наружного наблюдения ресторана?

— За стойкой портье.

Портье смотрел все более заинтересованно на беседу у зеркала.

— Попроси-ка этого

любопытного малого погулять.

Охранник подошел к портье, наклонился к самому его уху. Прыгунов рассчитал, что с места Игнатьевой стойку портье не видно. Рядом висел стеллаж со всевозможными путеводителями, буклетами, информирующими постояльцев о красотах и достопримечательностях столицы. Он взял один из них.

Охранник вернулся.

— Не хочет он уходить! Ссыт.

Говорит, что все через начальство.

Прыгунов стукнул

путеводителем пару раз о ладонь и пошел к стойке:

— Парень, твоя

бдительность выше всяких похвал. Но сейчас у меня нет времени. На, смотри на удостоверение. — Тимофеич приблизил корочку к лицу портье. — Печати, герб — все настоящее. Да и на меня посмотри внимательно. И если ты мне помешаешь, займусь тобой лично — только ли на зарплате ты тут сидишь? А то ведь у вашего брата возможности большие: вызвать девочек, подогнать дури...

— Что вы меня пугаете? —

Парень юркнул глазами в удостоверение и вышел из-за конторки.

— Ты мне покажи, как камеры включаются.

— Да все включены. Эта — улица, а вот эта — зал ресторана. — Он ткнул пальцем в экраны.

Место оказалось лучше не придумать: в одной из камер Игнатьева видна как на ладони, в другой — вся площадь перед входной дверью. Аскользин уже сидел в своей машине, сидел неподвижно, тяжело, рукой придерживал голову, а Игнатьева расположилась за столиком ресторана, покрытым крахмальной скатертью и уставленным сияющими приборами. Она грациозно курила тонкую дамскую сигарету-«зубочистку».

— Капитан, — обратился Тимофеич к охраннику, — тут есть запасной выход?

— Есть. Зеркальный этому.

— Открыт он сейчас?

— Да, как раз товар для ресторана разгружают. Большегрузам только ночью можно.

— Черт! — выругался Прыгунов.

Он не сводил взгляда с секретарши. В этот момент ей кто-то звонил. Она прижала плечом мобильный, одной рукой держала кошелек, а другой вытаскивала из нее тысячу. Поговорив и рассчитавшись, она засобиравлась. Вытащила из сумочки зеркало и помаду, двумя точными движениями подкрасила губы. Игнатьева была достаточно мила, чуть худощава, но очень хорошо сложена, и в лице почти детская невинность. Тимофеич ухмыльнулся, вспомнив, какой спектакль выломала эта «невинность». Ни в одном ее жесте нельзя было усмотреть ни капли беспокойства.

Странно... Она ведь явно кого-то дожидалась. Не кофе же она сюда пришла попить в такой час!

Секретарша встала из-за стола, улыбнулась официанту, а также мужчинам, сидящим за соседним столиком, чьи взгляды жадно впивались во все части ее соблазнительного тела, и пошла в сторону дамской комнаты.

«Кто ей звонил? Почему она так быстро засобиравлась?»

— Капитан, я караулю ее у туалета, ты держи ее здесь.

— Нельзя мне. Я же не мент, а она — клиентка: попрут с работы сразу.

Прыгунов понимающе посмотрел на охранника.

— Тогда обеспечь мне проход в зал, чтобы ваши думали, что мы

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

знакомы, и дорогу через запасной выход. — Тимофеич прикинул, что те, кто ждет девушку в машине, могут быть физически сильнее, чем два старика.

Капитан пошел вместе с Тимофеичем в зал ресторана. Дамская комната находилась в глубине коридора, недалеко от кухни.

Тимофеич чувствовал, что его рубашка неожиданно покрылась потом. Сердце опять давало о себе знать. Вышолонные официанты сновали между столиками, лилась медленная музыка, публика безмятежно отдыхала.

Когда девушка вышла, он резко схватил ее за руку.

— Вы арестованы. Пройдемте со мной.

— В чем дело? Никуда я не пойду. На помощь! — закричала Вера. Тимофеич зажал ей рот и затолкнул в тускло освещенную подсобку.

— Ах это ты, старый козел? Что тебе надо?

— Не шуми. — Тимофеич тяжело дышал. Он едва смог перевести дух после этой схватки. — Кто тебя нанял?

— Куда нанял?

— Убить Григорьева.

— Не смеши меня. И

разойдемся по-хорошему. — Игнатьева нагло рассмеялась Тимофеичу в лицо.

— Сейчас сюда приедет наряд. Не хорохорься так. — Прыгунову становилось все хуже. К голове прилиwała кровь, сердце ухало. — Ты хоть понимаешь, насколько ты влипла? Тебе светит на полную катушку.

— Ха-ха, напугал ежа голой жопой! Все штучки ваши ментовские! Про них даже в книгах уже не пишут — не интересно!

— Убийство мы на тебя повесим в два счета. Не знаю, кто за тобой стоит, что ты такая смелая, но они же тебя и сдадут. Ты не знаешь, в какие игры играешь. Растопчут тебя как мелкую мошку.

В глазах Игнатьевой мелькнула злость. И надо же такому случиться, что именно в этот момент забарабанили в дверь.

— Эй. Все в порядке?

«Придурок капитан», — только успел подумать Прыгунов, как на него нахлынула темнота.

Очнулся он почти мгновенно. Грузная фигура охранника, в глазах которого застыл ужас, нависала над ним.

— Девчонка где? — выкрикнул Тимофеич и сам удивился своему голосу.

— Она меня чуть с ног не снесла. Как пантера налетела. Я думал, что она вас того... как смерть белый лежали.

Тимофеич поднялся и бросился к выходу. Он бежал через ресторан под изумленные взгляды официантов и публики, не видел ничего на своем пути, зацепил пару стульев в коридоре. Через стекло двери Прыгунов заметил, что Игнатьева заскочила в свою машину, после чего шины моментально взвизгнули, разворачивая блестящую «БМВ».

Тимофеич кинулся к машине Аскользина.

Два автомобиля на предельной скорости мчались в сторону Садового кольца. Жаркий воздух пронизывали скрип шин, азарт, отчаяние и страх.

По Садовому погоня продолжалась недолго. «БМВ» свернула на Малую Бронную, а потом в переулки. Машины двигались почти впритык, вираж за виражом.

— Телефон!

— Что? — Аскользин испуганно посмотрел на Прыгунова.

— Набирайте...

Тимофеич продиктовал номер дежурного по городу, затем перехватил трубку.

— Старший следователь Прыгунов, Генеральная прокуратура. Машина БМВ, серебристая, номер 918, Московский регион. В машине подозреваемая в убийстве. — Тимофеич понимал, что очень рискует. Прямых доказательств у него против Игнатьевой нет. Но позволить ей уйти — недопустимо.

В этот момент водитель Игнатьевой резко дал по тормозам, так что Тимофеич практически поравнялся с «БМВ». Машину, за рулем которой сидел Прыгунов, вынесло на тротуар. Аскользина бросило вперед, доля сантиметра, и его голова пробилась бы лобовое стекло.

Игнатьева выскочила из машины, а «БМВ» рванула с места. Девушка бежала в неосвещенную

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

часть двора. Пригунов бросился за ней.

— Стой! — крикнул он.

Шансов догнать ее не было никаких: она уже растворилась в темноте, только каблук отдаленно отбивали мелкую ритмичную дробь.

— Стой, стрелять буду!

Выстрел. Второй. Цокот каблук оборвался, и Тимофеич услышал звук падающего тела.

Во двор вбегали несколько милиционеров.

Да уж! Избави Господь в будущем от таких заданий. Павлухе еще повезло: его после нашего заезда в этот дурацкий парк сразу же отпустили. Я видел в зеркало, как он уезжал, аж сиял весь. А мне еще в аэропорт пришлось мотаться с каким-то хлыщом. Рожа у него все-таки мерзкая. Мы, дальнобойщики, конечно, народ спокойный, но всему же предел есть! Что там в парке творилось! Дым, аж глаза щипало. Потом ко мне этот хлыщ в машину прыгнул и как заорет: «Езжай к выходу». А я что? Мое дело маленькое. Денег получил — обязан подчиняться... Пока до Домодедова доехал, все на свете проклял. По всему городу машины с мигалками, паника какая-то.

Ну все, теперь домой!!! Слава тебе, господи, все кончилось. Надо по приезду узнать, как там Павлуха. Пацан молодой, трепать бы не начал. Нас ведь предупредили — никакого трепача, а то плохо кончится... так! А это что за дурень на встречную выехал? Вот идиот! Мать честная!

— А-а-а-а-а...

— Вы ее точно не задели? — Голос Островерцева был как никогда взволнованным, он почти кричал в телефон. Лена редко видела шефа в таком состоянии. — Кто с вами? Дайте ему срочно трубку!

На том конце провода, видимо, велись переговоры. Петр Алексеевич заметно нервничал. Лицо его покрылось испариной.

— Кто звонит? — Голиковой не терпелось узнать, что случилось.

— Тимофеич. — Островерцев прижал ладонью трубку. — Похоже, влип он. Напал на след девицы,

которая днем убежала из офиса телеканала, стрелял по ней. Сейчас там милиция.

— О боже! Только этого не хватало. — Лена обхватила ладонями скулы и лоб, приподнимая волосы, локти уперлись в стол.

— Да-да... — Тимофеич поговорил с милиционером. — В каком он звании?

Трубку передали.

— Приветствую вас, лейтенант. — Островерцев старался не выдать своего волнения. Интонация и ритм были безупречны — настоящая служебная чеканка: сухая и безэмоциональная. — Следовательно по особо важным делам, Генеральная прокуратура, Островерцев Петр Алексеевич. Лейтенант, девушка, за которой велась погоня, причастна к делу о взрыве в караоке-клубе. Дело федерального значения.

Милиционер, видимо, стал возражать.

— Я понимаю, что ваша работа... — все так же напористо продолжал Островерцев. — Да, конечно, нужно составить рапорт. Составьте, возьмите все данные, но всех троих надо отпустить. Под мою личную ответственность. Повторяю, дело федерального значения, вы можете помешать следствию. Что? Мои документы? Приезжайте сюда, я вам все предъявлю. Заодно сопроводите нашего сотрудника с подозреваемой — мало ли что. Лена, диктуй адрес.

Их не пытали, не били, им даже дали теплую одежду. Единственный запрет — разговаривать друг с другом. Пистолеты в руках охранников заставляли верить в серьезность не только запрета, но и всего происходящего, им оставалось только искать глазами в темноте тени и молчаливо вопрошать: что было бы, если они не договорились бы заранее отправиться туда, в этот «Карт-бланш»? Ответа не было. Возможно, когда-нибудь они все узнают. Если выживут.

В затхлом воздухе явственно ощущалась солоноватая сырость.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Квартира Голиковой при таком скоплении народа выглядела тесноватой. Прыгунов полулежал в кресле, ворот рубахи расстегнут. «Как все закончится, пойду сдаваться врачам. Сегодня из-за секундной отключки чуть не упустил эту фику», — думал Тимофеич, а сам прислушивался к разговору в прихожей лейтенанта и Островерцева. Хороший все-таки парень лейтенант, не полез на рожон. А мог преспокойно отвезти их в КПЗ, мол, знать ничего не знаю, разбирайтесь с начальством.

— Юра, — Петр Алексеевич говорил с лейтенантом как старший по званию, но с доверительной интонацией, противоречить которой обычно нельзя. — Личная моя просьба: не сообщай о стрельбе и задержании в сводки до полудня.

— Но я не могу, — почти виновато ответил лейтенант. — Не положено.

— Знаю, что не положено, но очень надо. — Островерцев смотрел парню прямо в глаза. — Надо, понимаешь. Очень надо.

— Хорошо. Сделаю. — Лейтенант надел фуражку. — Нам пора.

Дверь за милиционерами закрылась. Павел Петрович Аскользин тихо покачивался на стуле. Видимо, так он сам себя взбадривал: бессонная ночь в его возрасте — дело нешуточное. Наверное, он проклинал себя, что согласился встретиться с Прыгуновым.

Островерцев мерил шагами небольшое пространство. Игнатьева расположилась на диване, закинув ногу на ногу, и изящно покачивала стопой. Голикова, скрестив руки на груди, буравила взглядом ее лаковые шпильки: терпеть не могла бесцеремонности, точно так же как не любила, когда в доме не снимают обувь, но не заставлял же теперь эту прохвостку переобуваться, да еще и в свои собственные тапочки, пусть уж сидит так.

— Итак, Вера Игнатьева — это ваше настоящее имя и фамилия? — спросил Островерцев.

— Да. — Девушка отвечала достаточно развязно.

— Кто предложил вам устроиться на работу в телекомпанию?

— Никто. Сама. Искала работу, вывешивала везде резюме. Их отдел кадров заинтересовался — вот и все.

— А с прежней почему ушли?

— Сократили. Кризис.

— Кем работали?

— Секретарем-референтом.

Четыре года.

— А кто были те люди, которых вы впустили в офис?

— Понятия не имею. С вахты позвонили, сказали, что рабочие. Я спустилась и провела их.

— А документы вы их видели?

Вы же должны были им выписать на каком-то основании разовые пропуска?

— Не выписывала им ничего — подумала, что они ведь рабочие, а не посетители. Попросила охрану провести по-свойски.

— Не побоялись в первый день работы пренебречь правилами? У вас ведь с пропусками строго.

— Боялась. Но были другие срочные дела. Нужно было возвращаться в офис.

— А почему же, Вера, вы решили уйти?

— Плохо стало. Чуть не вырвало от зрелища. Павел Петрович меня отпустил. — Аскользин, встретившись взглядом с Островерцевым, кивнул ему, подтверждая слова Игнатьевой.

— Почему же вы убежали через окно?

— Какое еще окно? Я вышла через дверь.

— Охрана вас не видела.

— Это их трудности.

— Отдел кадров Т1 утверждает, что вас взяли работать по настоянию Григорьева. Это так?

— Им виднее. Мне просто позвонили и сказали, что берут и все. А можно спросить теперь мне? — Игнатьева чуть приосанилась. — В чем я обвиняюсь и почему меня здесь держат среди ночи? На каком основании и по какому праву?

— Основание найти недолго.

— Да, я знаю, у вас такая профессия — делать из свидетелей подсудимых.

— Ну зачем вы так? Хорошая у нас профессия. Если все делать по букве закона, то вас сейчас же и отправим в КПЗ. Вы подозреваетесь в организации убийства человека. Поверьте, это очень серьезное обвинение, тем более в рамках

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

громкого дела. Звонить лейтенанту? Думаю, они недалеко уехали. — Островерцев вытащил из кармана телефон.

— Не надо. Все скажу. Мой бывший босс дружил с Григорьевым. Вот он и попросил взять меня на работу, пока у него дела не пойдут на лад.

— Одним словом, Григорьев помог вам, а вы отплатили ему такой монетой?

— Я не знала, что его убьют. Правда. Меня просили только пустить рабочих.

— Кто просил?

— Позвонил человек, представился одним из акционеров, Сергеем Певзнером.

Островерцев повернулся к Аскользину:

— Есть у вас такой?

Павел Петрович только развел руками:

— Я о нем не слышал. Но в менеджменте последнее время все изменилось.

Островерцев кисло улыбнулся. Все связывалось, но как-то не так...

— Рассказывайте очень подробно, что этот Певзнер просил вас сделать.

— Просил спуститься вниз и пропустить рабочих...

— Вы спросили зачем?

— Да. Но он сказал, что меня это не касается, я не стала спорить.

— Что он еще просил?

— Больше ничего.

— Почему вы убежали через окно?

— Испугалась, увидев Григорьева повешенным. Ведь я впустила убийц.

— Но вы могли пойти к Павлу Петровичу и все ему рассказать.

— Я испугалась.

Тимофеич поднялся со своего места:

— И выпрыгнула со второго этажа, чтобы уехать вместе с убийцами.

— Ни с какими убийцами я не уезжала. Я спрыгнула и пошла к метро. Хотелось быстрее убежать от всего этого кошмара.

Аскользин оживился:

— Помните, Владимир Тимофеевич, я звонил ей, и телефон

был заблокирован. Она ехала в метро, я же тогда вам сказал...

Тимофеич готов был орать от злости. Как складно она врет! Прямо невинная овечка. Оставался последний козырь.

— А почему вы не позвали Аскользина к телефону, когда звонил Черепицын?

— Это какой-то чокнутый звонил, Черепицын ведь погиб. Вы же не будете говорить мне, что он жив.

И эта карта бита.

Островерцев дал Голиковой и Прыгунову знак, что хочет, чтобы они вышли на кухню, и как только плотно закрыл за собой дверь, обреченно сказал:

— Ну что ж, поздравляю вас, мы в полном дерьме. У нас было время до утра, теперь у нас его нет. Нас вынудили играть на флажке. Мы в цейтноте, и на комбинации времени нет. Я принял решение. Более не имеет смысла пополнять картотеку. Просто физически нельзя тянуть. Вы сами видите, что давят нас крепко и скоро раздавят. Надо спешить, иначе все, что было сделано, пойдет прахом. Вы остаетесь здесь, я уезжаю.

Аскользина сейчас отпустим, а девицу держите. Лена, это, главным образом, к тебе, ты женщина, найдешь способ, как с ней справиться. До полудня ее надо держать. Держать так, чтобы потом к вам не подкопались. Всеми силами держите. Поняли?

Голикова кивнула.

— Рапорт завтра будет в милиции, так что, Владимир Тимофеевич, готовься, могут тебя там помуржить. Но ты ведь все знаешь, как действовать?

— Не волнуйся, Петя, — ответил Прыгунов. — Выкручусь.

— Ну ребята, с Богом! Скоро все будет решено. Я не прощаюсь. Верю в приметы. Не может быть так, чтобы мы больше не увиделись.

На лице Островерцева воцарилась спокойная уверенность. Он набрал чей-то номер. Напряжение руки — единственное, что выдавало его волнение:

— Алло, Олег! Мы начинаем.

* * *

Водка подействовала. Вот уж никогда не понимала, зачем ее мужики пьют; когда слышала «снять стресс» —

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ржала. Снять стресс, чтобы потом лежать, как я вот сейчас, на ковре с тяжелой, как кирпич, головой и ватными ногами. Надо же так было надратся, а выпила — всего ничего. Глаза открыть страшно... как в детстве страх, что откроешь глаза, а там ничего нет. И все же надо как-то подняться.

На улице темно. В квартире тишина. Компьютер гудит. О боже... Прохор! Прохор мертв... Господи, что же делать? Неужели это правда? Надо срочно звонить Эльке, только она может что-то знать.

Где мобильный?

Черт, ничего не ответила. Ну как так можно?

Прохора нет!

Прохора нет!

Мой организм выбрасывает из себя сон. Уже почти полночь. Сон уходит, а ужас возвращается. Лучше бы вернулись все мои детские страхи сразу, чем это. В комнате от безысходности воет каждая вещь. Даже початая бутылка водки тихо плачет. Может, это галлюцинации? Схожу с ума? Страшно встать. Я не выдержу угол, который образу с полом. Голова каменная. Как же так можно напиться? Мой Прохор... он никогда не разрешал мне пить водку. Говорил, что мне не идет. А кому идет? Кому-то, наверное, идет. А я — маленькая девочка, я — мечта, я неземная, я из сна. Да-да, он говорил, что я сгусток маленьких блестящих светлячков. Любил? Любил, наверное. В тот вечер, когда мы зачали ребеночка, я пила очень много сухого вина. Интересно, это скажется?

В голове такой шум, будто экскаватор работает. Надо все же подняться.

Черт... страх еще сильнее.

Смерть. Плохо. Плохо. Плохо.

Какая же я была идиотка, когда в школе утешала подружку, которая потеряла отца, какие глупости я говорила, что жизнь продолжается, что время лечит. Дура! Чужие, заученные слова. Если бы мне кто-нибудь такое сказал сейчас, плюнула бы в морду. Хорошо, что рядом никого нет! Страшно и хорошо.

Прохор умер, а во мне, возможно, новая жизнь. Росточек Прохора. Неужели у меня будет ребенок? Неужели он живет во мне?

Прохор живет во мне? Что же делать? Везде говорят, что ребенок в утробе все слышит. Надо срочно поставить музыку. Мы с ним вместе. С моим мальчиком. Господи, пусть это будет мальчик. Музыку... Педагог по гармонии сказал, что с моим талантом лучше рожать детей, музыка не сочетается с семьей. И что получилось? Ни семьи, ни музыки. Но будет ребенок! И будет музыка. От этой мысли страх согнулся и отполз. Что-то будто щелкнуло в голове, словно переключили, как в старом телевизоре на ножках, на другую программу. Элька не позвонила. Какая к черту Элька? Какая к черту Турция? К черту!!!

Бешено захотелось послушать классику. У меня отличная аппаратура и куча дисков. Как же давно я не слушала музыку! Очень давно. С училища. Перебор был, наверное. Одна сплошная музыка, в литературе, в заданиях, в нотных тетрадях, в глазах, ушах, на кончиках пальцев, в хронически усталой шее. Жаль, что все впустую. Ну нет у меня таланта. Чтобы быть музыкантом всерьез, надо культивировать в себе сумасшествие. А я детская девочка. Я — мечта.

Так, что тут у нас? Реквием Форе. Забавно, именно его фрагмент я махала на дипломе. Чудеса. Что ж, пусть мир музыки начнется у малыша с того, чем закончился он у мамы. Нет уж — слишком грустно и безнадежно. Хочу жизни! Вот, пожалуй, саксофон — да-да, то что надо. Секунда — и в пространство вторглась и обволокла тягучая, свежая и влажная, как морской бриз, музыка. Играл Алекс Новиков.

Я опять легла на ковер. Чудесный ковер. Сколько же ему лет? Сколько себя помню, он в комнате. В детстве выкладывала сюда все свои игрушки. Мой островок счастья. Красочный лоскут на скучном полу. Мать вечно ругалась, что пыль собираю. Ах, родители-родители. Порой вещи нам ближе, чем родственники. Они не предъявляют претензий, ничего не хотят от нас, с нами грустят и радуются. Как мы все одиноки. Звуки музыки обтягивали, как узкое платье. Бедный Прохор... Он тоже был одинок-одинок. Как будто стоял рядом со своей жизнью и

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

стеснялся войти. Так и не вошел. Царствие небесное. Если бы он жил своей жизнью, бросил бы эту чертову работу. Ведь не любил ее. Но не мог! Любил меня, но боялся настоящей жизни вместе. Не разрешал оставаться у него больше чем на два дня. Чего, спрашивается, боялся? Привычки? Что чувства рассыпятся или, наоборот, накроют с головой. Да, и из-за этого я сделала дурость, выдумала «хорошего человека», которого в помине нет. Думала, что он наконец-то решится на что-то. Или да, или нет. И вышло одно большое черное, как пустота, НЕТ.

Диск закончился. Стало темно и тихо. А у Прохора даже ночью не было темно. Фонарь светил прямо в окно. И я всегда видела его лицо. А он мое...

Надо включить телевизор. Выползти из этой всасывающей меня черноты. Услышать чей-то голос.

Экран дал комнате необходимый свет. Противный все равно. Холодный. Странно... выходной день, а по ящику одни разговоры. Т1. Чем они заменили «Гном-5»? Какая-то скучная политическая дискуссия. Давно на телевидении не было так много политики. Люди в футлярах, одинаковых душных пиджаках и галстуках. Замурованные в глупый, но серьезный образ лица. Как десять лет назад. Все повторяется. Новый виток спирали. Отец тогда смотрел ящик как приклеенный, будто от этого что-то могло измениться. Обсуждают взрывы в Москве. Дом в Бутово. Опять... Говорят, что прокуроры медлят, расследование организовано не на должном уровне. Следствие непрофессионально, держит прессу в неизвестности, а это совсем не по законам демократического общества, черт его подери! Теперь понятно, почему Элька не позвонила. Не до меня. Видно, напрягают их по полной. А это что за пузатый адвокат? Брызжет слюной так, что хочется экран вытереть! Беспомощная власть, кризис, взрывы и начало конца, — тьфу, сальные скотские глазки. Сам-то? Шепелявый бесстыжий болтун, что ты сделал для людей? Носишь свое брюхо на телевидение, чтобы морду твою запомнили. Так... теперь про «Гном-5» надрыдается. Самое вредное шоу, разложение молодежи, нужны новые идеалы, правильные устремления, перемены. Перемены...

что это вы про перемены заговорили, вроде совсем недавно мода на стабильность была. А это что еще за вошь? Дохлый юнец, а уже депутат, даже голос еще не сломался, визжит, что сама жизнь взорвала это аморальное шоу. И что ж вы раньше-то молчали, а заголосили только сейчас, когда шоу закрыто? Лицемеры. Ненавижу вас! Сколько вам платят за эту проституцию?

Так, а на другом канале... тьфу! — то же самое. Один в один. Только физиономии более дурацкие. А так — одни говорилки. В основном военные... Какой-то чистенький прилизанный проходимец кричит, что армия развалена и лишь полная смена генералитета приведет к восстановлению порядка. Так, а на главном? На главном призывают бороться с коррупцией. Когда же вы закончите призывать и начнете бороться? Столько лет — «вот-вот» и «надо». Если бы так боролись, как об этом говорили, — жили бы уже лет десять при коммунизме. Смертную казнь предлагают ввести. Смешно! Кто же тогда в стране останется? Тогда будут управлять государством кухарки.

А вообще, ну ничего меня не волнует. Ни-че-го. Я беременна. И жду ребенка от любимого человека. Я люблю. Люблю Прохора Черепицына, которого больше нет...

* * *

Островерцев гнал в Домодедово. Город опустел. В этот час вести машину — одно удовольствие. Но, увы, сейчас совсем не до автомобилистских радостей. Мысли о другом. Чем ближе аэропорт и час вылета, тем, как ни странно, спокойнее. Только сейчас он почувствовал, что все последние годы жил на изломе, машинально, уперто, зашоренно... и забыл, как люди радуются жизни.

Поднимался с постели, ехал в прокуратуру, работал, работал, работал, прокручивал все возможные комбинации дел, искал суть, докапывался до отправной точки преступлений, до их истинных заказчиков, мотивов, целей, так легко тонущих и теряющихся в скрытых векторах, нижних и верхних, явных и пунктирных хитросплетениях. И почти всегда за громкими делами были некие

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

люди, которых нельзя назвать. Они не вылезают с телевидения, газетных полос, они на виду, уважаемы и не достигаемы для закона. Вот такие шкатулки с секретом, а не дела. И все секреты Островерцев надежно консервировал, ибо правда тщательно затиралась, так, что на правду уже была и не похожа. Но все-таки она есть. Донкихотство? Вечный идеализм? Увы, сейчас это синонимы непроходимейшей глупости. Надо жить и радоваться жизни. Тратить деньги. Наслаждаться. Ведь годы идут, а у друзей растут дети, сами друзья проводят жизнь у телевизора, читают в лучшем случае гороскопы, даже кроссворды в прошлом — там надо думать. А если думаешь — парень, значит, с тобой что-то не так. Пойдем махнем пивка, поговорим за жизнь. Только о чем будет этот разговор? То-то и вопрос, что ни о чем.

А какой смысл в его правде? Народу она все равно не нужна. Ну откроет он картотеку. Пошумят неделю-две, максимум месяц, и обо всем благополучно забудут. Все вернется на круги своя. Но он... он отрежет себе путь назад. Будет новая жизнь. Совсем. Без прошлого. А может, не будет ничего. Игра слишком серьезна, чтобы загадывать будущее.

Так странно... Сколько раз Островерцев думал о моменте, когда чаша вместит в себя последнюю каплю! И сейчас улыбался той, наверное, юношеской наивности. Он ждал пафоса, геройства, подвига, чувства распахнутой настежь груди. Но этого не было. Кровь не бурлит, виски не стучат, все тихо, что даже обидно. Наверное, настоящая решимость и есть такая.

И все-таки, может, ему удастся разворошить это осиное гнездо? Надломить хребет этому прожорливому червю, изъевшему всю страну преступностью, воровством, алчностью? Кто знает. Может, это будет искра, которая спалит хоть часть этого ада? И начнется борьба света и тьмы, подлинности и фальши, смерти и жизни, в конце концов. Ну наконец-то появился пафос! Островерцев грустно улыбнулся.

С делом о взрывах все более-менее ясно! Очередной деятель, в данном случае Матрасов, разбил шатер над своими миллиардами,

взрывоопасный такой шатер. Почувствовал своим звериным нюхом запах жареного и стал судорожно метить территорию.

Аэропорт Домодедово, когда подъезжаешь к нему в темноте, напоминает зловещий тупик. Будто в этой громаде обрывается не дорога, а жизнь. Чистилище перед полетом в неизвестность. Сейчас впору содрогнуться от такой мысли.

Островерцев припарковал машину на платной стоянке, выключил двигатель. Много машин. Едва нашел место. Несмотря на кризис, люди продолжают летать, выкидывая огромные деньги на билеты, отели, личный комфорт. Кризис... кому война, кому — мать родна!

По договоренности с Балканскими авиалиниями бронь Островерцева на рейс в Варну уже несколько лет переносилась с рейса на рейс. И вот теперь он ее активизировал. Молодчина Олег.

«Сколько там еще до вылета?! Покурить точно успею...» Островерцев прикурил. Дым в витиеватом, причудливом танце уходил в окно, чтобы раствориться в воздухе, пропасть, рассеяться, стереться, разомлеть в атомах азота. Все стремится, в конце концов, к гармонии. А человеческие устремления, увы, слишком приземленны, то бишь низменны. Вверх сложно, не пускают грехи, а в пучину ада, разврата, воровства — милости просим! — легко и просто.

Вернется ли он еще в Россию? Сядет ли за руль этой машины, так верно и долго служившей ему? Неизвестно! Абсолютно ясно только одно: люди обязаны рисковать. Если они люди...

С ребятами все договорено. С завтрашнего дня они ни о чем не знают, ни в чем не участвовали, и если вдруг провал, неудача, они обязаны сдать его и проклясть. Пусть те, кто будет рыть землю по его следам, попробуют до чего-нибудь докопаться! Пылью задохнуться...

Островерцев выкинул окурочек в окно и вышел из машины. Погладил ее по капоту. «Что ж, пусть удача будет со мной!»

Зал вылетов — огромный, просторный, двухэтажный: настоящий

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

людской муравейник. Чемоданы, сумки, испуганные перекошенные лица, ищущие на табло свой рейс, отдыхающие, отдохнувшие, транзитники, папаши наперевес с баулами и висящими детьми. Билеты, деньги, паспорта, суэта, волнение, ожидание, предвкушение, тревога, счастье...

Островерцев подошел к электронному табло. Увидев свой номер стойки регистрации, отправился к ней. Вещей у него не было. Наверное, впервые в жизни он летел без багажа. Все необходимое купит на месте.

Получив на руки посадочный талон, отправился на паспортный контроль. С визой все в порядке. Опять же спасибо Олегу.

Удивительно, как он ладил со всеми консулами в болгарском посольстве. Не укладывалось в голове, как в странах восточного блока те люди, которые клялись в верности социализму чаще, чем ходили в туалет, превратились в адептов Запада, возненавидели Россию и русский язык, и это привело их к бедности, унижению, а теперь и кризису. Кто страдает от него в первую очередь? Само собой, не господа, а слуги! Почему человечество неизменно действует вопреки здравому смыслу и позитивной логике? Ему, взрослому мужику, трудно было с этим смириться, хотя и известно, что опыт ведет к цинизму. Возможно. Но в душу никому не заглянешь!

Унизительный личный досмотр позади. Хоть одного террориста поймали во время этой процедуры? Мир, упражняясь в борьбе с выдуманным злом, укрепил зло настоящее.

Пройдя паспортный контроль, он ощутил прилив свободы, которая всего лишь была адреналином. Его уже никто не остановит.

Время еще есть. Островерцев зашел в бар. Заказал виски и пепси, на закуску — пакет чипсов. Сделал несколько мелких быстрых глотков, будто утоляя жажду.

Объявили посадку. Самолет большой. Забит пассажирами под завязку. Место, как и просил, у окна. Спать!

На вопрос, откуда в саду Вернисаж взяли останки лошадей, он не мог ответить. И не хотел! Ему это неважно. Это отвлекло бы его от главного, и у него не оставалось выхода, как обманывать самого себя. Однако он был убежден, что кто-нибудь когда-нибудь с этим разберется! Может быть, даже совсем скоро...

Часть седьмая

Человек, сидевший посередине моей комнаты в кресле, был почти незаметен. Его очертания размывала вязкая темнота. Как же не вовремя разбили фонарь. Человек встал. Никаких контуров лица, — так и есть, на нем черная маска. Я оцепенел.

Господи, куда я попал? Будто в кадр «Кавказской пленницы», где Саахова поджидали мстители. Вот-вот услышу: «Сестра, включи телевизор погромче». Мда, не смешно. На грабеж не похоже, — обчистил квартиру и иди. Может, это маньяк, который писал письма? Всем писал, а ко мне пришел сам? Так и есть. Сейчас замочит. Наверняка тут еще кто-то.

Моя рука была сжата Викиной. Ладонь холоднее льда.

— Кто вы и что вам нужно в моей квартире? — Я старался говорить так, чтобы не выдать волнения.

— Садитесь прежде всего. Вы не один? Тем лучше.

Мы с Викой сделали несколько неуверенных шагов и сели на мою кровать. Она тесно прижалась ко мне и все еще дрожала. Как ни странно, это не давало мне окончательно срейфить.

— Прежде всего, — начал человек, — я не враг.

— Прежде всего, друзья так не приходят в гости, вы не находите? Мы знакомы?

Опасности вроде не было. Да и кому по большому счету я нужен, уволенный и мертвый?

— Вашей спутнице лучше?

— Можно я пойду? — Голос Вики звучал совсем слабо. Она прижимала к груди подаренный мной букет, словно защищалась им. Целлофан шуршал как-то празднично, что совсем не соответствовало ужасу момента. Торжество смерти какое-то.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Теперь уже нельзя... Цветы пристройте в воду. Жалко, если завянут. Только свет не включайте. Свет нам пока ни к чему

Вика встала и почти на ощупь пошла в кухню. Хорошо, что квартира небольшая и совсем маленький коридор — не сориентироваться невозможно.

— И не вздумайте бежать, в подъезде, на улице — мои люди... вас вернут. Последствия будут плохими. Жаль, что вы втянуты в это, но теперь от вас ничего не зависит. Все зависит только от Прохора Черепицына.

Вика продолжила свой путь. Вскоре зажурчала вода, хлопнула дверца холодильника. Видимо, она открыла его, чтобы его освещением хоть что-то различить в темноте.

Мой гость продолжал вальяжно, нога на ногу, сидеть в кресле. Можно подумать, это я у него в гостях.

— Сначала я обязан определить условия нашего разговора. Не могу вам представиться и даже открыть свое лицо. Это моя услуга вам. Своего рода фора. Если бы вы знали, кто я, у нашей беседы не оставалось бы ни одного маневра. А у вас ни одного шанса.

— Веселенькое начало.

— Ваша роль в прежнем шоу закончена навсегда, — бесстрастно продолжала маска.

— В прежнем? Что, будет новое? «Внимание, внимание! Только у нас «Мумия «Гнома-5» возвращается». Забавно. И действительно ново. У шоу не будет конкуренции. Абсолютный успех! Сенсация!

— Вы очень взвинчены. Так у нас ничего не получится. Чем быстрее вы успокоитесь, тем это будет полезнее для вас. Поверьте! Как, кстати, зовут вашу спутницу?

— Виктория.

— «Победа», значит. Это символично. Сегодня мы можем победить.

— Кто мы?

— Мы. Все вместе.

— Хм... Забавно, только когда же закончатся эти загадки? Можно услышать наконец, что вы от меня хотите?

— Вы не готовы к серьезному разговору. Я же вам велел расслабиться.

«Передо мной интеллигентный Мефистофель в образе Фантомаса? Или наоборот? Он пришел за моей душой, — развлекал я себя подобными предположениями. — В конце концов, не каждому выпадает шанс встретить в собственной квартире человека в маске и думать, что вот так, собственной персоной за тобой пришла смерть. Или ее посланник? А смерть ведь приходит только за душой. Неужели моя душа кому-то нужна?»

Молчание. Слышно, как Вика ходит на кухне.

— Вика, поставь, пожалуйста, чайник, будь добра. Хочется чая, — неожиданно крикнул незнакомец. Ответ его, похоже, не волновал. Привык, что ему не отказывают.

«Вот так раз... Посланники смерти еще и чай пьют?»

Мой Мефистофель поражал своим спокойствием. Он сидел не шелохнувшись, в крошечной темноте и тишине мне казалось, что вообще никого нет, что я один, что это сон, наваждение, секундное переплетение каких-то параллельных реальностей, но в действительности — только Вика, которая вот-вот войдет. Чпок! — и иллюзия разлетелась — Мефистофель кашлянул. Значит, он все-таки здесь.

— Итак, как вам в роли безработного?

— Привыкаю, — Старался спокойно ответить я. — спросили бы лучше меня о роли мертвого.

— Она вам, как я вижу, больше по душе.

— Она меня забавляет. Кстати, сегодня я собирался открыть факт своей жизни, но представьте, у меня это не вышло.

— Ничего удивительного. Нам так было надо.

— Кому это вам?

— Узнаете. Всему свое время.

— И все же я не сторонник игры в одни ворота, — упорствовал я.

— У нас не игра. У нас деловой разговор.

Вика вошла в комнату. Бедняжка, как же она балансировала в темноте с подносом горячих чашек? Она поставила его на журнальный стол. Какая-то чепуха... ну при чем здесь чай? Зачем он ему понадобился. Я принципиально не хотел участвовать в этом фарсе. Мефистофель потянулся за чашкой.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Вика села ко мне. Она часто и нервно дышала. Бедная девочка.

— Кстати, — довольно развязно разбил я идиллию его наслаждения чаем, — если вы считаете, что для всех я умер, вы ошибаетесь.

— Вот как? — Мефистофель усмехнулся.

— Мои однокурсники знают, что я жив.

— Ваши однокурсники умирают до сих пор с похмелья. И они нам, уж поверьте, не помеха. Один из них — наш человек.

— Можно узнать кто?

— Нет. Это ничего не изменит. Какие отношения у вас были с коллегами по «Гному»?

— Нормальные. Странно, что вы этого не знаете. А то у меня начал складываться образ, что вы человеческое воплощение Всевидающего ока. Или нет... скорее, вы носитель демонического образа — мой личный демон. — В моих словах была издевка, но Мефистофель на нее не реагировал.

— А Брамборис? Неужели вам не хотелось его проучить?

— За что? Или вы, как и он, считаете, что это я писал анонимные письма?

— Нет, письма писали не вы. Их писал Брамборис.

— Тимофей?

— Да. По нашему поручению.

Нам нужно было исследовать психологию тех, кто их получит.

— Значит, моя психология вас не интересовала?

— Вашу психологию мы знаем и так.

— Ах да, вы же мой личный...

— Кстати, с женой его все в порядке. Если вас что-то терзает, знайте, она беременна, никакого выкидыша.

— Что ж, очень за нее рад. А зачем Тимофей так кощунствовал?

— Отчасти по нашей просьбе.

Решил так поиграть на ваших нервах. Но переусердствовал. Нагородил чепухи. Поистине, Бог лишает в ненависти разума. А он вас ненавидел. И в решающий момент не смог справиться с собой. Ему нужно было всего лишь сделать так, чтобы вы ушли из клуба до взрыва, а он начал заниматься самодеятельностью. Зачем-то названивал вам с просьбой

вернуться. Вам не приходило в голову проанализировать его поведение?

Думаю, не приходило. Вы излишне доверяете тем, кто вас обманывает, и склонны не верить друзьям. Впрочем... не страшно. С опытом это пройдет. Брамборис-то даже до прокураторы не поленился добежать, чтоб покляузничать. Решил, что мы не узнаем. Дурачок.

— Так, значит, письма писал он... Получается, что угроза взорвать всех в «Карт-бланше» исходила от вас? Одного не пойму, зачем они туда пошли? Если бы я получил такое письмо...

— Все равно пошли бы.

Я напряг память, ведь я действительно удивился тогда этому выбору, но счел его коллективным бессознательным, — когда мысли всех устремляются каким-то неизбежным образом в одну точку, — и не стал возражать. Да-да, вспомнил, как Брамборис всех на это подбивал.

— Сработала идея о бесстрашии. Мол, только так можно показать негодяю, что его не боятся. Чертовски изобретательно, согласитесь.

— Чертовски звучит в ваших устах не как фигура речи.

— Хотите примерить костюм Фауста? Не рекомендую. Вся эта история — выдумка взбалмошного немецкого старика. Мы вам приготовили роль куда более достойную...

— Не спрашиваю какую. За наше короткое общение привык, что у вас не принято отвечать на прямые вопросы.

Дыхание Вики стало ровным, рука, которую я держал в своей, размягчилась и повлажнела. Человек, сидевший перед нами, не представлял опасности в том понимании, к которому привыкли простые люди. Опасности для жизни. Но, видно по всему, он и впрямь пришел за моей душой.

— Скажите, вы хоть иногда задумывались, что ваше дурацкое шоу опаснее, чем оружие массового поражения?

— Ну вам должно быть известно, что да... бывало. И даже от тошноты собирался уходить.

— И почему не ушли?

— Да как-то так.

— Вас отговаривал Аскользин?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Это деликатная тема. Он хорошо ко мне относился.

— Вам известно, что вас за глаза звали его стукачом?

— Вам виднее. В глаза по крайней мере не решались. Мои попытки уйти не нравились Аскользину, он уговаривал меня подождать еще немного. Говорил, что вот-вот все изменится. Как он, кстати, пережил мою смерть?

— Вас занимает только собственная жизнь. Вы эгоцентрик.

— А кто не эгоцентрик? Только тот, кто носит маски. Что ж, я могу ее надеть и переспросить: Павел Петрович, наверное, расстроился, что погибли все сотрудники закрытого с позором шоу «Гном-5»?

— Вы начинаете оправдывать мои чаяния.

— Чем же?

— Опять поспешный вопрос! У Аскользина вы завтра можете сами спросить, расстроился он или нет. Не хочу ничего утверждать за другого человека.

Я хотел рассмеяться. Но сдержался.

— Пожалуй...

— Давайте вернемся к вашему шоу. Огромные рейтинги. Успех. Признание. Деньги. Кстати, вы знаете, как делают рейтинги?

— Мне это неинтересно.

— И все же я расскажу. — Мефистофель поставил свою чашку на поднос. — Рейтинги — это особая технология обмана. Их нет! Их придумывают, чтобы заморочить голову. Игра на отсутствии собственного мнения у людей, игра на безвольности и глупости! Деньги делают деньги. Отсюда и кризис. Мыльный пузырь. Раз — и все! — он лопнул. Лопнула система, построенная на обмане. Обман есть, а система, его плотно защищающая и охраняющая рассыпалась. То же самое и с вашим «Гномом» — Глобальным новым обществом мира... обществом дебилов.

— И что вы предлагаете? Ловить и удерживать обман новой системой? Ведь его нужно охранять! Он приносит столько денег. Собственно, только он и приносит.

— У вас богатое воображение.

— Чем эти системы будут отличаться? Только формой! Шоу

было действительно интересным. Его смотрели.

Мне не верилось, что я так серьезно могу говорить обо всей этой истории. Какой-то сюр... Слова, казалось, произносил не я. Мне было забавно. Это точно я?

— А какая роль была у этого шоу? Ничто столь популярное не может быть случайным, так ведь?

— Откуда мне знать? Я всего лишь ведущий. Торговец внешности и речи.

— Как проститутка?

— Нет, она торгует другим.

— Вы мечтали о том, чтобы обрести власть над своими коллегами?

Мой Мефистофель явно имел маниакальные наклонности... Демоничность и безумие.

— Да! А почему, собственно, нет? Хотел!

— А получите — не испугаетесь?

— Вы предлагаете мне власть над мертвецами?

Меня успокаивало только одно — что развязка должна была наступить вот-вот.

— Они живы.

— То есть как?

— Мы их вывезли до взрыва.

Сейчас вы слишком устали, чтобы понять все. Но в целом вы выдержали испытание на отлично. Осталось немного.

— Можно я произнесу при вас сакраментальное: «Слава богу»?

Мой Мефистофель не исчез. Он продолжал сидеть... как жалко! Хотелось действительно чуда, яркой кульминации грандиознейшей новости. Слава богу, что все живы! Слава богу!

— Мы, к сожалению, гуманны. — Голос незнакомца впервые за разговор обрел доверительные, обволакивающие воздух ноты, будто заходил в душу. — Они вполне заслуживали худшей участи. Те, кто отупляют народ, питают его иллюзиями, что настоящие герои нашего времени — ничтожества. Вы понимаете что произошло? Произошел слом идеалов, реальных, выстраданных...

— Только не говорите

«духовных», — съязвил я.

— Это сказали вы. Произошел кризис сознания. Колосс на глиняных ногах рухнул. Нужна реальная основа, где-то потерявшаяся национальная

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

идея. — Мой Мефистофель натужно засмеялся.

Смех сатаны? Мое сознание лихорадило, оно не могло вместить в себя происходящее и защищало себя только сарказмом. Некая эйфория достигла своего пика. Мне уже было хорошо.

— Наша задача — вернуть страну в правильное положение. Вернуть на экраны и в сознание людей человека, а не персонажа!

Мой Мефистофель оживился. Его голос уже не был холодным сочетанием звуко: видимо, он проник туда, куда так стремился.

— Завтра реалити-шоу возобновится. Это будет ваше шоу, но с нашей четкой установкой. Вы будете первым человеком, взрывающим плотину пошлости на телевидении. Первым из сотен тысяч, которые выйдут на арену, когда эта поганая компрадорская власть утопит сама себя в дерьме кризиса. У вас будет настоящая власть над теми, от чьей ненависти вы мучались так долго. Реванш — сладкое слово. Рекомендую вам согласиться. Очень рекомендую.

— Что я должен делать?

— Завтра явиться на работу. Ровно в полночь. Там вас проинструктируют. А сейчас отдохните. Побудьте еще мертвым. Это, как ни странно, действует благостно. Воскрешение должно быть триумфальным!

— Я еще не сказал «да».

— У вас была возможность отказаться. Но вы ей не воспользовались. Ради вашего же блага я посчитал, что вы согласились. Впрочем, вы можете меня разубедить.

Тишина в комнате. Дыхание Вики.

Тот, кто должен был за меня сказать «нет», промолчал. Дело сделано. Судьба поднимает руку победителя.

— Кто из моих однокурсников «ваш»?

— Проводите меня до двери. — Мой Мефистофель встал. Маска мучительно медленно плыла ко мне. Или мне так показалось, потому что я очень сильно ждал ответа.

— Прежде чем ответить на этот вопрос, — сказала маска ледяным голосом, который мне будет сниться в кошмарных снах до последних моих

дней, — я открою вам важную вещь. Вы спасли свою подругу. В случае вашего отказа нам пришлось бы убить и ее.

Как ни странно, меня это не удивило. Нечто подобное я ждал. Но мозг отказывался строить предположения о моей участи. Хватит. Я сыт по горло. Я жив... жив дважды, трижды, четырежды! Эта темнота квартиры, словно преисподняя, начинала душить меня. Мне хотелось скорее отвязаться от нее. Как сильно я жду момента, когда наконец зажгу свет и вырвусь из этого крошечного кошмара. Что-то должно меня вытолкнуть к свету!

— Этот человек Лебедев. Он будет рад, что вы сделали правильный выбор.

Дверь за Мефистофелем закрылась. Мне казалось, что я опять слышу его зловещий смех.

Я вернулся в комнату. Во рту горчило. Вот оно как!

Продажа души — вполне обычный акт. Можно сказать, незамысловатый. Интересно, а выкупить назад ее можно?

Я нашел выключатель, свет ударил в глаза. Вика стоял передо мной голая. Спокойная, бесстрастная, бесстыдная, как античная статуя. Близость была долгой, тягучей, бессловесной. Почти сон... Потом Вика, отпрянув от меня, долго смотрела куда-то вверх, дежурно чмокнула меня в щеку, словно благодарила за какой-то пустяк, тихо оделась и ушла.

Розы так и остались стоять на кухне. В несусветной формы вазе. Реальное доказательство вещественности произошедшего, ставшего почти дымом. Впечатления от ночи тихо истлевали, обнажив всего лишь две истины.

Первая: «Я больше никогда не увижу Вику».

Вторая: «Я люблю Ирку».

— Павел Петрович! Ну все, езжайте домой. Отоспитесь как следует. — Уговаривал Тимофеич Аскользина.

— Отсыпаться некогда. Поеду сразу в офис. Подремяю немного — и за дело. Сами понимаете, кораблю сейчас без капитана нельзя.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

— Ну как знаете.

Дверь за Аскользиным захлопнулась гулко, словно кто-то сдавил ей горло перед решительным криком.

Тем временем Игнатьева достала из сумки пачку сигарет и довольно развязно попросила Голикову пепельницу.

— Тут тебе не трактир, — довольно резко осекла ее Лена.

— В таком случае я пошла, — фыркнула Игнатьева и тут же резко встала, поправила юбку и направилась к выходу.

Лена преградила ей дорогу.

— Стой! — В лицо девушки полетела горсть молотого перца, который Голикова предусмотрительно захватила с кухни — знала, что лишним не будет.

— Владимир Тимофеич, быстрее стул! Со спинкой. — Прыгунов метнулся в кухню.

— Черт, там только табуретки.

Он бросился в комнату.

Лена держала руки Игнатьевой, Тимофеич, мигом притащивший стул, помогал ее усадить.

— Держите руки.

Тимофеич перехватил запястья Игнатьевой, но та и не думала вырываться.

— Где ванна? Мне надо промыть глаза. Все горит! Я ослепну из-за вас!

— Ничего-ничего, от этого не умирают. Сиди здесь, принесу таз с водой, а то еще запрешь в ванной, — злорадно прошипела Голикова.

Она быстро принесла таз и кувшин воды. Игнатьева промыла глаза, но они все еще щипали и были красными. Тушь размазалась по всему лицу.

— Мой как следует! И не три, а то хуже будет. Промывай!

Лена захватила с собой полотенце и чулки. Как только Игнатьева вытерлась, она связала ее руки за спиной и обмотала чулками вокруг стула.

— Сиди и не рыпайся! Поняла? Перца у меня много. Больно связывать не буду, чтобы руки не затекли. Все равно со стулом куда не уйдешь. Если вздумаешь кричать, воды не принесу.

Со стороны, чьей-нибудь разбушевавшейся фантазии могло бы

привидеться, что суд инквизиции только что приговорил ведьму к сожжению.

— Захочешь в туалет, позовешь, — отчеканила Голикова уже из коридора.

Есть хотелось смертельно, но и спать тоже. Лена и Тимофеич зашли на кухню. Она наскоро вскипятила чайник, достала из холодильника колбасу, сыр, сделала бутерброды. Говорить уже не было сил, да и все уже сказано.

Островерцев все решил. Последний выдох сделан. Тянуло в сон, но спать придется по очереди, как в карауле. Замысел шефа они оба поняли.

Скорее всего, завтра будет обнародована картотека. Что же потом? Крах системы или ее укрепление? Мелочи станут еще мельче? Или акулы еще злее?

Лена попросилась поспать.

Тимофеич взглянул на нее по-отечески, ужаснулся ее опухшим от бессонницы и усталости глазам и отпустил. Уж как-нибудь постарается продержаться. Да и есть о чем подумать.

Он заглянул в комнату.

Игнатьева смиренно сидела на стуле и, как ни странно, дремала. Надо же. Спящая — совсем девчонка, лицо спокойно, почти ангельски чисто. А в жизни — фурия. Бывает же такое! Физиономисты поломали бы голову над этим случаем.

Вообще много чего есть чудного на белом свете.

В кармане пиджака завибрировал мобильный. Тимофеич посмотрел на него и вспомнил, что не позвонил жене. Но это была не она.

— Володя? Как вы там?

Управились?

Голос ни с каким другим не перепутаешь. Это был генеральный. Вот так неожиданность...

* * *

На рассвете в тихую погоду море девственно. Пена на волнах нежная, ребячья, и даже возможное появление Венеры из вод, выглядит осквернением первозданной чистоты и невинности. Линия, разделяющая бирюзовую гладь и голубую бездну неба, почти не видна. Только живописцы знают прием, как ее определить, а потом запечатлеть. Просто глазу это не дано. Воздух

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

осторожно влажный, холодноватый, с привкусом тоски. Побережье в этот час пусто, а песок вял и темноват. Рестораны наглухо закрыты, — чтобы перекусить, надо подниматься выше от береговой полосы, и то шансы невелики.

Петко Ивайлов ранним утром на море ощущал себя дивно. Здесь его застарелое одиночество, преображаясь, втекло в самую суть бытия, солидаризировалась с ним, позволило гордо вздохнуть полной грудью уставшему и потерявшемуся человеку. Им были написаны сотни пейзажей этой поры, но ни один его не удовлетворял до конца. Иногда ему чудилось, что Бог так наказывает его, заставляя рисовать одно и то же, одно и то же...

Когда председатель союза болгарских писателей Николай Петров предложил ему, коренному жителю Варны, переселиться сюда и сторожить этот заброшенный писательский дом отдыха, затерявшийся между шумным городом и завлекательными Золотыми песками, он сначала отказался. Нет, он еще не сдался и не станет затрапезным сторожем! Он же не маргинал, а художник! Его картины еще найдут покупателя, и он выберется из долгов и заживет как встарь, rispetабельно и красиво. Ведь совсем недавно с таким триумфом прошла его экспозиция в галерее Элки Нягоновой. Пусть ничего не купили, но зато сколько слов красивых довелось ему услышать о себе! Он едва не прослезился. Да и Алиса Васильевна стала приглашать его в свой салон как дорогого гостя, и вовсе не потому, что он близок с Олегом. Ей по душе его работы, а она — человек понимающий, по крайней мере так о ней говорят последние люди в Варне. Эти мысли проносились в его мозгу, легко и соблазнительно кололи, но так же незаметно, как ангелы, улетали подальше, давая возможность и время не поверить в их существование. Мысли мыслями, а жизнь жизнью. В конце концов он взвесил все за и против и решился. Еда обеспечена, свобода тоже, обширные подвалы дряхлого дома позволили соорудить шикарную мастерскую и не платить этим толстопузам из мэрии постоянно растущую аренду. Работай, пиши,

живи, а до города рукой подать. Сел на автобус, и через сорок минут ты в центре. Сомнения отступили, но все же... Так резко все менять! Последнее слово пусть будет за Олегом, он так помогал Петко Ивайлову все это время... Олег неожиданно обрадовался такому повороту. Выяснилось, что с Петровым они отлично знакомы, вместе учились в военном училище на Украине. Надо же, какое совпадение! Олег Камолов съездил вместе с ним на место, все внимательно осмотрел и высказался окончательно:

— Тебе здесь будет лучше, чем где-либо... Я буду часто приезжать, чтобы ты не скучал, а ты поправишься здесь духом и будешь чувствовать себя превосходно. Поверь мне.

И Петко поверил. И не жалеет! Русских надо иногда слушать! Они народ битый. Вот уже не первый год он здесь коротает дни и ночи, поздоровел, нервы перестали шалить. Олег его частенько навещает. Подбадривает. Бывает, кое-что из написанного здесь, продается в салоне у его супруги Алисы Васильевны. Недавно один богатей приобрел его пейзаж. Из этих самых, раннеутренних.

Его «служебные» обязанности совсем неуютительны. Приглядывать, чтобы на территорию не проникал никто из посторонних, следить, чтобы не случилось пожара или другого недоразумения, и два раза в день осматривать постройки. В остальное время можно делать что хочешь. Иногда он представлял, сколько писатели здесь извели бумаги, а теперь он изводит холсты и краски. Их было много. А он один! Он — царь этого места. Тайный царь!

Здесь Петко Ивайлов, прежде считавший себя совой и ненавидевший ранние подъемы, полюбил вставать с первым солнцем. Он вдыхал солоноватый воздух, доходил до моря, в хорошую погоду окунался, а то и просто бродил по песку, ловя миги рассвета. Потом возвращался в свои покои, с аппетитом завтракал, брал подрамник — и снова на берег. Когда-нибудь он создаст этот пейзаж, создаст то, ради чего он, возможно, и рожден. И найдет для себя суть искусства, суть смысла, суть счастья. И почувствует себя равным Богу...

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

Сегодня, поднимаясь к дому отдыха, он услышал, как паркуется около ворот машина. Кто это так рано?

Олег ожидал его, приветливо улыбаясь. Он как всегда подтянут, в бейсболке, в спортивной, но на редкость изящной одежде. Ему никогда не дашь пятьдесят пять. Мальчишка!

— Приветствую тебя, Петко!

— Здравствуй, Олег! Чем обязан столь рано такому дорогому гостю?

— Дела, брат, дела... Кофеем напоишь?

— Ну а как же, таким, как ты любишь!

Олег посидел недолго. С его слов Ивайло понял, что Николай Петров сегодня здесь назначил конфиденциальную встречу и придется ему до вечера отправиться в Варну. Олег предложил ему зайти к Алисе Васильевне, она все равно скучает на их вилле, и составить ей компанию. А к вечеру он отвезет его обратно. Петко без охоты, но согласился. Как он мог не согласиться с Олегом?

Тимофеич никогда не афишировал знакомства с генеральным. Да-да, знакомство было, но оно не имело никакого значения. В кабинеты начальства, выше Островцева Прыгунов не имел обыкновения стучать, а «сам» тем более своей должностью отрезал к себе все пути. Если бы не должность, многое бы они с удовольствием вспомнили за рюмкой чая. То светлое время, когда они однокашниками выпустились с юрфака и были распределены в прокуратуру простыми следователями. Потом жизнь развела их. Пару раз они сталкивались в коридорах на Большой Дмитровке, но генеральный делал вид, что не узнает Прыгунова. Сухо здоровался, как со всеми.

— Да, слушаю... Управилась.

— Я не могу долго объяснять.

Сейчас подъедут ребята. Надо обыскать квартиру Аскользина. Ордер будет с ними.

— Квартиру Аскользина? Но он же...

— Это моя просьба. Не приказ. Я знаю, что вы встречались. Я в курсе многого, и даже незаконного удержания свидетельницы вами сейчас. Пожалуйста, произведи обыск

сам. И доложи о результате. По этому телефону.

Прыгунов незаметно для себя выправился.

— А адрес они знают, куда приезжать?

— Они знают.

Тимофеич не находил ответа, что происходит. Откуда вытекают и куда впадают потоки информации? Кстати, о потоках. Ему показалось, что голос генерального смешивался со звуками морского прибоя.

Жалко будить Лену.

Тимофеич тихонько, на цыпочках прошел в спальню, потряс ее за плечо. Она открыла глаза.

— Я все поняла. Не волнуйтесь.

Когда он вышел, машина уже ждала у подъезда. Он взглянул на часы. Половина седьмого.

Катя и Сергей обладали друг другом отчаянно, будто последний раз в жизни, отдавались порыву влечения тел, потом отдыхали и опять набрасывались друг на друга. Наконец их сломил долгий сон, легкий и крепкий.

Проснулся он раньше, чем она, посмотрев на нее, скорее, с удивлением, чем с нежностью.

Катя открыла глаза. И сразу зажмурилась. Вид довольной, нашкодившей девчонки.

— Завтракать? — кокетливо подмигнула она и легко соскочила с постели.

Сергей потянулся за пачкой сигарет. Все проблемы вернулись вместе с этим утренним светом. Если бы можно было вычеркнуть вчерашний день из календаря жизни. Белое-белое утро. Даже режет глаза. «Нет, я не радуюсь ему. Надеюсь, у меня будет еще эта возможность. Но с одним условием. Если найду этого чертового Синицына».

После нескольких затяжек Астахов встал с кровати.

Он слышал, как Катя что-то говорила Амиду.

— Ну что, ребята?! Я вас оставляю, — сказал Сергей, входя в кухню, где ароматно пахло кофе.

— Подожди, ты куда? — удивилась девушка. — А завтрак? А

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Амид? — Она изумленно посмотрела на Хумзаева.

— Некогда. Нет ни минуты.

Поверь. Позаботься об Амиде — все-таки ранение. — Взгляд Астахова выражал многое, в нем в комок слепились нежность, воспоминания о ночных объятиях и благодарность за то, что Катя сделает все как надо. — Я позвоню.

— Амид, если через двое суток меня не будет, значит, я труп.

— Подожди, и что мне делать?

— Если со мной что-то

случится — это твое спасение. Но, надеюсь, что все-таки у нас обоих есть шанс. И фамилия этого шанса Синицын. Мне надо достать его. Хоть из-под земли.

— Чем я могу помочь тебе? —

Амид был искренен. — Только не говори, что ничем. Вот телефоны моих братьев — они помогут, сделают все, что нужно.

— Не надо. Я постараюсь сам.

Тех, кого Генеральный назвал ребятами, Прыгунов раньше не видел. Странно, у него хорошая память на лица, и если он кого хоть раз встречал в прокуратуре, в лицо бы узнал. Парни всю дорогу молчали. Мрачноватые лица плюс бешеная скорость, создавали неприятные inferнальные ощущения. Дома мелькали в поворотах и уносились в воронку, из которой вырывалась машина. Фонари щурились презрительным светом, сонные окна равнодушно поглядывали на улицу, заботливо прикрыв шторами этот беспокойный мир от отдыхающих домочадцев. Подъезды, деревья, повороты, повороты... И вот машина резко тормозит. Гостиница «Марко Соло», будь она неладна. Вход помпезно, в ряд, обсажен миниатюрными елями, длинный козырек будто торопится впустить гостей в отель.

Аскользин живет напротив. В мрачном, сером неприветливом доме, сливающимся с утром.

Они вышли из машины.

— Вам просили передать, чтобы вы не вмешивались в процесс проникновения в квартиру. Обыск будет без понятых, — процедил сквозь зубы самый высокий из них.

Ребята оказались шустрыми, на раз-два открыли подъезд и минуты за три квартиру.

Их умению можно было подивиться. Залаяла собака. Терьер, уже знакомый Тимофеичу, как и полагается, не был рад гостям, за что пса довольно сильно пнули ногой.

— Ну зачем так? — возмутился Тимофеич и потрепал, успокаивая, завизжавшую собаку. Терьер несколько раз тявкнул, не собираясь сдавать позиции хозяина, и был заперт в ванной.

Аскользин говорил, что поедет на работу. Не соврал.

Квартира Павла Петровича выглядела помпезно. Почему-то Прыгунов полагал, что он живет скромнее. А если и не скромнее, то по крайней мере старорежимнее, что ли. Но не тут-то было. Их окружала роскошь: антиквариат, картины, огромный метраж.

Тимофеич вздохнул.

Тот, кто говорил с ним у подъезда, очень быстро и тихо сказал:

— Ваш кабинет, наше все остальное.

— Что ищем-то, ребята?

— Мы хотели у вас спросить. —

Парень довольно зло усмехнулся и, натянув на руки перчатки, открыл дверь в спальню.

Кабинет Аскользина производил впечатление. У окна огромный дубовый стол, как и полагается антиквариату, с зеленым сукном. Аккуратная стопка бумаг, компьютер, ручка, не иначе как с золотым пером, и ежедневник. Прыгунов огляделся в поисках сейфа. Его не было. Во всяком случае на виду. Может, он спрятан — вот хоть, к примеру, в книжный шкаф.

Тимофеич открыл ежедневник на той странице, в которую был вложен сложенный вчетверо лист. Сегодняшняя дата. Запись «*Прохору счет... Матрас. долг... письмо Алисе... звонить в собач. гост. Насте*».

«Что за собач. Гост.? Кто это Настя? Прохору счет?» Тимофеич развернул сложенный лист бумаги. То, что он увидел, заставило его взяться за сердце.

Лена лежала на краешке дивана, укрывшись пледом почти с головой.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Чтобы не уснуть, она силилась вспомнить что-то забавное. Частенько спать не хочется именно из-за неотвязно липнущих мыслей, а сейчас, когда глаза придавливает сном, она искала что-то, что могло взбодрить сознание. Она стала думать об Астахове. Нет, не о том, что с ним случилось. Лене почему-то показалось, что он вполне ей подходит. Она иногда с обидой чувствовала его показное мужское молчание в свой адрес. Что было делать? Самой провоцировать сближение? Глупо. Ждать? Чего? Лене стало горько, и защипало глаза в приближении слез.

За окном уже созрел чудесный рассвет, птицы отпели все свои утренние побудочные песни.

Звонок мобильного прозвучал беспощадно громко. Таким же громким был и голос звонившего:

— Я вас, наверное, разбудил? — Это был Спиридон. — Мы договаривались. Ну, помните, насчет моего пса, Чарли?

— Нет, не разбудили. Я сама собиралась вам звонить.

— Я точно не разбудил? Решил успеть до работы, — ведь с этим взрывом вам не до выходных, так ведь? А то потом будет не до меня.

— Очень правильно сделали. Тем более вам можно в любое время — вы же мой спаситель.

— Не лукавьте! Примерно представляю, где вы работаете и зачем я вам. Помогу чем смогу. Обещаю. Но дело в том, что Чарли за ночь стало хуже. А вы говорили, что у вас есть врач. Это так? Или просто...

— Конечно, есть врач. Подождите минуту. Я вам продиктую его телефон.

Сумка лежала у дивана. Лена вынула из нее записную книжку. Нашла номер. У нее действительно был знакомый ветеринар. Спиридон записал, несколько раз переспросив. Боялся перепутать цифры.

— Вы уж простите меня, что я сама вам не позвонила.

— Не за что извиняться. Если ваш знакомый поможет, уже я буду ваш должник. Догадываюсь, что я очень любопытен вам как человек, живущий в доме рядом со взорванным караоке. Я размышлял все это время, чем могу быть вам полезен. Так вот. Есть одно обстоятельство. Я выходил

за хлебом около десяти вечера — днем забыл купить. А магазин круглосуточный далеко. Пришлось обойти весь квартал. В двух-трех дворах стояли пожарные машины. Они ждали. Никуда не двигались. На тот момент пожара нигде не было. А минут за пять-десять до того, как рвануло, я слышал сирены. Машины въезжали в сад. В несколько разных ворот. Я видел из окна. Понимаете, до того, как рвануло. Не после, а до. За несколько минут. А кроме пожарных машин, там были еще две огромные фуры. Они сразу же уехали. Причем в разные стороны. И еще, запах гари был до взрыва. Очень сильный, едкий, я захлопнул окно, отошел от него и услышал грохот.

Сон как рукой сняло. Спиридон продолжать что-то говорить про Чарли, но Лена его уже не слышала.

— Я позвоню вам. Спасибо.

Узнаю, как ваш Чарли.

— Да, звоните. Обязательно звоните.

Лена ругала себя за то, что этот разговор не состоялся раньше. Черт! Все только по ее вине. Шефу никак не сообщить. Так... Пожарные и фуры прибыли на место до взрыва. Это вполне укладывается в версию Островерцева о преднамеренном взрыве. Кое-кто знал о нем заранее. У Лены задрожали коленки — она почувствовала бессилие.

Только бы с Тимофеичем ничего не случилось!

Подл мир! — В руках Прыгунова был электронный билет на имя Аскользина и Игнатьевой в Вену.

Так вот почему этот лживый телевизионный боров так активно предлагал свою машину! Ему надо было, чтобы он поскорее уехал. Да и аварию организовать в этом случае — раз плюнуть. Следовательно прокуратуры погиб в автокатастрофе! Со всяким может случиться.

Игнатьева, видно, приехала к нему, зачем же ей было идти в «Марко Соло»? Ждать там Аскользина? Так-так, то-то мне показалось, что с Аскользиным что-то не так, когда он сидел в автомобиле, подперев голову. Оказывается, рука у головы маскировала трубку — он звонил Игнатьевой. И она именно с ним

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

говорила по телефону. Получала инструктаж, что и как теперь делать.

Значит, Григорьева убрал Аскользин. Убрал руками своей секретарши и любовницы. Осталось ответить на один вопрос: почему Игнатьева не соединила Прохора с Аскользиным по телефону. Вывод только один... Аскользин с самого начала знал, что Прохор жив, но ему нужно было, чтобы все считали его мертвым. Правда не должна была открыться раньше времени. Игнатьева лишь четко выполняла указания босса. Боже, как же мало у них времени. Лена и эта стерва там вдвоем. Если что — помощи ждать неоткуда.

— Соедините меня с генеральным. — Прыгунов от волнения забыл, что генеральный оставил ему номер для экстренной связи.

Высокий парень через полминуты дал Тимофеичу трубку.

«Думай, думай, угадывай, докажи всем, что ты не посредственный юрист, а женщина с великими способностями». Лена вскочила с дивана. Кухня на секунду, показалось, завертелась перед глазами и вот-вот взорвется и улетит. Она с силой потерла виски, потом глаза, — все встало на места в окружающем мире. Собраться, собраться... Итак, запах гари был до взрыва. Пожар начался раньше. Курганов — сын пожарника. Взрывчатка в машинах. В пожарных машинах... Так, Курганов? Курганов. Месть за отца? Работу пожарных он знает от и до. Сначала закрыли сад, эвакуировали людей, впустили машины, чтобы выгрузить взрывчатку, — точно-точно, пожарные машины никогда не будут проверять. А фуры? Лена улыбнулась сама себе. В фурах завезли трупы лошадей и на них же вывезли всех, кто был в «Карт-бланше», включая и сына Матрасова. Само собой логично, что отключили камеры, а Астахов пропал, раскручивая этот след. Но они не предусмотрели Спиридона или кого-нибудь еще из жильцов соседних домов... хотя им и не надо было это предусматривать. Островерцев прав. Им нужен всего один день. А за один день всех жильцов допросить невозможно. Мне помогла

случайность. Но при чем тут лошади? Надо проверить.

Елена почти вбежала в комнату. Пленница встретила ее затравленным взглядом. Но та лишь мельком посмотрела на красные следы на руках от пережимавших их чулок — видно, Игнатьева безуспешно пыталась их расцепить.

Молодая следователь села к компьютеру. Островерцев впопыхах или сознательно не вышел из своего ящика. Во «входящих» были новые письма. От Габричского. Она открыла их одно за другим. Вчитывалась в какие-то списки, не вполне отдавая себе отчет, что конкретно ожидает увидеть. Бессмыслица какая-то. Зачем он это прислал? Сканы выцветших страниц бумажного архива конезавода № 17 Якутской АССР, служебные записки и положения... Господи, бред какой-то. Какие еще «положения»? Ветеринарные справки, прошения, списки сотрудников. Почти везде подписи или резолюция директора Сергея Матрасова. Ну про отца Арнольда они уже все выяснили... Так. А это что? Быстрый взгляд Лены застыл. Ах вот оно... Последнее звено.

Что такое? В замочной скважине входной двери поворачивалась отмычка.

Легкий толчок, и самолет покати по посадочной полосе. Сначала резво, а потом все ощутимее теряя силу своего стального бега. Пассажиры захлопали в ладоши, благодаря пилота. Островерцев, до этого дремавший, открыл глаза, посмотрел в окно на стремительно проносящийся аскетичный и в каждый стране неизменно наводящий уныние пейзаж аэропорта. Иногда пара часов дремы помогает лучше, чем многочасовой сон. Почему-то ему вспомнилась теория про астрального двойника. Видимо, при непродолжительном сне ему лень отделяться от тела — отсюда и безболезненное пробуждение.

Бесстрастный голос поблагодарил пассажиров, что те воспользовались услугами авиакомпании. Люди начали вскакивать с мест за своими сумками и нетерпеливо выстраиваться в очередь на выход.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

План сегодняшнего дня был известен давно. Его оставалось теперь только точно и выверенно исполнить.

Таксисты культурно дежурили возле аэропорта, а не бросались с предложением подвезти к каждому выходящему.

— Гостиница «Черное море», — обозначил маршрут Островерцев.

В Варне едва-едва начинался ясный день. Воскресный утренний покой уже насытился жаром и вальяжно преобладал надо всем. Через открытые окна в машине ветер разбавлял зной, но не избавлял от него. Сладковатый запах свежей травы и расцветающих пионов время от времени врывается в салон. Машин еще мало. Вдоль дороги уже открывались кафешки, шустрые официанты расставляли стулья, протирали столы, набрасывали на них скатерти и быстро приглаживали руками. Дома стояли по-балкански разрозненно, но весь пейзаж хранил аккуратный уют.

В пиджаке сейчас определенно тяжеловато.

Аэропорт находился недалеко от города, поэтому доехали быстро. Такси припарковалось на одной из прилегающих к приморскому бульвару улиц.

Гостиница «Черное море» — абсолютно обычное, без изысков здание, мрачноватая высотка советского стиля. Пресловутые три звезды с номерами весьма умеренного комфорта и обилием проституток из стран бывшего СССР. Именно здесь, в ресторане отеля, они должны встретиться. Олега Островерцев видел всего раз в жизни, восемь лет назад. Про впечатления о нем он не задумывался, хотя они сложились: с виду обычный, приятный фатовый мужик. С головой на плечах. Замутит неплохой бизнес, торгует недвижимостью. Да, было интересно, почему выбор Земцова пал на Олега? Но выяснять это не имело смысла, в конце концов, он всего лишь исполнитель воли.

Земцов остался самым загадочным человеком для Петра Алексеевича.

В ту самую ночь, когда было совершено убийство, Яков Максимович оставался на работе допоздна. До сих

пор не верилось в то, что произошло. Он был убит в стенах прокуратуры. Как убит? Задушен. Без сомнения, он был задушен, хотя, само собой, все в итоге свели к самоубийству. (В то время среди слуг правопорядка самоубийство чуть ли не вошло в моду). Похоронили тихо, тело, разумеется, не эксгумировали. И вот однажды, спустя девять дней после смерти Земцова, в курилке, воспользовавшись тем, что рядом никого не оказалось, Островерцева окликнул уборщик и тихо, показывая лишь взглядом важность того, что говорит, сказал: «Стопка газет на вашем столе. Я не убирал. Может, что-то нужное. Посмотрите».

Вернувшись в кабинет, Островерцев погрузил всю пачку в портфель. А дома в одной из газет нашел записку.

Она была от Земцова. *«Петр, я ни о чем не прошу. Скоро меня не станет. Хочу, чтобы ты знал: то, что стоило моей жизни, находится в тайном месте — это материалы по закрытым делам и архив списка моей картотеки. Если вдруг ты сочтешь, что хочешь, а главное, можешь нести это бремя, я умру спокойно. Если же нет, значит, пойдет прахом все, чему я посвятил долгие годы. Сразу предупреждаю, что, согласившись, ты подписываешь себе приговор. Они не остановятся ни перед чем. Ты осторожный, и ты сможешь. Связной в Варне. Он же хранитель картотеки».* Далее шли подробные инструкции, как найти связного, как пользоваться картотекой и как ее пополнять, также там содержался алгоритм ее обнародования. Как Земцов сумел подложить этот документ в кабинет Островерцева? Сам или через уборщика? Что за человек этот уборщик? Исполнитель воли или соучастник? У Петра Алексеевича не находилось ответов на эти вопросы. В конце письма, Земцов просил, чтобы прошлое не волновало никого. Главное — настоящее. И будущее. Похоже, это был намек: попытка расследования его смерти ни к чему не приведет.

Олега еще не было. Островерцев взглянул на часы. До назначенного времени — пятнадцать минут. Пока можно выпить кофе.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Вид из ресторана открывался фантастический — на старый, чуть растерянный утренний город, на море, на берег, широко обнимающий теплую гладь. Видно так далеко, что становилось немного грустно. Как мал человек на Земле!

Вопрос доверия или недоверия Олегу перед Островерцевым не стоял, хотя и часто где-то внутри мучительно скреб. Все последние годы он верил только тем, кого подбирал сам, проверяя при этом не один год. Одним словом, верил только ребятам из своей группы. Остальным — нет. Разочарование в людях владело им так безраздельно, что иногда он боялся открыться и самому себе. Время культа денег выжигало клеймо потенциального предателя чуть ли не на каждом. А возможности узнать Олега получше у него не было, и впервые, может быть, в жизни он встал перед необходимостью слепо положиться на другого человека. Земцов очень подробно объяснил в предсмертном письме, как им встретиться и обговорить все детали взаимодействия. Больше они видиться не могли, не могли вплоть до сегодняшнего дня, до дня обнародования картотеки. Замысел покойного Земцова на удивление прост. Островерцев, не имея возможности держать картотеку в России, отправлял Олегу закодированные материалы обычной электронной почтой. Внешне все это выглядело как деловая переписка, которой не страшен взлом. Камолов же сохранял письма на сервере, к которому был доступ только у него. Где находился сервер с картотекой Земцова — не знал даже Островерцев, он только лишь пополнял ее и хранил программу по ее шифровке и дешифровке. Вот такой вот нехитрый конструктор, который складывался только при предписанном взаимодействии их двоих. Поодиночке — задача нерешаемая.

Диск с программой аккуратно уместился во внутреннем кармане летнего пиджака. Сам по себе он не представлял ничего ценного, потому что был запаролен. По плану покойного Земцова Олег должен был доставить Петра в место хранения картотеки. Там и произойдет

дешифровка. Место это должно быть полностью закрытым, чтобы за спиной Островерцева находилась только наглухо закрытая дверь, ведь переправка картотеки может быть осуществлена только Петром после запуска им программы, код к которой известен только ему, никакого второго человека, даже Олега.

При той, первой и единственной встрече Олег обмолвился, что они с Земцовым познакомились в те годы, когда только начиналась служба Камолова в органах. Что же так скрепило их отношения в прошлом? Жаль, что этого теперь не узнать... а впрочем, может, им доведется поговорить об этом с Олегом. Когда-нибудь.

Как только картотека окажется у Островерцева, он обратится во все западные СМИ с просьбой об эфире. Камолов заранее обзавелся своим человеком на одном международном канале, имеющем свой корпункт в Варне. Сбоев не должно быть. На сенсацию слетятся все. Еще бы! Русский прокурор в прямом эфире обращается к президенту своей страны и просит о встрече и о неприкосновенности, ибо обладает огромной базой компрометирующего материала на многих высокопоставленных чиновников. Фактически беспробитный ход! А вот что потом?

Он так крепко задумался, что не заметил, как Олег подошел к столу. Камолов мало изменился со времени их последней встречи. Весь его внешний вид говорил о силе и уверенности в себе.

Через пару минут «мерседес» Камолова уже увозил их прочь от центра, по шоссе вдоль моря к тайнику, к месту, где столько лет хранилась одна из главных сенсаций нового века. Проехав по трассе километров двадцать, они свернули с главной дороги и чуть поднялись над морем. Живописное место. Ничего не скажешь. Огромная естественная терраса будто взлетала над морем, то ли отступая в страхе от морской стихии, то ли демонстрируя извечное превосходство суши.

— Почти приехали, — сообщил Камолов.

Машина въехала в старые ворота, которые Олег предварительно

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

открыл своим ключом, мягко затормозила на гравии.

— Когда-то здесь был огромный писательский дом отдыха, сюда приезжали со всего мира. А теперь разруха, тишина — лучше места не придумаешь. — Олег показал рукой на ветхий флигель, спрятанный в тени древних деревьев.

— Место выбирали вы или Земцов?

— Конечно, Земцов. — Камолов внимательно посмотрел на Островерцева, на его лице изобразилась неподдельная печаль. — Идемте...

Они обошли флигель. Олег открыл небольшую дверь.

— Спускайтесь! Я за вами. Островерцев сделал шаг вперед. Маленькая лестница вела вниз. В помещении темнота, хоть глаз выколи. Он хотел спросить у Олега, где свет, как в спину ему уткнулось дуло пистолета.

Знакомый до боли голос произнес:

— Не заставляйте нас применять силу. Нас много, а вы один, сбежать не удастся. Камолов, зажгите свет. И обыщите.

Этот голос принадлежал заместителю генерального прокурора Бархатову.

Камолов защелкнул браслет наручников на запястьях рук за спиной Островерцева. Бархатов держал в руках диск.

— Гриша, держи. — К нему подошел долговязый парень с короткой стрижкой, вставил диск в ноутбук, быстро пробежался пальцами по клавишам.

Тот, кого Бархатов назвал Гришей, повернулся к нему и что-то прошептал. Островерцев догадался что. Тут же раздался выстрел. Крепкое тело Камолова грузно упало рядом.

— За глупость надо платить, — бесстрастно произнес зам генерального прокурора по следствию. — Этот тип недолго думал, за сколько продать нам картотеку и вас. Вот ведь Яков Максимович... жаль старика, так просчитаться. Но вы-то, Петр Алексеевич, другое дело. В вас он не ошибся. Хотя что в этом толку? Крышка мышеловки захлопнулась, и так или иначе мы узнаем код, от вас

или сами. — Подручный Гриша продолжал стучать по клавиатуре. — Я не верю в Бога, но верю, что людей кто-то наказывает за гордыню, а вы, безусловно, человек гордый и наверняка думаете, что обыграли всех, — Бархатов снисходительно усмехнулся. — Вообще, как это ни странно, вы мне симпатичны. — Он очевидно наслаждался ситуацией и своей ролью. — Но я вынужден был перестраховаться. Такая жизнь — столько уродов и дегенератов вокруг! Не исключаю, что мы по новой подружимся с вами. И дружить будем долго и пламенно. До гроба. Тем более что я вас переиграл по всем статьям, и вы не можете этого не признать. Признание поражения, между прочим, признак силы и ума. А и того и другого у вас предостаточно. Если бы не ваши маниакальные наклонности... Вы, конечно же, мечтали разоблачить Матрасова, уничтожить его, покончить с коррупцией. Похвально, похвально, конечно. Такая наивность — редкость для прокурора. Идеализм, помноженный на фанатизм. А впрочем, волновал вас, видимо, только Матрасов. Он — ваша идея фикс. Вы ждали одного — покончить с ним. Себе же врал, что цели ваши глубже и благороднее. Нет, — длинно, будто вытягивая что-то мерзкое из себя, протянул зам по следствию. — Личное, личное всегда важнее общественного, и даже оголтелые коммуны не смогли это перебороть в человеке. На чем в итоге погорели. Ради этого личного вы создали свою прокурорскую группу. Мы благосклонно относились к вашим играм в честь и совесть, мы даже уважали в вас этот ребяческий энтузиазм и прикрывали ваши просчеты. Жаль, в учебниках по криминалистике никогда не опишут ваш случай! Система не прощает измены. Вас вымарают из ее истории. И следа не останется. Между тем я вас понимаю... реванш один из сильнейших двигателей истории. И представьте себе, в этом мы с вами очень похожи. Только вы разочаровались, а я нет... Разочарование — удел слабых, причина неудач и проигрышей. Вы убедили себя, что справедливости в мире больше нет! При этом вы не утруждались призадуматься над тем, что такое справедливость. Может

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

быть, вы просто-напросто неправильно ее понимали? Но вы уже впали в уныние. Ваш реванш — унылый реванш. Уныние — смертный грех! Вот вы и придумали, что вернуть правду в страну можете только вы. Вам самому не смешно? Ну если по-честному? У меня никогда не было подобных иллюзий, поэтому я избавлен от разочарований. Это вы там, на юрфаках московских, напридумывали себе вместе с профессорами книжную юриспруденцию, а когда она на деле оказалась туфтой, закапризничали. Мне не до этого было, представьте. Я с тринадцати лет пахал уборщиком на конезаводе. Говно убирал.

Догадайтесь, кто был его директором? Островцев взглядом показал, что он понял, кто.

— Ну конечно, Сергей Матрасов! Он самый. Папашка нашего любимого с вами персонажа. С детства меня унижали, держали за батрака, за недочеловека, плебея. Никто не интересовался тем, что я чувствую, что хочу, о чем мечтаю. Будто и нет меня вовсе. Так, приложение к говну. Представляете, какая чудовищная каверза? В стране построена социальная справедливость, но на меня, пацана, она никак не распространяется. Иногда меня охватывал страх, что запах навоза будет преследовать меня до конца дней. Я и сейчас порой паникую, не пахну ли я. Даже обнюхиваю себя. Тут есть за что мстить, не так ли? Но не думайте, что месть была моей целью. Я — не вы. Во мне нет столько разрушительного эгоизма. Я им простил. Хотя знали бы вы, как я ненавидел семью Матрасовых. Месть слепа, а ум зорок. Зачем же быть слепым? Служа в органах, я поставил себе цель: используя служебное положение, раскопать все темные дела этих сволочей. И мне это удалось гораздо раньше, чем вам. Я не играл ни в какие игры. Уже давно я мог любого из них арестовать и упечь за решетку, наслаждаясь торжеством момента. Доказательств больше чем достаточно. И поверьте, мне бы не помешали. Одна только незаконная торговля книжным антиквариатом тянула на хорошую статью. Да и охотников оттянуть этот бизнес от семейки нашлось бы немало. В том числе и на самом верху. Они бы и

пикнуть не успели, как веревка затянулась бы на их холеных шеях. Между прочим, в лице Курганова я обрел верного соратника. Это была большая удача. Вышел на него почти случайно, но верно. Получился бесценный союзник с бесценной информацией, да еще и с такими обидами на семью. С Матрасовыми-то у него свои счеты. Всю жизнь они из него кровь пили, а когда он попытался бунтовать, прижали к стенке, пользуясь Володиными маленькими шалостями. Он, к своему несчастью, чересчур рискованный, игрок, любит деньги, таких легко подловить. Вам ведь известна эта история? Надеюсь, вы докопались до всех подлостей Ставского по отношению к Вове? Ну не вы, так ваша Голикова могла. Она в Курганова мертвой хваткой вцепилась на допросе, думала, что додавит его. Я даже заволновался немного, слушая запись. Но не тут-то было. Володя очень аккуратен. Улик — ноль! Ладно. Сейчас не об этом. Я давно мог их раздавить, как мелких беззащитных гадин. Но что мне от этого? Да ничего ровным счетом. Этих раздавишь, найдутся другие. И тут меня осенило! Единственный способ настоящей мести, мести, приносящий удовлетворение, это стать богаче, сильнее и влиятельнее, чем они. Иметь возможность плевать на них так, как они плевали когда-то на меня. Я принял решение сблизиться с Арнольдом. Мне это нелегко далось, поверьте. Рвотные массы при одном его виде и звуках кастратского голоса бродили во мне, ища выхода. Но цена слишком высока, и я решил потерпеть. Сперва устроил так, чтоб ему меня порекомендовали люди, от рекомендаций которых не отказываются. А вскоре он, представьте, стал меня слушаться. Советы мои ценил превыше всего. Это неудивительно, я ему внушал сперва много дельного, чтоб он убедился в моей незаменимости и не задержался бы прежде времени. Кукла не должна понимать, что она кукла, — в этом главное искусство кукловода. Я выжидал. Почти как вы. Только не так по-идиотски... И тут кризис! Да еще мировой, опасный, катастрофический! Как нельзя кстати... Все сместилось, все смешалось, отлаженные механизмы засбоили. В верхах

ЧИТАЛЬНЫЙ 3▲Л

занервничали, начались поиски крайних. Я понял — это мой час. Пора проявить свою гениальность, талант, ум! Кто может это подозревать в бывшем уборщике навоза? А? Оцените, какая красивая идея — взорвать в центре Москвы замороженные лошадиные трупы, да так, чтобы все думали, будто это люди, и дрожали от страха! Так кто после этого идеальный прокурор? Я или вы? И кто по-настоящему смоет отомстить?! Надеюсь, вы уже понимаете мой план? Ну хотя бы частично. Сотрудников шоу «Гном 5» и сына Матрасова мы вывезли за пару минут до взрыва, как только начался ловко устроенный Кургановым пожар. Они, кстати, здесь. Сынок и телевизионщики. В соседнем подвале. Мы заканчиваем эксперимент! Удачный, как я полагаю, эксперимент. Ведь все эти патристические недоумки из Думы кричали, что шоу «Гном-5» — это эксперимент над народом, применение технологий воздействия на массы. Дурачки! Тонкости недостает оппозиции, как всегда. Одни топорные лозунги. По правде же, подопытными кроликами были те, кто делал шоу. Мы их изучали, как животных особей. Они нам должны в будущем очень пригодиться. Наш народ до сих пор слепо верит тем, кто чаще мелькает в ящике. Поэтому поверит и тогда, когда эти «гномы» начнут проводить в жизнь то, что нужно нам. Через несколько часов мы их выпустим! Они будут нам верны, как псы. Догадываетесь почему? Потому что они будут уверены, что мы их спасли от террористов. Им это внедряют в мозги. Сегодня ночью шоу откроют. Ведь этого так ждет телезритель, привыкший тупо пялиться в экран столько лет. Это будет очень интересное шоу! Старик Аскользин немного виноват перед нами и убьется, но еще одной ошибки не допустит. Запустит все в наилучшем виде, а аудиторию подготовит. Не зря мы его кормили все это время. Вы думали, наверное, что это Матрасов через Т1 собирался влиять на умы? Ха-ха! Он хоть и прожженный гад, но до нас с вами ему далеко. Он аферист, жулик, барыга по сути, как и вся их семейка. Ему бы бабки, побольше и побыстрее. А влияние? Боюсь, он и не понимает толком, что это такое. Для него

влияние — это возможность всех и все купить. Больше ничего. По-настоящему влиять будем мы. Когда я говорю «мы», я имею в виду и вас тоже. Не удивляйтесь. Просвещу вас позже, если вы сделаете правильный выбор. А пока снова к Матрасову. Я так быстро его убедил, что взрыв в саду устроили его политические враги, что эти изверги не пожалели его сына и теперь доберутся и до него, что он обезумел. Требовал найти виновных и отдать их ему на растерзание. Это я, между прочим, настоял, чтобы дело вели вы... Он тоже в вас верил. Помнил, как вы его чуть не упекли. Признаюсь, вы меня интересовали куда больше Матрасова. Я случайно наткнулся на плоды вашей деятельности, когда уточнял кое-что по Арнольду. Зацепило! Стал наблюдать. Разгадал вашу игру. Поначалу собирался вас сдать. К чему мне такой конкурент? Но потом задумался. Вы не конкурент. Вы тот, кого мне не хватает. Но как перевербовать вас? Я старался избежать нашей встречи здесь. Припоминаете наш последний разговор? Но обойтись без крайностей не удалось. Да и все не предусмотрел, когда вокруг нас люди не столь совершенные, как мы. Несколько раз вообще все чуть не полетело к черту. Кто мог подумать, что идиот Аскользин по тупости и совковой непроходимости проморгает то, как его подчиненный Григорьев влезет в наши дела? Пришлось заставить его же самого подчищать за собой! Что он сделал, увы, очень коряво. Чуть не провалил все. Он будет нам нужен еще недолго. Никакого резона с ним делиться нет. Ведь представляете, какие мы деньги получим, когда шоу вновь вернется на экраны? Бешеные! В нем будет разоблачен кто бы вы думали? Арнольд Матрасов! Это он держал в заложниках своего сына и сотрудников самого популярного шоу... Он — олицетворение коррупции. А кто его разоблачил, кто поймал? Догадайтесь с трех раз. Честные, не скурвившиеся сотрудники правоохранительных органов во главе со мной. Вот это реванш так реванш. Зрители отныне смотрят только Т1. Только на этом канале можно услышать всю правду. А правда — это огромные капиталы. Вы спросите, почему мы выпустили «на

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

свободу» двоих ведущих? Отчего не увезли их вместе со всеми? Мы следили, как они себя поведут. Это тоже часть эксперимента. Им отводилась своя особая роль. Вернее, одному из них. Аскользин настаивал, чтобы это был Черепицын, тряся за своего незаконного сына. Но мы все равно проводили между ними своеобразный кастинг! Кастинг на экстремальное состояние! Выбирали лучшего. Того, кому должны были поверить миллионы. Того, кто откроет новое шоу. Шоу, такое близкое к жизни... Причем один из них давно работал на нас. Он-то испытание и не прошел. Проиграл вчистую. Черепицын выиграл. Вы, кстати, знали, что Черепицын — пасынок этого вашего кретина-партнера, которого я только что застрелил? Пикантное совпадение, не правда ли?!

Бархатов сделал паузу, ожидая от Островцева какой-то реакции. Но, не дождавшись, продолжил:

— Вы, кстати, весьма осторожны. Даже на вашего молодца Астахова не клюнули, а я так надеялся, что вы сорветесь, броситесь выручать невинно оболганного следователя. И попадете прямиком ко мне, и мы поговорим обо всем в Москве, а не в этой дыре. Да, а между прочим, уговорить Матрасова обратить ваше внимание на версию с камерами для меня было всего лишь делом техники. А уж идти на квартиру к этому охраннику Сергей ваш сам придумал. Все так ровно шло, но потом опять сбой. Видите, как несовершенно мир, когда мы с вами по разные стороны баррикад! Вы ведь полагали, что, отказываясь от моего предложения поклевать зерно благородства, вы спасаете Астахова, оставляете ему шанс, а получалось все наоборот. Все ваш эгоизм. Пришлось мне вам новую приманку подсунуть. Здесь у меня все сошлось просто изумительно. Как я и предполагал, вы заподозрили Матрасова в попытке крепче обосноваться во власти, доказали это самому себе и приняли решение обнародовать картотеку. Другого варианта вы уже не видели. Она перезрела в вас и скоро бы начала гнить. Правильное решение! Видите, как просто: вы приезжаете сюда, а мы с Камоловым уже вас ждем. Третий оказывается лишним. Да вам меня

просто Бог, в которого я не верю, послал. Я не злодей, поверьте, мы одной крови. Обнародование картотеки — это наш с вами шанс. Но не для наведения порядка в стране. Порядка в этом болоте не будет никогда. Через вашу картотеку мы станем несметно богатыми. Мы заставим их все перевести на наши счета, а потом устроим показательные процессы. Вернем смертную казнь и посчитаемся со всеми! Люди будут нас боготворить, как боготворили Сталина, Мао Цзедун и Хомейни. Волки сыты — овцы мертвы. Выводы? Или мы играем вместе, или я вас застрелю. Времени у нас совсем мало. Надеюсь, вы успели подумать.

Бархатов взял пистолет.

— Я жду. У вас ровно три секунды.

Выстрел прогремел неожиданно. Тишину разрезало ровно надвое, как свежий торт, звук иссек целое. На лице Бархатова все то же уютное выражение, глаза по-прежнему сощурены, хоть он и лежит навзничь.

— У меня к вам один вопрос. Что станет с моими ребятами?

— Не беспокойтесь. В квартиру Голиковой пытались проникнуть, дабы вызволить Игнатьеву, но мы их опередили. С Астаховым и Прыгуновым тоже все в порядке. Полагаю, оба получают повышение.

Генеральный прокурор произнес все это дежурным тоном и никак не походил на того, кто только что застрелил человека.

Покидая территорию писательской станции, Островцев увидел несколько трупов — следы бесшумной схватки между людьми генерального и людьми Бархатова. И еще он со всей остротой понял, что план покойного Земцова не нарушился ни в одном пункте. Все прошло по его сценарию, и это лишь первое действие.

А ему предстояло начать новую жизнь. Жизнь другого человека. Для всех он должен умереть. Из старой жизни ему остается лишь комбинация цифр и букв.

Душу я продал совсем невыгодно. Фантастически невыгодно. Буквально подарил.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Я явился, как мне велел мой Мефистофель, на Т1 ровно в полночь. Там было непривычно много народу. Мое появление произвело фурор. Я всех ошеломил своим воскрешением и еще сильнее своим вопросом о программе, которую буду вести. Видно, мои покупатели чего-то не рассчитали. А на следующий день началось такое... Новое руководство объявило, что все взорванные сотрудники живы, но каким-то чудесным образом они находятся за границей. Поговаривали, что они взяты в заложники, и готовится спецоперация по их освобождению. Аскользин на канале больше не появлялся. Видно, старику была не по силам вся эта история. Уехал в Вену. Наверное, навсегда. Зачем? Но, впрочем, не мое это дело. Дай бог ему здоровья. Мне он был, пожалуй, дорог... На канале стартовали перемены, и обо мне никто не вспоминал.

И слава богу!

В стране началась властная суeta и борьба с коррупцией. Фальшивая? Может, и так. По крайней мере Арнольд Матрасов арестован за связь с криминальными структурами и превышением должностных полномочий. Его сын, между прочим, дал против него показания. Жаль мужика. По делу о взрыве арестован директор сада Вернисаж. Говорят, что он связан с кавказцами, выкрывшими наших ребят и сына Матрасова. В голове все это укладывается с трудом.

Никто уже не думает, что я мертв. Вопросов стало меньше, и к самому себе тоже.

Мою маму постигло большое горе. Внезапно от сердечного приступа скончался дядя Олег. Ей тяжело одной, она попросила меня приехать. В день отъезда я столкнулся на улице с Катей Лимонадовой и Сергеем Добриным. Они сделали вид, что со мной не знакомы. Что ж их право.

И вот я в Варне. Дышу морем. Коротая дни за вином в компании местного художника Петко Ивайлова. У него тоже горе. Дом творчества писателей, который он охранял, снесли, и будут строить новый. А ему так славно там жилось. Он пишет каждый день одну и ту же картину. Рассвет над морем. Частенько захаживает к матери. По-моему, он ей симпатичен.

Брамборис попал в автокатастрофу. Выжил, но будет инвалидом. Жена очень трогательно заботится о нем.

Вчера мать передала, что меня искал какой-то Прыгунов. Очень хочет, чтобы я повидался с его внучкой. Он оставил номер телефона. Вернусь в Москву — свяжусь с ним. Если уж до матери добрался, в Москве он от меня не отвяжется. Кто он, интересно, такой?

На два вопроса, похоже, я не найду ответа никогда. Кто прислал мне смс «*помни про однокурсников*» и кто был таинственный покупатель моей души?

Вику я с той поры не видел. В кофейню не заходил.

Завтра ко мне прилетает Ирка. Наше примирение — единственная польза от моей мнимой смерти. И еще...

У нас будет ребенок!

